

ISSN 2664-5157

Turkic Studies Journal

№1
Vol. 2
2020

Nur-Sultan

ISSN 2664-5157

Turkic Studies Journal

№ 1 (2) / 2020

2019 жылдан бастап шығады

Founded in 2019

Издается с 2019 года

Жылына 4 рет шығады

Published 4 times a year

Выходит 4 раза в год

Нұр-Сұлтан, 2020

Nur-Sultan, 2020

Нур-Султан, 2020

Бас редакторы
Ерлан Сыдықов
т.ғ.д., проф., ҚР ҰҒА академигі (Қазақстан)

Бас редактордың орынбасары Шақимашрип Ибраев, ф.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Бас редактордың орынбасары Ирина Невская, доктор, проф. (Германия)

Редакция алқасы

Ғайбулла Бабаяров	т.ғ.д. (Өзбекстан)
Ұлданай Бақтыгереева	ф.ғ.д., проф. (Ресей Федерациясы)
Дмитрий Васильев	т.ғ.д., проф. (Ресей Федерациясы)
Заур Гасанов	PhD (Әзербайжан)
Гюрер Гульсевин	доктор, проф. (Түркия)
Анна Дыбо	ф.ғ.д., проф. (Ресей Федерациясы)
Мырзатай Жолдасбеков	ф.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Дания Загидуллина	ф.ғ.д., проф. (Татарстан, Ресей Федерациясы)
Зимони Иштван	доктор, проф. (Венгрия)
Болат Көмеков	т.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Игорь Кызласов	т.ғ.д., проф. (Ресей Федерациясы)
Дихан Қамзабекұлы	ф.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Сейіт Қасқабасов	ф.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Ласло Мараш	PhD (Нидерланд)
Мария Иванич	доктор, проф. (Венгрия)
Мехмет Олмез	доктор, проф. (Түркия)
Карл Рейхл	доктор, проф. (Германия)
Зайнолла Самашев	т.ғ.д. (Қазақстан)
Қаржаубай Сартқожа	ф.ғ.д. (Қазақстан)
Айрат Ситдиқов	т.ғ.д., проф. (Татарстан, Ресей Федерациясы)
Фирдаус Хисамитдинова	ф.ғ.д., проф. (Башқұртстан, Ресей Федерациясы)
Нурила Шаймердинова	ф.ғ.д., проф., жауапты хатшы (Қазақстан)
Амантай Шәріп	ф.ғ.д., проф., жауапты хатшы (Қазақстан)
Альфия Юсупова	ф.ғ.д., проф.. (Татарстан, Ресей Федерациясы)

Редакцияның мекен-жайы: 010008, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., Сәтбаев к-сі, 2.
Тел.: +7(7172) 709-500 (ішкі 31-434). E-mail: turkicjournal@gmail.com, web-site: tsj.enu.kz

Turkic Studies Journal

Меншіктенуші: ҚРБҒМ «Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті» ШЖҚРМК
Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникациялар министрлігінде тіркелген.

30.07.19 ж. № 17814-Ж - тіркеу куәлігі

Мерзімділігі: жылына 4 рет

Типографияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., Қажымұқан к-сі, 13/1,
тел.: +7(7172)709-500 (ішкі 31-434)

Editor-in-Chief

YerlanSydykov

Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of NAS RK (Kazakhstan)

Deputy Editor-in-Chief Shakimashrip Ibrayev, Doctor of Philology, Prof. (Kazakhstan)

Deputy Editor-in-Chief Irina Nevskaya, Dr., Prof. (Germany)

Editorial board

Gaybulla Babayarov	Doctor of Historical Sciences (Uzbekistan)
Uldanai Bakhtikireeva	Doctor of Philology, Prof. (Russian Federation)
Dmitriy Vasiliev	Doctor of Historical Sciences, Prof. (Russian Federation)
Zaur Gasanov	PhD (Azerbaijan)
Gurer Gulsevin	Dr., Prof. (Turkey)
Anna Dybo	Doctor of Philology, Prof. (Russian Federation)
Myrzatay Zholdasbekov	Doctor of Philology, Prof. (Kazakhstan)
Daniya Zagidullina	Doctor of Philology, Prof. (Tatarstan, Russian Federation)
Zimonyi Istvan	Dr., Prof. (Hungary)
Bolat Kumekov	Doctor of Historical Sciences, Prof. (Kazakhstan)
Igor Kyzlasov	Doctor of Historical Sciences, Prof. (Russian Federation)
Dikhan Kamzabekuly	Doctor of Philology, Prof. (Kazakhstan)
Seit Kaskabasov	Doctor of Philology, Prof. (Kazakhstan)
Laszlo Maracz	PhD (Netherlands)
Maria Ivanics	Dr., Prof. (Hungary)
Mehmet Olmez	Dr., Prof. (Turkey)
Karl Reichl	Dr., Prof. (Germany)
Zainulla Samashev	Doctor of Historical Sciences (Kazakhstan)
Karzhaubay Sartkozha	Doctor of Philology (Kazakhstan)
Ayrat Sitdikov	Doctor of Historical Sciences, Prof. (Tatarstan, Russian Federation)
Firdaus Hisamitdinova	Doctor of Philology, Prof. (Bashkortostan, Russian Federation)
Nurila Shaimerdinova	Doctor of Philology, Prof., executive secretary (Kazakhstan)
Sharip Amantay	Doctor of Philology, Prof., executive secretary (Kazakhstan)
Alfiya Yusupova	Doctor of Philology, Prof. (Tatarstan, Russian Federation)

Editorial address: 010008, Kazakhstan, Nur-Sultan city, Satpayev str. 2.

Tel.: +7(7172) 709-500 (ext. 31-434). E-mail: turkicjournal@gmail.com, web-site: tsj.enu.kz

Turkic Studies Journal

Owner: Republican State Enterprise in the capacity of economic conduct «L.N.Gumilyov Eurasian National University» Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Registered by Ministry of information and communication of Republic of Kazakhstan Registration number № 17814-Ж, from 31.07.19

Periodicity: 4 times a year

Address of printing house: 13/1 Kazhymukan str., Nur-Sultan, Kazakhstan, 010008;

tel.: +7(7172) 709-500 (ext. 31-434)

Главный редактор
Ерлан Сыдыков
д.ист.н., проф., академик НАН РК (Казахстан)

Зам.главного редактора Шакимаширип Ибраев, д.ф.н., проф. (Казахстан)

Зам.главного редактора Ирина Невская, доктор, проф. (Германия)

Редакционная коллегия

Гайбулла Бабаяров	д.ист.н. (Узбекистан)
Улданай Бактыгереева	д.ф.н., проф. (Российская Федерация)
Дмитрий Васильев	д.ист.н., проф. (Российская Федерация)
Заур Гасанов	PhD (Азербайджан)
Гюрер Гульсевин	доктор, проф. (Турция)
Анна Дыбо	д.ф.н., проф. (Российская Федерация)
Мырзатай Жолдасбеков	д.ф.н., проф. (Казахстан)
Дания Загидуллина	д.ф.н., проф. (Татарстан, РФ)
Зимони Иштван	доктор, проф. (Венгрия)
Булат Кумеков	д.ист.н., проф. (Казахстан)
Игорь Кызласов	д.ист.н., проф. (Российская Федерация)
Дихан Камзабекулы	д.ф.н., проф. (Казахстан)
Сеит Каскабасов	д.ф.н., проф. (Казахстан)
Ласло Мараш	PhD (Нидерланды)
Мария Иванич	доктор, проф. (Венгрия)
Мехмет Олмез	доктор, проф. (Турция)
Карл Рейхл	доктор, проф. (Германия)
Зайнолла Самашев	д.ист.н. (Казахстан)
Каржаубай Сарткожа	д.ф.н. (Казахстан)
Айрат Ситдиков	д.ист.н., проф. (Татарстан, РФ)
Фирдаус Хисамитдинова	д.ф.н., проф. (Башкортостан, РФ)
Нурила Шаймердинова	д.ф.н., проф., отв.секретарь (Казахстан)
Амантай Шарип	д.ф.н., проф., отв.секретарь (Казахстан)
Альфия Юсупова	д.ф.н., проф. (Татарстан, РФ)

Адрес редакции: 010008, Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2
Тел.: +7(7172) 709-500 (вн. 31-434). E-mail: turkicjournal@gmail.com, web-site: tsj.enu.kz

Turkic Studies Journal

Собственник: РГП на ПХВ «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева»
МОН РК

Зарегистрирован Министерством информации и коммуникаций Республики Казахстан
Регистрационное свидетельство № 17814-Ж от 31.07.2019

Периодичность: 4 раза в год

Адрес типографии: 010008, Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Кажымукана, 13/1,
тел.: +7(7172)709-500 (вн. 31-434)

МАЗМҰНЫ/ CONTENT/ СОДЕРЖАНИЕ

<i>Агзамходжаев С.</i> Движение прогрессистов в создании Автономной Демократической Республики в Туркестане	
<i>Агзамходжаев С.</i> Түркістан Автономды Демократиялық Республикасын құру жолындағы ілгерішіл қайраткерлер қозғалысы	
<i>Agzamkhodjaev S.</i> Progressional movement for creation Autonomous Democratic Republic of Turkestan.....	6
<i>Ivanics M.</i> A petition written in 1635 by the Kazan Tatars re-examined	
<i>Иванич М.</i> Қазан татарлары 1635 жылы жазған петицияның жаңаша байыптамасы	
<i>Иванич М.</i> Петиция, написанная казанскими татарами в 1635 году.....	23
<i>Каиржанов А.</i> Тюркизмы в русских островных говорах и этнические тамги	
<i>Каиржанов А.</i> Орыс аралдары говорларындағы түркізмдер және этникалық таңбалар	
<i>Kairzhanov A.</i> Turkisms in Russian island dialects and ethnic tamgas.....	41
<i>Лафасов У. П.</i> Али Кушчи и его научное наследие	
<i>Лафасов У. П.</i> Әли Құсшы және оның ғылыми мұрасы	
<i>Lafasov U.P.</i> Ali Kushchi and his scientific legacy.....	53
<i>Смагулова Г.</i> Фразеологизмдердегі түркі әлемінің тілдік бейнесі	
<i>Smagulova G.</i> Turkic language picture of the world in phraseological units	
<i>Смагулова Г.</i> Тюркская языковая картина мира в фразеологизмах.....	63

ЕСІМНАМА/ PERSONALIA/ ПЕРСОНАЛИИ

<i>Түлеубаева С.</i> К 1150-летию Абу Насра Аль-Фараби	
<i>Төлеубаева С.</i> Әбу Насыр Әл-Фарабидің 1150-жылдық мерейтойына орай	
<i>Tuleubayeva S.</i> On the 1150 th anniversary of Abu Nasr Al-Farabi.....	72
<i>Юсупова А., Шаймердинова Н.Г.</i> Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна	
<i>Юсупова А., Шаймердинова Н.Г.</i> Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна	
<i>Yusupova A., Shaimerdinova N.G.</i> Khisamitdinova Firdaus Gilmutdinovna.....	82
<i>Дәдебаев Ж.</i> Профессор З.Ф. Бисенғалидың ғалымдық тұлғасы	
<i>Dadebaev Zh.</i> Creative personality of professor Z.G. Bisengaly	
<i>Дәдебаев Ж.</i> Творческая личность З.Г. Бисенгали.....	88

СЫН ШҚІРЛЕР/ REVIEWS/ РЕЦЕНЗИИ

<i>Кумеков Б., Ибраев Ш.</i> Ценный вклад в этнологическое казаховедение	
<i>Кумеков Б., Ибраев Ш.</i> Этнологиялық қазақтануға бағалы үлес	
<i>Kutekov B., Ibraev Sh.</i> Valuable contribution to ethnological Kazakh studies.....	93

Движение прогрессистов в создании Автономной Демократической Республики в Туркестане

Саидакбар Агзамходжаев

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой IRCICA “История и источниковедение ислама”
Международная исламская академия Узбекистана
Ташкент, Узбекистан
E-mail: saidakbar53@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается история образования автономной демократической республики в Туркестане, вошедшей в историю под названием Туркистон Мухторияти. Также освещаются развитие идеологии национально-освободительного движения, общественно-политические перемены в Туркестане после февраля 1917 года, идейные взгляды и деятельность прогрессистов за создание национально-демократической государственности, устремление туркестанцев к самоопределению своей судьбы, формирование идеи автономии, вовлечение народов Туркестана в автономистское движение.

Ключевые слова: автономия, прогрессист, революция, большевик, советская власть, самоопределение, краевой мусульманский совет, демократия, Туркистон Мухторияти, Алаш-Орда.

Түркістан Автономды Демократиялық Республикасын құру жолындағы ілгерішіл қайраткерлер қозғалысы

Саидакбар Агзамходжаев

тарих ғылымдарының докторы, профессор,
IRCICA “Ислам тарихы және деректануы” кафедрасының меңгерушісі
Өзбекстан Халықаралық ислам академиясы,
Ташкент, Өзбекстан
E-mail: saidakbar53@mail.ru

Аннотация. Бұл мақалада тарихқа Түркістан Мұхтарияты деген атпен енген Түркістан Автономды Демократиялық Республикасының пайда болу тарихы қарастырылады. Сондай-ақ, ұлт-азаттық қозғалыс идеологиясының дамуы, 1917 жылдың ақпан айынан кейінгі Түркістандағы қоғамдық-саяси өзгерістер, ұлттық-демократиялық мемлекеттілікті құру жолындағы ілгерішіл қайраткерлердің идеялық көзқарастары, түркістандықтардың өз тағдырын өзі анықтауға ұмтылуы, автономия идеясын қалыптастыру, Түркістан халқын автономия қозғалысына тарту туралы баяндалады.

Кілт сөздер: Автономия, ілгерішіл қайраткерлер, революция, большевиктер, кеңес өкіметі, өзін-өзі билеу, өлкелік мұсылман кеңесі, демократия, Түркістан Мұхтарияты, Алашорда.

**Progressional movement for creation
Autonomous Democratic Republic of Turkestan**

Saidakbar Agzamkhodjaev

Doctor of historical sciences, professor,
Head of “IRCICA chair for Islamic history and source studies”
International Islamic Academy of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: saidakbar53@mail.ru

Abstract. This article discusses the history of the formation of an autonomous democratic republic in Turkestan, which went down in history under the name Turkiston Mukhtoriyati. It also highlights the development of the ideology of the national liberation movement, socio-political changes in Turkestan after February 1917, the ideological views and activities of progressives for the creation of national democratic statehood, the desire of Turkestans to self-determination of their fate, the formation of the idea of autonomy, and the involvement of the peoples of Turkestan in the autonomist movement.

Keywords: autonomy, progressist, revolution, bolshevik, soviet power, self-determination, regional Muslim council, democracy, Turkiston Mukhtoriyati, Alash-Orda.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2664-5157-2020-2-1-6>

Введение

Вступление республик Центральной Азии на путь суверенного развития вызвало острый общественный интерес к осмыслению истоков длительной борьбы народов края за свободу и независимость, к истории формирования идеологии национально-освободительного движения как факторов, подготовивших современный прорыв к государственной независимости. В течение многих советских десятилетий героические страницы освободительной борьбы центральноазиатских народов были либо преданы забвению, либо умышленно сфальсифицированы. Сегодня в условиях независимости, когда появилась возможность восстановления исторической правды, назрела потребность в решительном пересмотре былых установок о роли и месте в историческом процессе как всего национально-освободительного движения, так и его отдельных общественно-политических течений, устремленных на образование национальной демократической государственности.

Материалы и методы

Обращение к истории движения за автономию Туркестана актуально тем, что концептуальная переоценка сложившихся ранее представлений способствует не только решительной реабилитации славной плеяды талантливых общественных деятелей и мыслителей, чьи имена были надуманно очернены в годы советского тоталитаризма, но и восстановлению их подлинного места в исторической летописи туркестанского

народа как людей, внесших огромный вклад в разработку идеологии создания демократической национальной государственности.

Как известно, в начале XX века функции выразителей кровных интересов мусульманского населения и выработку программных документов взяла на себя прогрессивно настроенная национальная интеллигенция, в состав которой входили У.Ходжаев, О.Махмудов, А.Фитрат, Т.Норбутабеков, И.Шоахмедов, М.Тынышпаев, М.Шокаев, А.Байтурсынов, М.Давлатов, А.Букейханов, С.Кадирбаев, А.Биримжанов, С.Досжанов (Дошанов) и другие. Формирование их общественно-политических взглядов проходило под влиянием различных факторов. Прежде всего, это традиционная культура туркестанского общества и социально-экономические изменения в нем, связанные с проникновением элементов капиталистических отношений. Бесправие, забитость и ухудшение материального состояния народа, низкий уровень просвещения и т.д. вызвали у образованных прогрессистов стремление добиться социальной справедливости.

Заметное воздействие на углубление теоретических представлений и последовательную политизацию национального движения оказали российская революция 1905-1907 гг., национально-освободительная борьба народов Турции, Ирана, Египта, реалии первой мировой войны, восстание 1916 года.

Важную роль в идейно-политическом становлении будущих руководителей Туркестанской автономии, активизации их просветительской деятельности сыграла учеба в вузах России, знакомство с российской и европейской культурой в самом широком смысле. Находясь в центральных районах России, многие участники автономистского движения принимали участие в кадетских, эсеровских и мусульманских организациях. Наиболее характерной чертой их общественно-политической деятельности проявлялась в ориентации на соединение традиционализма с началами западной демократии, достижениями общечеловеческой цивилизации.

Используя демократические методы борьбы, они отстаивали и на съездах Советов рабочих и солдатских депутатов, и на краевых мусульманских курултаях, и на заседаниях городских Дум цивилизованный реформаторский путь общественного обновления, как Туркестана, так и всей России в целом. При этом доминантой программных установок национально-мусульманских партий и движений выступала идеология национально-территориальной автономии. Она впитала в себя идеи самоопределения, сформулированные лидерами европейского революционно-демократического движения, однако в основном опиралась на идеи, высказанные мыслителями Востока, на собственный опыт национально-освободительной борьбы. Благодаря теоретической и практической деятельности национальных мусульманских организаций, прогрессивной части туркестанской интеллигенции было расширено понятие о федеративном устройстве России, границах автономии Туркестана.

Фото 1. Митинг в Ташкенте после Февральской революции (1917 год)

Идеи автономии Туркестана все более активно проникали в общественное сознание коренных жителей края по мере нарастания противоречий между провозглашенными Февральской революцией демократическими принципами и реальной практикой после февральского развития. Важным моментом в этом отношении выступила избирательная кампания в городские думы и Всероссийское Учредительное собрание, проходившая в июле-сентябре 1917 г. Она вошла в историю как наиболее крупное общественно-политическое мероприятие, оказавшее многоаспектное воздействие на политическую жизнь туркестанского общества. В ходе выборов с предельной остротой проявилось столкновение противоречивых социальных, политических и национальных интересов; определились различия в концептуальных подходах к будущему края со стороны коренного населения и властных структур.

Вместе с тем автономистское движение 1917 года представляло собой неоднородное движение, объединяющее людей разнообразных взглядов и политических пристрастий – от умеренных либералов до представителей революционных демократов, от сторонников создания исламского государства до приверженцев западной модели общественного развития. Поэтому при рассмотрении узловых вопросов будущего управления в крае, решении острых социально-экономических проблем не было единства мнений. Идеиный плюрализм обнаружился во взглядах прогрессистов и по проблеме национально-государственного устройства – обозначились и конституционно-монархическое, и автономистское, и республиканское (как светского, так и религиозно-исламского направления) течения. Однако при всем многообразии идейно-политических представлений консолидирующим фактором выступала мечта о самобытном национально-этническом развитии, о создании государства, опирающегося на исторические традиции и обычаи, национальный менталитет.

Литературный обзор и анализ

Государственный переворот, совершенный большевиками в октябре 1917 года в Петрограде и первые законодательные акты Советской власти, вызвали сложные

процессы в политической жизни Туркестана. К этому времени здесь выделились три основные политические линии. Первая включала интересы самых широких слоев коренного населения, выразившихся в стремлении обеспечить право на национальное самоопределение. Вторая, представленная русскими эсерами и меньшевиками, нацеливала на развертывание демократических процессов с предоставлением усеченных автономных прав в составе России. Третья – ленинская ориентировала на создание утопического коммунистического общества в пространстве единой Советской империи, хотя на первом этапе “большевистской революции”, ленинское руководство всеми возможными способами стремилось замаскировать свои истинные цели. Пытаясь обеспечить политическую поддержку широких народных масс национальных окраин, глава нового советского правительства поспешил уже в первые дни октябрьского переворота нарисовать многообещающие перспективы радикального решения национального вопроса.

2 ноября 1917 года за подписью В.И.Ленина и И.В.Сталина была опубликована “Декларация прав народов России”. В ней особо отмечалось, что, исполняя волю народов, “Совет народных комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала: 1. Равенство и суверенность народов России. 2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3. Отмена всех и всяких, национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений...” [1, с.454]. Одновременно, учитывая исключительную важность обеспечения политической лояльности и сохранения в составе России мусульманских народов Татарии, Башкирии, Туркестана, Кавказа и Крыма, Совнарком выступил 20 ноября 1917 г. с “Обращением” к ним, в котором говорилось: “Мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока. Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями России. Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Вы сами должны быть хозяевами вашей страны. Вы сами должны устраивать свою жизнь по образу своему и подобию” [2, с.34-35]. Однако, как убедительно показали последующие события, на словах декларируя возможность самобытного национального развития, новая власть исходя из стратегических установок марксистского учения, всеми способами блокировала проявление этих процессов. Так, когда мусульманские народы Башкирии, Татарии, Крыма, Кавказа и Туркестана в полном согласии с правительственным “Обращением” объявили о создании своих независимых мусульманских государств, то все они силой оружия были возвращены обратно в состав России.

Центральное большевистское руководство продолжило великодержавную политику, которая усугублялась откровенно шовинистическими действиями местных коммунистов.

Однако в первые октябрьские дни антинародный характер новой власти еще не проявился столь откровенно, как в последующем. Напротив, охватившие Россию

революционные процессы, обещания свободы пробудили у среднеазиатских народов надежды на освобождение от социального, национального и колониального гнета. В то же время лидеров национальных партий и движений в Туркестане настораживало то, что по существу «социалистическая революция» была экспортирована руками политических мигрантов, пришлых людей, без участия представителей коренного населения. К тому же им был хорошо известен политический почерк местных коммунистов, настоянный на шовинистическом игнорировании интересов коренных туркестанцев. Настороженно отнеслись к действиям большевиков и представители иных социалистических партий в Туркестане. Поэтому весть о захвате большевиками власти в Петрограде и Ташкенте была воспринята на местах неоднозначно. В Ташкент начали поступать телеграммы противоречивого содержания. Одни поддерживали Советы рабочих и солдатских депутатов Петрограда и Ташкента, другие же считали, что «захват власти большевиками является попыткой диктовать стране волю большевизма, вместо воли всей демократии и является узурпацией права всего народа за две с половиной недели до выборов в Учредительное собрание и угрожает созыву Учредительного собрания» [3, П.9, л.21.].

Неопределенность политического разворота событий заставила многие не большевистские партии и движения, в том числе национально-мусульманской ориентации, на первом этапе занять выжидательную позицию, чтобы полнее оценить происходящие «революционные» процессы.

Позицию мусульманских лидеров можно отчетливо определить по статьям, опубликованным на страницах национальной прессы. Так, в первые же дни после октябрьского переворота газета «Хуррият» в рубрике «Вести из России» сообщала о политической обстановке в стране и давала сведения из революционного Петрограда. В статье «Сийсий холлар» («Политические ситуации») один из лидеров прогрессистов Абдурауф Фитрат писал: «Для туркестанцев сейчас важнее всего определить линию действий... Раз большевики и сторонники правительства Керенского отстаивают свободу и выступают против самодержавия, а именно это соответствует интересам мусульман, то было бы неосторожностью и безумием перейти на сторону одного из них и противостоять другому». Фитрат предлагает туркестанцам быть нейтральными, «именно эта линия самая безопасная». Тут же он обращается к каждой из сторон: «Пока кто-либо из вас не пришел к мысли отнять наши собственные национальные права, мы не будем вашим врагом. Мы, мусульмане, никого из вас не презираем и никого не защищаем» [4].

Фото 2. Национальная периодическая печать Туркестана (газеты «Улуг Туркестан», «Туран», «Наджат», «Турк сузи», 1917-1918 гг.)

Аналогичные мотивы присутствовали и в публикациях иных национальных демократов. Между тем, обеспокоенные сложившейся в Ташкенте ситуацией, краевые демократические организации Туркестана 2-го ноября провели объединенное заседание, посвященное вопросу организации временной краевой власти, впредь до решения этого вопроса в общероссийском масштабе. Заседание пришло к заключению немедленно вместо Туркестанского комитета Временного правительства, члены которого частью арестованы, частью скрылись, образовать Туркестанский краевой исполнительный комитет из девяти человек: 3 представителя Краевого Совета рабочих и солдатских депутатов, 2 представителя от Краевого Совета крестьянских депутатов, 1 представитель от Краевого Совета мусульманских депутатов, 1 представитель от ЦК партии эсеров, 1 представитель от Краевого бюро партии социал-демократов.

При этом комитете было организовано расширенное демократическое совещание, в котором из 21 мест, Краймуссовету уделялось всего лишь 2 места [5]. Недовольные раскладом мест, который был предложен на объединенном заседании краевых демократических организаций Краймуссовету в составе Туркисполкома, национальные демократы выступили с протестом. Они отстаивали право на большее представительство мусульманской части населения. При этом подчеркивалось, что при конструировании краевой власти необходимо учитывать специфику Туркестана. Лидеры национальных мусульманских организаций неизменно проводили мысль о желательности учета многонационального состава населения края, неизменно отстаивали демократические принципы. В частности, указывалось, что «для Туркестанского края коалиционная власть должна быть не партийная, потому что девять десятых населения внепартийны, а национальная, классовая» [6].

Еще более выразительно проявилась позиция лидеров национально-освободительного движения на Объединенном совещании мусульманских групп, проведенном 12-15 ноября в Ташкенте. В виду того, что на данное совещание собралось большее число участников, чем предполагалось, собравшиеся сочли необходимым придать ему статус III-го Краевого мусульманского съезда.

В принятой на нем резолюции «Об организации власти в Туркестане» подчеркивалось, что «сосредоточение власти исключительно в руках военных, рабочих и крестьянских организаций, состоящих из небольших групп случайных и чуждых интересам местного населения людей не отвечает демократическим принципам и не может гарантировать правильность устройства жизни коренного населения на началах свободного самоопределения народов».

Совещание высказалось за быстрейшее решение вопроса о самоопределении. Было заявлено, что «в связи с переходом таковой власти в руки Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, Туркестанский краевой съезд мусульман находит, что мусульмане, составляющие 98 процентов населения всего Туркестанского края при общей численности своей свыше 10 миллионов душ, имеют право на национально-культурное самоопределение на возвещенных Российской революцией основах свободы, равенства, братства» [7, с. 576-577].

15 ноября в Ташкенте начал работать III Краевой съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В центре его внимания встал вопрос о структуре

государственной власти. Он вызвал жаркие дискуссии, в ходе которых окончательно прояснились позиции ведущих политических объединений о будущем края.

Обладая реальной вооруженной силой, сконцентрированной в руках социально взвинченных рабочих и солдат, ленинцы смогли прийти к власти. III Краевой съезд избрал Совет народных комиссаров из 15 человек, куда вошли большевики и сочувствующие им эсеры – максималисты.

Утвержденная III Краевым съездом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Декларация объявляла, что высшим органом власти в крае является «Краевой совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который отныне именуется Советом Народных Комиссаров Туркестанского края» и что в его формировании принимают участие лишь представители левых социалистических партий, совершивших октябрьский переворот.

Относительно участия коренного населения в властном краевом органе съезд высказался однозначно: «привлечение в настоящее время мусульман в органы высший краевой революционной власти является неприемлемым, как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органе высшей краевой власти фракция приветствовала бы» [8, с. 93]. В избранное на съезде правительство – Совет Народных Комиссаров не вошел ни один представитель коренного населения края.

Таким образом, большевики самим фактом созыва III Краевого съезда Советов и, тем более, принятыми решениями узурпировали право единолично решать вопрос об организации власти в крае и принципах формирования властных органов. В угоду «чистоты» классовой линии в жертву были принесены интересы и права многомиллионного коренного населения Туркестана. По сути, с первых дней большевики продемонстрировали свою приверженность великодержавно-шовинистической, колонизаторской политике царизма по отношению к коренному населению, которое по укоренившейся привычке продолжали называть не иначе как «инородцы», «туземцы».

Точка зрения мусульманской части населения края о национально-государственном переустройстве Туркестана в развернутом виде была представлена в выступлении Шерали Лапина. Он обоснованно указал на недопустимость передачи власти в руки Советов, нацеленных на установление большевистского единовластия и отторгающих участие в них широких мусульманских масс. Отметив, что мусульмане «не примирятся, если в крае будет властвовать только одна революционная демократия», Лапин заявил, что «мусульманство могло бы потребовать себе всей власти, но делает уступку пришлым элементам, допуская их представителей к власти» [9]. Выражая сокровенную мечту народов Туркестана, он потребовал автономию Туркестану. Поэтому они не могут примкнуть ни к одной из русских политических партий, но будут поддерживать ту власть, которая, опираясь на все народные организации, приведет страну к Учредительному собранию» [9].

Фото 3. Лидеры движения за автономию Туркестана: М.Бехбуди, М.Абдурашидханов, А.Авлони, А.Фитрат (сверху, слева направо), С.Миржалилов, А.-З.Валиди (снизу, слева направо)

Доминантной настроений делегатов краевого съезда Советов, представлявших мусульманскую общину, выступала идея национальной независимости, опирающейся на сбережении собственного менталитета. Обращение к «законам ислама» ни в коей мере не означало замыкание в узких рамках «мусульманского национализма». Напротив, Шерали Лапин и представляемая им группа исходили из принципов широкой демократизации, выступали за создание органов власти, которые смогла бы отразить интерес всего многонационального населения края, в том числе и его русскоязычной части.

К сожалению, Советская власть не хотела прислушаться к голосу разума. Линия на ограничение национального суверенитета с первых «октябрьских дней» стала жестко производиться как туркестанскими большевиками, так и их московскими покровителями. Одним из свидетельств тому является тот факт, что в решениях III съезда Советов, провозгласившего Советскую власть в крае вопрос об автономии, не говоря уже о возможности отделения от России, не получил никакого отражения. Более того, в составе нового правительства не было ни одного представителя коренного населения. На местах власть также сосредотачивалась в руках военных, рабочих и крестьянских организаций, состоящих преимущественно из некоренных туркестанцев.

Вспоминая позже те поворотные дни, Мустафа Шокаев отмечал, что «установившаяся насильственным путем большевистская власть убила у туркестанцев веру в революционно-освободительные лозунги. Советская власть началась в Туркестане с огульного отрицания за местным коренным населением права на участие во власти» [10, с. 17-18].

Сегодня очевидно, что представители местных русских «революционных демократов» отождествляли понятие автономии с отделением от России, в то время как туркестанские национальные демократы в тот исторический момент воспринимали ее иначе – как самоопределение в рамках существующего многонационального государства, на демократически правовых федеративных началах. Но им виделась будущая государственность, опирающаяся на традиционные нормы жизни местных народов, принципы рыночной экономики, политический плюрализм, что вступало в явное противоречие с доктринальными установками ортодоксальных марксистов.

Показательно, что намерения сохранить организационные и экономические связи с Центральной Россией выступали в 1917 г. доминантными настроениями во всех мусульманских регионах российского государства. Это, к примеру, рельефно проглядывается в речах и письмах лидеров национально-мусульманских движений тех лет, в частности А.Салихова (Цаликов) – председателя Всероссийского мусульманского Совета (ВОШУРО), М.Шокаева – главы Туркестанского автономного правительства 1917–1918 гг., Ж.Досмухамедова – председателя Алаш-Ординской автономии и многих других. Описывая положение в Туркестане в послеоктябрьские дни, Мустафа Шокаев говорил: «В то время мы не имели определенную национальную политику. Мы продолжали рассматривать Туркестан как часть России и его будущую судьбу считали связанной с Россией. Даже в отношении нового правительства рабочих и крестьян, сформированного в Санкт-Петербурге, мы приняли позицию выжидания. Если поведение местных русских рабочих, солдат и крестьян преследовало цель отделить нас от местной власти Советов, то декреты и воззвания центрального правительства Советов о праве каждой нации независимо от степени ее развития или отсталости на отделение и формирование своего собственного независимого национального государства и праве требовать вывода войск более сильной нации казались нам способными примирить туркестанцев с новым государственным режимом в России. Но незаконный захват власти большевиками, сопровождаемый лишением нашего народа политических прав, заставил нас поспешно принимать меры, противопоставлять волю народа решению узурпаторов» [10].

Со своей стороны один из лидеров Алаш-Ординской автономии Ж.Досмухамедов на казахско-киргизском съезде, созванном в декабре 1917г. в городе Оренбурге, заявил: «Мы провозгласили автономию для того, чтобы избежать проникновения большевистской заразы в степи» [11, с. 11].

Желание не отделяться от России можно объяснить и тем фактом, что Алаш-ординское правительство не сразу объявило территориальную автономию, а ограничилось провозглашением культурно-национальной автономии. Осенью 1918 г. в газете «Казах» говорилось: «Самая важная причина воздержания от провозглашения в то время автономии состоит в том, что мы не могли предвидеть, каковы будут наши

взаимоотношения с соседями (имеются в виду русские поселенцы—А.С.) в случае провозглашения ее в период распространения в народе большевистской заразы. Теперь все мы знаем, что это было предосторожностью» [12].

Эти настроения господствовали в политической мысли большинства лидеров национального движения. На первом послеоктябрьском этапе они еще надеялись, что ленинское центральное правительство признает мусульманскую культуру, религию, политические традиции, чаяния угнетенных народов о реальной национальной автономии. Только после того, как стали очевидны политические методы большевистской власти, разрыв ее многообещающих призывов с практическими делами, началось психологическое и политическое разделение империи на составные части или точнее говоря – «бегство» от тоталитарного советского режима.

Подобная антинародная политика большевистских «управителей» не могла не вызвать ответной реакции. Линия на насильственное ущемление национальных прав привела к зарождению разнообразных форм национального протеста, повсеместной активизации национально-освободительного движения. Ярким проявлением освободительных устремлений коренного населения явилось учреждение в конце ноября 1917 г. Туркестанской автономии, получившей название Туркистон Мухторияти.

• Да здравствует Туркистон Мухторияти!

- Выражая волю народов, населяющих Туркестанский край, к самоопределению на началах, возмещенных Великой Российской революцией, Четвертый чрезвычайный курултай мусульман Туркестанского края объявляет Туркестан территориально автономным в единении с Федеративной Российской Республикой, предоставляя право установления форм автономии Туркестанскому Учредительному собранию.
- Вместе с тем курултай торжественно заявляет, что права национальных меньшинств, населяющих Туркестанский край будут всесторонне сохраняться.

• «город Коканд»

• 25 сәфар 1336 ھод. ш. / 27 ноябрь 1917 года

Фото 4. Текст декларации о создании Туркестанской автономии

Принятие решения о создании на территории Туркестанского края новой, демократической государственности состоялось на IV Чрезвычайном краевом мусульманском съезде, спешно созванном 26 ноября 1917 г. в городе Коканде.

За три дня работы участники съезда окончательно определили свое видение будущего политического устройства Туркестанского края. Что же хотели сторонники автономии, каким видели они будущее Туркестана? Ответы на эти вопросы содержатся в принятых съездом документах. В частности, в принятой 27 ноября резолюции указывалось, что съезд «выражая волю населяющих Туркестан национальностей к самоопределению на началах, возведенных Великой Российской (февральской – А.С.) революцией, объявляет Туркестан территориально автономным в единении с Федеративной Российской Республикой, предоставляя установление форм автономии Туркестанскому Учредительному собранию». Причем съезд, как особо отмечалось далее, «торжественно заявляет, что права населяющих Туркестан национальных меньшинств будут всемерно охраняться» [13].

Таким образом, делегаты мусульманского съезда, отражая кровные интересы туркестанцев, провозгласили самобытную национальную государственность, опирающуюся на сочетании потребностей национального развития и принципов гуманизма. На съезде не ставился вопрос о разрыве связей с Россией. Речь шла о суверенитете в едином экономическом и государственном пространстве. Понимая сложность решения задач национального возрождения, национальные демократы Туркестана надеялись с помощью демократических сил России построить экономически развитое, демократическое общество.

Решение мусульманского съезда о создании на территории Туркестанского края национальной демократической государственности нашло широкую поддержку среди разнообразных слоев коренного населения. Провозглашение автономии приветствовали и европейские антисоветские политические объединения, и движения.

Фото 5. Члены Временного правительства Туркестанской автономии (слева направо): М.Шокаев, М.Тынышпаев, У.Ходжаев, О.Махмудов

В состав Временного правительства Туркестанской автономии вошли активные участники автономистского движения. В персональном плане он выглядел следующим образом: Мухамеджан Тынышпаев – премьер-министр, министр внутренних дел, Ислом Шоахмедов – заместитель премьер-министра, Мустафа Шокаев – министр

иностранных дел, Убайдулла Ходжаев – военный министр, Юрали Агаев – министр земледелия и водных ресурсов, Обиджон Махмудов – зам. министра внутренних дел, Соломон Герцфельд – министр финансов и другие [13].

Конкретизируя национально-демократические аспекты провозглашенного государственного формирования, газета «Улуг Туркистон» в своей редакционной статье подчеркивала: «Объявление автономии мусульманами не ущемляет чьи-то права. Туркестан не стремится к отделению от России, а останется ее независимой частью. Проживающим в Туркестане русским, евреям, армянам и другим нациям будут предоставлены их права. Они также будут жить полноправными членами Туркестанской автономии...» [13].

Во многом переломным моментом в истории движения за автономию Туркестана и в позиции большевистских властей к автономистскому движению явились события, происшедшие 13 декабря 1917 г. в Ташкенте. Этот день, день рождения пророка Мухаммада, отмечавшегося во всем мусульманском мире как праздник «Мавлюд Шариф», Временное правительство Туркестанской автономии объявило днем поддержки автономии, для всенародного сбора денег в национальный фонд автономного Туркестана с целью закрепления самостоятельности и свободы.

Однако, после расстрела по приказу большевистского правительства мирной демонстрации, на которую собралось более 150 тыс. жителей Ташкента, пролилась кровь, и 16 жителей старого города были убиты.

Стремясь получить соответствующие указания центра, большевистское правительство Туркестана сразу же после случившегося направило в Петроград, в адрес ленинского Совнаркома телеграмму, в которой сообщалось о том, что «в Коканде съездом мусульман, подготовленным буржуазным реакционным классом, провозглашена была в принципе автономия Туркестанского края» и что «образовавшееся автономное правительство, не признаваемое пролетарскими массами Туркестана, всеми силами подготавливается к провозглашению автономии в отдельных городах края. 13-го сего декабря в день рождения Мухаммеда в Ташкенте провозглашена автономия» [14].

Этот день знаменателен еще и тем, что II Всеказахский съезд, проходивший в городе Оренбурге, единогласно постановил образовать национально-территориальную автономию областей, населенных преимущественно казахами. Избранный на съезде Всеказахский временный народный совет Алаш-Орда под председательством А.Букейханова должен был расположиться временно в г. Семее и подготовить созыв национального учредительного собрания и провозглашение автономии Алаш, с последующим утверждением ее конституции Всероссийским Учредительным собранием [15, с. 50-53]. Позже газета «Казах» объяснила, что главной причиной отказа сразу же провозгласить автономию была неопределенность ситуации в крае и положения в соседних регионах [12].

В конце января – начале февраля 1918г. под воздействием силового давления со стороны советской власти начал постепенно меняться характер поведения сторонников автономии: от мирного сосуществования с городскими советскими структурами к вооруженной конфронтации.

В ночь с 29 на 30 января (11-12 февраля) 1918 г. противостояние между автономистами и Кокандским городским Советом рабочих и солдатских депутатов начало перерастать в открытые боевые действия. Вооруженные отряды, стоявшие на стороне Советской власти, начали борьбу с автономным правительством, по сути, первыми в России открыв фронт гражданской войны [17].

Рис 6. Митинг, посвященный ликвидации Туркестанской автономии (1918, февраль)

На подавление Туркистон Мухторияти были двинуты многочисленные советские войска. Автономное же правительство опиралось на поддержку только нескольких полицейских отрядов и конной кипчакской милиции.

Красногвардейцы «двинулись по улицам старого города – расстреливая не успевших убежать мирных жителей и выжигая все на своем пути». В ночь с 5 (18) на 6 (19) февраля усилились пожары. В те дни не прекращались и грабежи. Толпы вышедших из повиновения солдат, красногвардейцев, чернь и мелкая буржуазия бросились грабить и тащить, что только можно было... В старом городе разграблены были все магазины, торговые фирмы, торговые ряды, банки, более-менее приличные квартиры... Грабители складывали награбленное имущество на арбы и свозили его на вокзал и в крепость. Там шел дележ чужого имущества» [17, с. 54].

В те же дни начались и аресты. Причем арестовывали и отправляли в крепость тех, кто имел какое-либо отношение к Временному правительству Автономного Туркестана. Арестовывали без ордеров и с ордерами. Многие аресты признаны были «самочинными». Некоторых арестованных расстреливали без суда и следствия.

Таким образом, правительство автономного Туркестана пало 6 (19) февраля 1918 года.

Результаты

Насильственный разгон Туркестанского автономного правительства, подкрепленный решением Совнаркома о его ликвидации, принятым в феврале 1918 г., свидетельствовал о явном игнорировании большевистскими «управителями» кровными интересами коренного населения. Туркестанцы пытались сделать первый практический шаг по пути возрождения национальной государственности на демократических началах, чтобы решительно сбросить цепи колониализма и вновь стать хозяевами собственной судьбы. Но пришедших политических мигрантов, вознамерившихся построить тоталитарное общество, мало заботили вековые чаяния широких народных масс. Будучи идеологическими манкуртами, не зная ни вековых традиций, ни богатой истории края, они социальную идею измерено возвышали над национальной. На каких-то этапах большевики в пропагандистских целях активно декларировали лозунги о национальном самоопределении и праве народов избирать собственный путь исторического развития. Однако политическое лицемерие и двурушничество составляло приоритетную черту нарождающегося советского режима. Многообещающие слова ортодоксальных марксистов явно не совпадали с их практическими делами. Как в центре, так и на местах большевики не желали распада «единого и неделимого» Российского государства.

Акт устрашения, совершенный по отношению к свободолюбивым устремлениям туркестанцев, был направлен на то, чтобы больше нигде и никогда не смели организовывать «автономии» без согласия центра. После разгрома Туркистон Мухторияти, такая же участь постигла и правительство Алашской автономии в 1920г.

Заключение

Таким образом, свержение правительства Туркистон Мухторияти и Алашской автономии было воспринято туркестанцами как новое свидетельство наличия агрессивных планов России в отношении Туркестана, и они с оружием в руках поднялись на защиту своей Родины от завоевателей. Тем самым было положено начало массовому антисоветскому движению в Туркестане. Характер этого движения, представлявшего собой продолжение традиций национально-освободительной борьбы, был ярко выражен в политических требованиях того времени: «За Туркестан без притеснителей», «Туркестан туркестанцам», «За единый Туркестан».

Литература

1. Ленин В.И. О Средней Азии и Казахстане. – Ташкент: Узбекистан, 1982.
2. Документы внешней политики СССР. Ч.1. – М., 1957.
3. Архив музея истории Узбекистана АН РУз, П.9, л.21.
4. Политические ситуации//Хуррият. – 1917. 7 ноября.
5. Об организации временной краевой власти// Туркестанский курьер. – 1917. 4 ноября.
6. Конструирование краевой власти// Свободный Самарканд. – 1917. 17 ноября.
7. Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т.1. // Сб. документов. – Ташкент: Фан, 1972.
8. Победа Великой октябрьской социалистической революции в Туркестане //Сб. документов. – Ташкент: Госиздат УзССР. 1947.
9. Туркестану нужна автономия //Свободный Самарканд. – 1917. 25 ноября.
10. Чокаев М. Туркестан под властью Советов. К характеристике диктатуры пролетариата. – Париж: Яш Туркестан, 1935.
11. Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР. – Алма-Ата, 1936.
12. Казах. – 1918. 16 сентября.
13. Решения IV Чрезвычайного краевого мусульманского съезда // Улуг Туркистон. – 1917. 8 декабря.
14. Телеграмма Совнаркому // Наша газета. – 1917. 15 декабря.
15. Алаш-Орда //Сб. документов. – Кзыл-Орда, 1929.
16. Папоров Ю. «Белое солнце пустыни...» Юность. – 1990. №1.
17. Шамагдиев Ш. А. Очерки истории гражданской войны в Ферганской долине. – Ташкент, 1961.

References

1. Lenin V.I. (1982) O Srednej Azii i Kazahstane [On Central Asia and Kazakhstan]. Tashkent, Uzbekistan.
2. (1957) Dokumenty vneshnej politiki SSSR [Documents of the foreign policy of the USSR]. Ch.1 [Part 1]. Moskva [Moscow].
3. Arhiv muzeya istorii Uzbekistana AN RUz, P.9, l.21 [Archive of the Museum of the History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Clause 9, p.21].
4. (1917) Politichiskaya situaciya// Hurriyat. 7 noyabrya [Political situation // Khurriyat. 7th November.].
5. (1917) Ob organizacii vremennoy kraevoy vlasti// Turkestanskij kur'er. 4 noyabrya [About the organization of the provisional regional government. Turkestan courier. November 4].
6. (1917) Svobodnyj Samarkand. 17 noyabrya [Construction of the regional government. Turkestan courier. November 4].
7. (1992) Pobeda Oktyabr'skoj revolyucii v Uzbekistane. T.1. Sb. Dokumentov [The victory of the October Revolution in Uzbekistan. T.1. Sat documents.]. Tashkent, Fan.
8. (1987) Pobeda Velikoj oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii v Turkestane [The victory of the Great October Socialist Revolution in Turkestan]. Tashkent, Gosizdast YZSSR [Tashkent: State Publishing House Of The Uzbek SSR].

9. (1917) Svobodnyj Samarkand. 25 noyabrya [Turkestan needs an autonome, Free Samarkand. November 25].
10. CHokaev M. (1935) Turkestan pod vlast'yu Sovetov. K harakteristike diktatury proletariat [Turkestan under the rule of the Soviets. On the characterization of the dictatorship of the proletariat]. Parizh, YAsh Turkestan [Paris: Yash Turkestan].
11. (1936) Uchreditel'nyjs» ezd Sovetov Kirgizskoj (Kazahskoj) ASSR [Founding Congress of Soviets of the Kyrgyz (Kazakh) Autonomous Soviet Socialist Republic]. Alma-Ata.
12. (1918) Kazah. 16 sentyabrya [Kazakh. September 16].
13. (1917) Resheniye IV musulmanskogo kraevogo sezda// Ulug Turkiston. 8 dekabrya [Decisions of the IV Extraordinary regional Muslim Congress], [Ulug Turkiston. December 8].
14. (1917) Telegramma sovnarkomu [Telegram of the Junior Council of Ministers], Nasha gazeta. 15 dekabrya [Nasha gazeta..15th December.].
15. (1929) Alash-Orda. Sb. Dokumentov [Alash-Orda. Sat documents]. Kzyl-Orda.
16. Paporov Yu. (1990) «Beloe solnce pustyni...» YUnost' ["The white sun of the desert ..."] Youth]. №1.
17. Shamagdiev Sh. A. (1961) Ocherki istorii grazhdanskoj vojny v Ferganskoj doline [Essays on the history of the civil war in the Ferghana Valley]. Tashkent.

A petition written in 1635 by the Kazan Tatars re-examined

Maria Ivanics

Professor, doctor

Department of Altaic Studies

University of Szeged

Szeged, Hungary

E-mail: res13986@iif.hu

Abstract. The article examines the petition of religious Kazan Tatars to a high official of the Crimean khanate. The monument was first published in 1848 and translated into German, and the document is currently stored in Dresden. The authors of the petition Express their gratitude to the Crimean Khan for his conquests of Astrakhan and Kazan, for protection from the infidel Muslim peoples of the Volga Region. The document justifies the economic benefits of the conquered cities, from taxes collected from the population of the Volga region in the form of honey and furs. The author of the article reveals the historical background of the document creation, determines the date, addressees, and gives linguistic characteristics to the monument. The author notes that the document is not the original, that it is a translation of a text created later than the original. However, the petition recreates the idea of the original in historical, cultural, and linguistic terms. The author of the article emphasizes that at least one letter with such or similar content should have been written. The author also suggests that the addressee of the petition is undoubtedly the Crimean mufti or Crimean Khan, but not the Osman's Sultan.

Keywords: Crimean Khanate, Kazan Tatars, Cheremis, Chuvash, Bashkirs, Ars, Siberian Tatars, Muslim confessional solidarity, taxes.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2664-5157-2020-2-1-23>

Қазан татарлары 1635 жылы жазған петицияның жаңаша байыптамасы

Мария Иванич

доктор, алтайтану кафедрасының

профессоры

Сегед университеті

Сегед, Венгрия

E-mail: res13986@iif.hu

Аннотация. Мақалада Қырым хандығының жоғарғы лауазымды тұлғасына Қазанның діндар татарларының өтініш-петициясы қарастырылады. Ескерткіш алғаш рет 1848 жылы жарияланып, неміс тіліне аударылған, ал бұл құжат қазіргі уақытта Дрезденде сақтаулы. Петиция авторлары Астрахань мен Қазанды жаулап алғаны, Еділ бойы мұсылман халықтарын дінсіздерден қорғағаны үшін Қырым ханына алғыс білдіреді. Құжатта басып алынған қалалардан, Еділ бойы халқынан бал және бағалы аң терісі түрінде жиналатын салықтардан келетін экономикалық пайда дәйектеледі.

Мақала авторы құжаттың пайда болуының тарихи алғышарттарын ашып көрсетеді, мерзімін, адресаттарын анықтайды және ескерткішке лингвистикалық сипаттамалар береді. Автор құжаттың түпнұсқа емес, түпнұсқадан кейінірік жасалған аударма мәтін екендігін атап өтеді. Бірақ петиция тарихи, мәдени және лингвистикалық тұрғыда түпнұсқа идеясын қайта жаңғыртады. Мақала авторы, кем дегенде, тап осындай немесе осыған ұқсас мазмұндағы бір хаттың жазылуы тиіс болғандығына айырықша назар аударады. Сондай-ақ, автор өтініш адресаты Осман сұлтан емес, сөз жоқ, Қырым муфтиі немесе Қырым ханы болғандығы туралы ойын білдіреді.

Кілт сөздер: Қырым хандығы, Қазан татарлары, черемистер, чуваштар, башқұрттар, Арс, Сібір татарлары, мұсылман конфессиялық ынтымақтастығы, салықтар.

Петиция, написанная казанскими татарами в 1635 году

Мария Иванич

доктор, профессор
кафедры алтайистики
Сегедский университет
Сегед, Венгрия
E-mail: res13986@iif.hu

Аннотация. В статье исследуется прошение-петиция религиозных казанских татар к высокому сановнику Крымского ханства. Впервые памятник был опубликован в 1848 году и переведен на немецкий язык, и в настоящее время документ хранится в Дрездене. Авторы петиции выражают благодарность крымскому хану за завоевания им Астрахани и Казани, за защиту от неверных мусульманских народов Поволжья. В документе обосновывается экономическая выгода от завоеванных городов, от налогов, собираемых с населения Поволжья в виде меда и пушнины. Автор статьи раскрывает исторические предпосылки создания документа, определяет дату, адресатов и дает лингвистические характеристики памятнику. Автор отмечает, что документ не является подлинником, что это – перевод текст, созданный позже оригинала. Однако петиция в историческом, культурном, лингвистическом плане воссоздает идею подлинника. Автор статьи подчеркивает, по крайней мере одно письмо с таким или подобным содержанием должно было быть написано. Также автор высказывает мысль, что адресатом прошения, без сомнения, является крымский муфтий либо крымский хан, но не османский султан.

Ключевые слова: Крымское ханство, казанские татары, черемисы, чувашы, башкиры, Арс, сибирские татары, мусульманская конфессиональная солидарность, налоги.

Introduction

In 1839, Alexander Kasimovich Kazem-Bek, professor at the University of Kazan, published his Grammar of the Turco-Tatar language, which received great acclaim from contemporaries in Russia and abroad [1]. The second, revised edition of the Grammar, issued

in 1846, was translated into German two years later by the prominent orientalist Julius Theodor Zenker [3]. Zenker added an appendix of letters, diplomas and written samples, some set in the Arabic script and some in facsimile. One of these documents in the Arabic script and with a German translation, was a petition of the begs and religious men of Kazan addressed to an unnamed dignitary of the Crimean Khanate [4, 255–257]¹. The document remained latent for historical research for quite a long time. A hundred years later, the Turkish historian Akdes Nimet Kurat, a Tatar by his ethnicity, published a transcription and facsimile of the petition in his monograph on the relationship between the Volga region and the Ottoman Empire, but without its detailed treatment. His findings have found no echo, even though the letter contains information that is not available anywhere else [5, Facsimile No. XI; 6, pp. 373–377]. Recently, the Kazan historian Damir Iskhakov have studied the letter and translated it into Tatar [7, 50–62]. Neither Kurat nor Iskhakov have applied a deep source criticism of the document, which seems at first sight to be of questionable authenticity and raises many questions.

The petition

The petition describes the potential benefits of a conquest of Astrakhan and Kazan. Firstly, it would have blocked the direct contact between the Russian tsar and the Persian shah on the Caspian Sea, preventing the tsar from supporting the Kizilbash² with money and provisions. The Don Cossacks would have become subordinated to the Crimean ruler. The khan would thereby have freed a people who had belonged to the darü'l-islam since the times of Caliph Umar from the rule of unbelievers. His failure of doing that would count against him on the Judgement Day. After stating these religious duties, the authors of the petition give a detailed account of the military potential of the Volga region, how many soldiers this rich land could sustain, the sizes of the different ethnic populations – Cheremis, Chuvash, Bashkirs, Ars (Udmurts), Siberian Tatars – and how much tax might be collected from them in form of honey and furs. They also mention the income deriving from the trade caravans from Central Asia and from fishing. Finally, they emphasize that all of the ethnic groups mentioned are Muslims³ who are fit for military service, and therefore the khan has a duty to free them from the hands of the infidels.

The historical background

The existence of contacts between the Crimea and Kazan has deep historical roots. While the Russians were trying to subdue the Turkic peoples of the steppe, the Crimean khans had never given up their claim to rule the entire former territory of the Golden Horde. They had most success in the first half of the sixteenth century, when some members of the Giray dynasty ascended the thrones of Kazan and Astrakhan, but Muscovy's foreign policy was

¹ The German translation of the document contains many mistakes. I will refer to the essential differences in the edition of the source given here

² Kizilbash means 'Red Head[ed]'. It was a pejorative label given by the Ottomans to the Persian military and to the shah himself. The name kızılbaş derived from the special red headwear of these militant groups, followers of the Shiite branch of Islam. Here it is meant for the Safavid Shah Safi I (1629-1642)

³ Among the Finno-Ugric people, Islamisation was superficial at best; among the Chuvash, it was completely absent

more successful. Making use of the conflicts among the Kazan elites and the turmoil in the Crimea following the murder of Khan Sahib Giray and his sons in 1551, they conquered first Kazan in 1552 and then Astrakhan in 1556 [8]. From that moment on, the reconquest of the two Muslim khanates was constantly on the agenda of the Crimean foreign policy.

In 1569, in preparation for reconquest, works started at the order of the Sublime Porte on digging a channel to connect the Rivers Don and Volga at the place where they were separated by the shortest distance – only 11 km. Although the climate, the lack of equipment, the problems of the warriors' provisioning and the passive resistance of Khan Devlet Giray caused the venture to fail, the Porte did not give up the plan altogether [9, pp. 349-402; 10, pp. 7-23].

Revival of the plan was clearly related to the long war against the Persians (1578-1590). In order to facilitate transport of war materials, particularly guns, some of the logistical tasks for the campaigns were to be transferred to the Caspian Sea from the rough Anatolian mountain terrain. This, however, would require retrieving Astrakhan from the Russians, in order to prevent contact between the Russian tsar and the Persian shah [11, pp 65-93, 100-105]. Since Shirvan and Derbent had been incorporated into the Ottoman Empire in the course of the war (1583), the road to Astrakhan was open from the south.

The Ottoman historian Selaniki attributed the critical impetus for launching the campaign to a report sent to the Porte by Abdullah, khan of Bukhara (1583-1598) and by the Great Nogai Horde in early September 1587 [12, p. 190]⁴. It stated that in autumn 1586, Murad Giray, one of the khanzades who had yielded to the tsar, and who had fled to Moscow during the power struggle in the Crimea, was ordered by Feodor I Ivanovich to reside in Astrakhan [13, pp. 274-299].

A potential pretender to the Crimean throne constituted a permanent threat to the Crimean khans and was also dangerous for the Ottoman Empire. On the order of the tsar, Murad Giray would have been able to mobilize the Cossacks on the Rivers Don and Terek against the Ottoman army [14, pp. 214, 285-287]. Therefore, Grand Vizier Siyavuş Pasha had a thorough discussion about the potential outcome of the undertaking with Sadi Efendi, the later *şeyhülislam*, during which there was no attempt to conceal the failure of the 1569 campaign. The plan was submitted to the sultan, who granted his approval on 21 September 1587, upon which they began the preparations for a campaign against Astrakhan [12, 190-191]. They asked the Crimean khan and the Great Nogai Horde for auxiliary troops to ensure the success of the venture.

In 1587, an order was sent to Ali, the *beg* of the Şirin clans of the Crimea, instructing him to take part in the expected campaign in person [15, pp. 226-232]. In a few days, the leader of the Great Nogai Horde, Urus, and twelve Nogai *mirzas* received letters with similar content [15, pp. 233-240]. Military preparations were entrusted to Piyale Pasha, but the campaign was never realized [5, pp. 53-54; 15, pp. 241-247].

⁴Although Selaniki writes Little Nogai Horde, the response from the Porte was addressed to Urus, the head of the Great Nogai Horde, and so it is definitely an erratum

The Persian war ended in 1590, and the immediate threat passed with the death of Murad Giray in 1591. The plan for the reconquest of Astrakhan came off the table for the next half a century. The Ottoman Empire was busy with the Long War in Hungary (1591-1606) and, immediately afterwards, with the new Persian wars (1603-1618, 1623-1639), and there was also a rebellion in the Crimea in 1624. As soon as these wars ended and the situation in the Crimea stabilized, the plan emerged again, but not at the initiative of the Sublime Porte [16, pp. 336-338]. This time, the Muslims of the Volga region sent a letter requesting the Muslim rulers to rid the region of Russian supremacy.

One of the duties of Muslim rulers, besides securing the circumstances of worship, was to ensure the security of believers making the pilgrimage to Mecca. As Persia was a Shiite country, the only way Central Asian Sunni pilgrims could go to Istanbul and join the caravans was to pass through the territory of Astrakhan and the Crimea [17, pp. 391-422]. This gave the khans a very strong reason, in addition to their claims to the heritage of the Golden Horde, to keep permanent contact with the Volga region. Seventeenth-century Crimean diplomatic documents frequently mention responsibilities towards Muslims. A letter in which Khan Canibek Giray announced his second accession to the throne (1628) to Gabriel Bethlen, prince of Transylvania, includes the words, “God made me khan of the Crimean land, caliph of mankind and padishah of Islam” [18, pp. 253-276]. In the *ahdname* (treaty document) of the same khan sent to the Polish King Vladislaus IV, he gives his title as “Great padishah of all the faithful and Muslims”, a reference to the claim of protection over all Muslims. Twenty years later, in 1654, Mehmed IV Giray announced his accession to the throne to King John Casimir and Emperor Leopold I with the same image: “God put the robe of the caliphate on my imperial shoulder.” [19, p. 975].

There was rather unsettling news from the Muslims of the Volga region. A letter from Sefer Gazi Ağa, the vizier of Crimean Khan Mehmed IV Giray, to a high dignitary of Tsar Alexei Mikhailovich (the document calls him “vizier”), indicated that the Muslims in the Russian Empire had great need of the khan’s protection: “If you asked why your army was defeated, well, it is one hundred years that Kazan and Astrakhan have been in your hands, since the time of yours ancestors. Until now, violence against the Muslims living there has not been applied. Your ruler [thinks] he is wiser than his ancestors. You have destroyed the mosques and medreses, the words of the almighty God [that is, the Koran] were thrown into the fire, for that reason your army was defeated. ... If for some reason a prisoner came [in]to you[r hands], you do not give him [for ransom], but you make him by torture a Christian. This will not make more Christians. There are many Christians with us [but] we do not make them Muslims. To make [someone] a Christian or a Muslim by force is unworthy.” [20, p. 874]⁵.

The seventeenth-century sources cited below also show that, a hundred years later, the Muslim rulers had not given up their wish to regain the two cities. Among the Tatar documents first published by Veliaminov-Zernov is a letter from İslam Giray suggesting to the Poles

⁵ Bu askerinız ne sebebden kırıldı der bolsanız uez yıl vardır Kazan ve Ejderhan baba ve dedelerinizden beri sizün elinizdedir bu zamangaza anda bolgan mışlımanga kıyın bolgan yok erdi padişahınız baba ve dedesinden akıllı bolub mescid ve medreselerin bozub tengri-i tealanun kelamın ateşe yakdınız ol sebeble askerinız kırılmışdır [...] size bir işe tutsak dısse culuvga bermeyib kıyın bilen hristiyan etesiz anın birle hristiyan kıp bolmaz bizde de hristiyan kıbdır gız bilen mışlıman etmeziz gız ve kıyın birle hristiyan etmek ve mışlıman etmek layık tğeldır.

that they make an alliance against Muscovy: “It is in Allah’s hand – may He be exalted! – to give. Should the almighty God grant it, as many castles and lands that you can lay your hands on, you can keep them all, they can be under your rule. It has been less than a hundred years since Kazan and Astrakhan were conquered. Now, we strive, and we would be satisfied with bringing back the people of Muhammad into our hands.” [20, p. 861]⁶.

The document is undated, but was presumably issued after the Peace of Zboryw (17 August 1649). It is clearly of a confidential character, because it was taken to the Polish chancellor – most probably to Jerzy Ossoliński, who died on 9 August 1650 – by Muhammed Gazi *atalık*, the former educator of Khan İslam Giray. Senai, the author of a Crimean Tatar chronicle, seems to have known that the plan for the anti-Muscovite alliance must have come from Sefer Gazi Ağa [21, p. 136]. The Polish king did not want to ally against the Russians, but he did want to make use of Tatar ambitions, as is clear from Mariusz Jaskylski’s embassy to Khan İslam Giray. Jaskylski arrived at Bakhchisaray in 7 April 1654 [22, pp. 63-66]. He was instructed to demand only a few auxiliary troops for the Rzeczpospolita, saying that the khan should use his main strength against Alexei Mikhailovich to recapture Kazan and Astrakhan. [23, pp. 46-60].

After the death of İslam Giray in October the same year (1654), Jaskylski returned to the Crimea to take a solemn oath from the new khan, Mehmed IV Giray, for the treaty agreed with his predecessor. The peace instrument granted by Mehmed IV Giray to King John Casimir on 11 November 1654 shows that – as Dariusz Kołodziejczyk has noted – the khans continuously upheld their claim to Kazan and Astrakhan and even to all of the former territories of the Golden Horde, including South Siberia and the Pre-Caucasus: “You should sincerely keep your oath and engagement, and until the end of your life you should not make peace with the Moscovian ruler, but you should set out with your troops against him; if – by the grace of His Excellency, God (may He be exalted!) – God enables us the conquest of Kazan, Astrakhan, Terek and Tura, being [presently] held by Muscovy, or any region in that country inhabited by Tatars or Nogais, neither you, our brother, nor any of the Polish lords should interfere, as [these conquests] will belong to us.” [19, pp. 974-981]⁷. The Polish-Tatar negotiations, of course, did not remain a secret to the Russians. The voivode of Moscow learned from Lukasz Bunowski, a captured Polish “tongue”,⁸ that in Bakhchisaray, Jaskylski was shown a letter from the Tatars of Kazan and Astrakhan asking the khan to free them from the slavery of the tsar [24, p. 42]. It is probably that letter, or an updated copy of it, which is now held in the Sächsische Landesbibliothek in Dresden (see Appendix) and is re-examined below.

⁶ Vermek Allahu teala elindedür hakk-i teala verüb her ne kadar kala ve memleket ele girürse sizindür zabt edesiz bizim de bu mertebe ikdamımız yüz yıl olmuşdegüldür (sic!) Ecderhan ve Kazan alındığı ol ümmet-i Muhammed elimize girdikde kayılızdır

⁷ Siz ‘ahd ü yeminiñüzde sadıq olub ‘ömriñüz ahir oluncaya degin Mosqov padişahı ile barışmayub üzerine ‘asker çıqub Haq ta’ala hazretleri lutf edüp fethi müyesser olursa Mosqov zabtında olan Qazan ve Ecderhan ve Terek ve Tura ve ol vilayetde her ne qadar Tatar ve Noğay halqı var ise siz qarındaşımız ve cümle Leh bekleri qarışmayub bizim olub

⁸ In Russian, too, *jazyk* means ‘language’ or ‘tongue’ which is a calque from Turkic *dil*, that is, a prisoner of war expressly taken for obtaining information

Date of the petition

The petition bears no date, but the period it was written in may be discerned from the events it describes. Russia and Persia forged diplomatic ties to help them face their respective enemies – the Crimean Tatars and the Ottomans – in the mid-sixteenth century. They maintained regular mutual embassies from 1586 until 1651, when the two sides came into conflict over a power rivalry in the Caucasus [25, pp. 36, 52]. The source must therefore date from the time these ties were in place, because afterwards, Muscovy was unable to deliver war material to the Persians. The Ottoman–Persian war ended in 1639, after which these empires did not fight each other for a century. Kurat’s proposal for the date 1635, the last year of the reign of Khan Canibek Giray, is therefore acceptable, but can be refined by Russian sources.

At the end of 1634, the Porte commanded Khan Canibek Giray to liquidate the Cossack camp on the River Don. Canibek Giray launched a campaign against them in early 1635. He spent January in Kerch, on the strait between the Black Sea and the Azov Sea. In the following months he crossed the strait and stayed in the vicinity of Temrük [26, pp. 244–245]. However, the campaign came to a premature end in mid-March, when the Porte removed Canibek and appointed a new khan in his place. As soon as Canibek Giray received the news of his deposition, he fled to the Nogais on the River Kuban, from where he sailed to Kefe and then to Istanbul [16, 336]. The use of the expression “this winter” in connection with Canibek’s campaign shows that the petition must have been written between January and mid-March 1635. If what the captured Polish “tongue” Lukasz Bunowski said during his interrogation in 1654 is true, then the letter – despite being twenty years old – could have been shown to Jaskylski in Bakhchisaray for the purpose of convincing the Poles that the Tatars of Kazan and Astrakhan were ready to stand up in support of the Crimean Khan.

The addressee of the petition

According to Kurat, the recipients were the Crimean *müfti* and, through him, the Crimean khan; according to Iskhakov, they were the Crimean *müfti* and the Ottoman sultan. The invocation of the document: *Faziletlü efendi!* (“Meritorious lord!”) refers to the religious elders, showing that the addressee was undoubtedly the Crimean *müfti*. Iskhakov cites the presence of the title sultan to argue that the petition was addressed directly to the Ottoman ruler. It comes up twice in the text: *Benüm izzetlü sultanum!* (“My honourable sultan!”), and *Sultanumdan rica bu dir ki zikr etdüğümüz ahvali tafsil üzere yazub han hazretlerine arz eyleyüb...* (“The request towards my sultan is to write down this mentioned situation in detail and report it to his majesty the khan”) [7, p. 50].

The Ottoman diplomatic manual required that a petition submitted to the Ottoman ruler should use the title “padishah”, complemented with such epithets as *devletlü* ‘illustrious’, ‘excellent’, *saadetlü* ‘prosperous’, ‘happy’, ‘fortunate’, *şevketlü* ‘majestic’, *kerametlü* ‘generous’, ‘noble’ and with the title *hazretleri* ‘his majesty’ [27, p. 207]. Looking carefully at the text, we find: *saadetlü padişah hazretlerine* (“to his majesty, the fortunate padishah”), and in the case of the Crimean khans:

Kırım padişahları (“The padishahs of Crimea”).

In the Ottoman Empire, the form of address: *Sultanım!* (“My sultan!”) was used for the grand vizier or for persons of lower military, religious or uridical ranks [28, pp. 51-54; 29, pp. 447-448]. It is also found in correspondence between officials and even in family letters [30, No. 51, 57, 63, 64.]. I conclude from this that the sole addressee of the petition was the Crimean *müfti*, and *Benüm izzetlü sultanım!* (“My honourable sultan!”) referred to him rather than the Ottoman ruler. It was merely a polite formula, which may correspond most to “My honourable lord!”.

The language of the source

Another difficulty is the language of the petition, which is very different from that of the seventeenth-century Volga Tatar sources I know. These are wholly free of Ottoman Turkish influence, which reached the Volga region only in the eighteenth and nineteenth centuries. The language also differs from that of diplomatic documents sent from the Crimean chancellery to the Polish kings and to the Russian tsars. This strongly suggests that the petition kept today in Dresden is not the original, but a contemporary or later translation from Tatar to Ottoman Turkish. The translator had clearly mastered Ottoman Turkish, but left in the translation some traces of his Tatar mother tongue. For example, he used the Tatar word *ulun* (‘the shaft of an arrow’) of Eastern Turkic origin; instead of Ottoman *gidiş-geliş* (‘comings and goings’), he wrote *barış-keliş*; instead of *demir* (‘iron’), *temir*; and instead of *asker çıkarırız* (‘we set up warriors’), *asker çıkarız*. If the translation is contemporary, it could have been made at the chancellery of Bakhchisaray, because the khans used Ottoman Turkish in their correspondence with Istanbul [6]. From the style of writing, however, I have the impression that it is probably a later translation, and the original petition in the Tatar language is missing or has not yet been found.

Demographic data in the petition

As for the population of the Volga region who could be rallied for war, the number of two or three hundred thousand warriors given in the petition is obviously an exaggeration, as is the statement that the land can feed hundreds of thousands of troops, even though the Volga basin is one of the most fertile areas in the Russian Empire. In my experience, excessive numbers are usually to be divided by ten.

Iskhakov and Trepavlov give a more solid estimate of the military strength of the Kazan Khanate [18, 41]. Tatar and Russian historians have estimated the total population of the multinational khanate to have been 400–500,000 in the first half of the sixteenth century [31, p. 603]. Of these, 150–200,000 were Tatars, and 50- 80,000 Chuvash. The number of Cheremis was given in the very wide range of 70-120,000, with the comment that there could have been no more than 200,000 of them [31, p. 603].

The number of warriors that could be brought to the field out of a population of 400-500,000 can be determined only from external sources. Sigismund Herberstein, ambassador of the Holy Roman Emperor Charles V of Habsburg and Archduke Ferdinand of Habsburg,

estimated the Tatar army, including the Cheremis and Chuvash, to number 30,000 in 1526 [32, p. 296]. Adam Olearius first travelled to Moscow as secretary of the embassy of Duke Frederick III of Holstein-Gottorp in 1635, and a few years later, he went through Kazan and Astrakhan to Persia. He gave the strength of the former Kazan Khanate army as 60,000, presumably also including the Nogais [33, p. 348].

Iskhakov warned that the demographic data concerning the Finno-Ugric peoples should be treated carefully because of their geographical location. Half of the people might have lived under Russian rule, and the other half under the Tatars. He found that the number of tax-payers given in Russian sources for 1631-1632 (11,000-12,000) was close to the number of households given in the petition (10,000). In the case of the Udmurts (also called “Ar”) the situation is the same. The Udmurt population was estimated to be 29,000 at the end of the seventeenth century, but only 17,000 of them – the Southern Udmurts – were ruled by the Tatars and could thus be taken into consideration. This figure is also close to the 15,000 tax-paying Udmurt households in the petition [7, p. 53].

Conclusions

There are two central questions to be addressed by analysis of the source: Can we consider the petition by the people of Kazan as authentic, and did the plan have any chance of being carried out? Our source is certainly not the original petition. It is a translation, either from that period or, more likely, from a later age. Nevertheless, both historical and linguistic arguments support the proposition that at least one letter with this or similar content must have been written. This is also supported by the demographic data. The addressees were without doubt the Crimean müfti and, through him, the Crimean khan. Although the Porte might also have received a copy of the document, the Ottoman ruler was clearly not the secondary addressee. How the document ended up in the Dresden colligatum is unknown. Errata found in the German translation of the petition may be attributed to Zenker’s lack of geographical knowledge.

Were such plans in any way realistic? Hardly. The military technology that the Russian army used, especially its firearms, was already far superior to that of the Tatars. Control of the Volga water route also gave the tsar some clear logistic advantages. Neither could it have been taken for granted that the ethnic groups listed in the letter would have started an anti-Muscovite uprising. In the siege of Kazan in 1552, the Nogais were primarily concerned with their own economic interests, to the extent of being prepared to give up Muslim confessional solidarity [35, p. 22]⁹. We should also bear in mind that the Polish-Lithuanian Commonwealth would gain little from weakening Muscovy, despite its interest in doing so, if the result was to make the Crimean Khanate much stronger. Finally, it is questionable whether the Giray dynasty’s claim to historical and confessional rights over the two former Muslim khanates would have been approved by the Porte.

⁹ Some researchers believe that the involvement of the Nogais in the siege of Kazan, or at least their neutrality, played a significant role in the Russian capture of the Volga region and helped the Russians to reach the foothills of the Caucasus and to conquer Siberia in the 1580 s.

appendix [36, p. 54]

(1) İzzetlü ve faziletlü ve fukaraya merhametlü EFENDİ hazretlerinin huzur-i alilerine yüz sürdüğümüzden sonra arz-i hal-i fukara bu dir ki: benüm izzetlü sultanum Kızılbaş fethinin ilacı

(2) vallahi-alem Gazan ve Ejderhan fethidür zira ol şah-i melunun mamur ve rahat ocak¹⁰yeri Bahr-i Kulzüm kenaridur Gazan ve Ejderhan feth olınacak İdil

(3) suyu kenarında kadırgalar ve şaykalar yapılub Bahr-i Kulzüm etrafında olan vilayetlerin ihlak ve ihrak olmaları mukarrerdür zira Maskav beği ile dostdur

(4) Gazan ve Ejderhan feth olunduktan sonra ol Kızılbaş-i bed-maaş bu ahvali eşidüb Kırım hanlarına tabi olmaları mukarrerdür evvela saadetlü padişah

(5) hazretlerine asi olmasına sebep Maskav beği olmuştur bu taraftan padişahlara sizün ile dostluğumuz mukarrerdür düşmanunuz ile düşmanuz derler şah-i zalalet-

(6) penaha gerçi asker göndermez amma tüfenk ve barut ve kükürt ok-ulun temir kurşun bakır ve bundan maada kese kese nokratlar sene ber sene eksik

(7) etmezler Gazan ve Ejderhan feth olıcak bunların mabeynleri kesilür zira İdil suyuyla¹¹barış ve kelişleri katı olunur muhassal Gazan ve Ejderhan

(8) feth olunması padişahların himmetlerine mevküfdür vilayet-i Gazan hazret-i Ömer zamanından berü islama gelüb mumin-i muhlislardur beş vakit namazların[d]a

(9) kaim daima dualarında ya rabbi padişah-i din-i islam eli altında olmak nasib eyle derler alelhusus bu kışın Kefe beğlerbeğisi saadetlü İbrahim paşa

(10) hazretleriyle Kırım hanı şevketlü Canibek Giray han hazretleri nehr-i Ten'de vaki Ten Kazagı taburlarınınun hedmi için teveccüh buyurub Canibek

(11) Giray han hazretleri Temrük'de Kuban nam mahalde mani düşüb kalmagıyla Kefe beğlerbeğisi İbrahim paşa hazretleri kale-i Azag'a gelüb devlet-i

(12) padişah-i islamda tamam mertebe tamir ve termim etmişdirki rus-i menhus eşkiyasına havf ve haşiyet düşmüşdür eger Kırım hanı tob ve tüfenk ve

(13) asker ile Gazan fethi kasdına geliyor deyü eşidirlerse inşallahu teala her birleri muti olmaları mukarrerdür bu hakir kulinuzı beğler ve ihtiyarlar

(14) cem olub ittifak ile gönderdiler elbette bizüm ahvalimüzi ve askerimüzi ve mamurluğunu ve mahsulünü bir bir bildürüb saadetlü Kırım hanından istimdad

(15) eyle ve ulema ve suleha ve meşayih izamlarına her birlerine arz her birleri muavenet edüb Kırım padişahların bu tarafa teveccüh etmesine sebep olub bir alay

(16) ümmet-i Muhammedi kafirler elinden kurtarsunlar eger bu beyan etdigimiz ahvali etmezlerse bizim ellerimiz anların yakası deyüb kemal mertebe her birleri tazri ve

(17) niyaz edüb yalvarmışlardır iki üç kerre yüz bin asker çıkarız derler ve imareti olkadardurki üç yıla dek bir avuç tohum bırakmasalar ve yüz bin asker

(18) içinde dursa kifayet eder derler terekesi ve balığı asla kesilmez bir kavm vardurki Çerşi-Çermişi derler kırk bin hane dur her hanesi yasaklı dur

¹⁰ Zenker, and after him Kurat, read olıcak, which is a wrong reading

¹¹ In the facsimile, ایلیدول سوییله. It is obviously a copying error instead of ایلیدول سوییله. İdil suyuyla, which was not taken into account by previous researchers

(19) *baba dedesinden mülklerine göre kimi on batman bal ve kimleri beş batman bal ve hiç vermeyen bir batman bal verirler ve Tav-Çuvaşı derler bir kavm ki*

(20) *yigirmi bin hane dur cümlesi yasaklıdır işbu uslub üzere akçe ve tereke ve zerdava ve sincab ve tilki ve as cümlesinden uslub-i sabık üzere verir*

(21) *İstek-Baş-kurt on bin hane dur işbu uslub üzere yasak verirler ve Tura vilayetinin mahsulü yedi şehir dür sekiz kerre yüz bin¹² semmur verirler*

(22) *ve kara tilki dahi olkadar verirler ve dahi taife-i Ar on beş bin hane dür yasaklıdır anlar dahi ol uslub üzere akçe ve bal ve semmur ve sincab ve zerdava*

(23) *ve kunduz, kama, as sudan balık ve karadan yasak verirler Çermiş Çuvaş İstek-Baş-kurt Ar cümlesi atlıdır yaraklıdır Gazan ile Ejderhan mabeyni*

(24) *otuz günlük yoldır ol yerin bir yanı ak kumdır Gazandan Ejderhana varınca arşınla satılır balık avcılarına verirler ve dahi Gazan ve Ejderhan iskeledür*

(25) *her yıl Kızılbaş ve Buhara ve Ürgenc'den ve Taşkend ve Türkistan ve Kaşkardan Hata ve Hotan'dan ve Hindustan'dan kerban gelür baci u haracı ve çil yeki ve deh yeki*

(26) *ve penc yeki gelür saadetlü Kırım hanı olan kimesnelere gayret-i din-i mübin ve icra-i sünen-i¹³ seyyidü'l-mürselin ahra¹⁴ ve ahsen belki evceb ve elzem olduğu ilm-i şerifine*

(27) *puşide degildir küffar-i haksar elinden bir alay ümmet-i Muhammedi tahlis etmenin mesubâtı ne mertebe olduğu meczumunuzdur burada[n] asker-i islam ile Gazana teveccüh olunsa*

(28) *bu kadar ehl-i islam askerinden asla kimse mukabele edüb mukatele ve mücadele etmek ihtimalı yokdur bu hakir kulunuzı ittifakla bu canibe gönderüb asker-i islam ne zeman gelür*

(29) *deyü andağı müslümanlar bu hakirin varmasına müntezirlerdür sultanımdan rica bu dir ki zikr etdiğimiz ahvali tafsil üzere yazub han hazretlerine arz eyleyüb bir alay*

(30) *ümmet-i Muhammedi küffar-i haksar elinden halas bulmaları babında himmet-i ulyaları¹⁵ bi-dirig buyuralar baki ne diyelüm ki muhat-i ilm-i şerifleri olmya men el-hakir Rahman Kuli*

Translation⁵⁴

After prostrating ourselves in the high presence of his excellency, the honourable, meritorious EFENDİ who is merciful towards the poor, the petition of [this] humble one (that is, Rahman Kuli) is as follows:

My honourable lord (*sultan*)! The remedy for the victory of the Kizilbash (that is, the shah of Persia) is – God knowing it best – would be the conquest of Kazan and Astrakhan, because the flourishing and comfortable land of this accursed shah is located on the shores of the Caspian Sea. 55 If Kazan and Astrakhan are conquered, and galleys and barges are built on the banks of the River Volga, the destruction and burning of his provinces located at the shores of the Caspian Sea is certain, because he (that is, the shah of Persia) is a friend of the *beg* of Moscow. It is certain that as soon as the miscreant Kizilbash hears about the conquest of Kazan and Astrakhan he will submit himself to the khan of Crimea. The cause of his

¹² The source states sekiz kerre yüz bin (“eight hundred thousand”), Kurat read sekiz kerre bin (“eight hundred”)

¹³ Kurat read sünü (?)

¹⁴ Kurat read ecri, which is a wrong reading

¹⁵ Kurat read aliyeleri instead of ulyaları which is the correct one

previous rebellious behavior¹⁶ toward his majesty, the exalted [Ottoman] padishah was the *beg* of Moscow. “From our side our friendship is certain towards you and your enemies are our enemies too” – they (that is, the Muslims of Kazan) said to the padishahs. Although he (that is, the beg of Moscow) does not send the shah, the refuge of error, any troops, he supplies him with guns, gunpowder, sulphur, arrow shafts, iron, lead, copper and moreover with gold bags, which do not diminish from year to year. If Kazan and Astrakhan were conquered, their connection would be disrupted, because their dealings (*barış ve kelişleri*) via the Volga would be cut. In short, the conquest of Kazan and Astrakhan rests only upon the effort of the padishahs. The province of Kazan is converted to Islam since the time of Umar¹⁷, they are faithful believers, they consistently perform their five daily prayers and in their invocations they say, “O Lord, let us live under the rule of the padishah of the Islamic faith.” Especially this winter, his excellency, İbrahim Pasha, the fortunate governor-general of Caffa, and his majesty, the khan of Crimea, the powerful Canibek Giray moved out for the destruction of the camp of the Don Cossacks on the Don. Now his majesty, Canibek Giray Khan, remained because of an obstacle in a place named Темрѣк, on the River Kuban¹⁸. His excellency, the governor-general of Caffa, İbrahim Pasha, came to Azov¹⁹, and had [the fortress located] in the realm of the padishah of Islam so perfectly restored and renovated that the cursed Russian bandits strike into fear and dread. If they hear that the khan of Crimea marches with cannons, guns and an army to conquer Kazan – if the almighty God wills – certainly all of them will yield. After the begs and the elders gathered, they have sent unanimously me, your humble servant, “By all means, one by one inform him [that is the müfti of Crimea] about our circumstances and our army, about the flourishing and revenue [of the land]. Ask the fortunate Crimean khan to help. Submit to each of the distinguished scholars, the pious men and the sheikhs [a petition] that each of them should help, that they should be the cause for the padishah of the Crimea to come here in order to free a group of Muslim people from the hands of the infidels. If he does not act as explained by us, so we will judge him on the Day of Judgement”²⁰ – each of them asked and begged in the most humble way. They say, “Two or three hundred thousand men we can draft. The fertility [of the land] is so great that even if one does not hold on to a handful of seeds for three years, and even if a hundred thousand warriors remain there, it would still suffice. Grain and fish do not run out. The people (*kavm*) called Cheremis (*Çerşi-Çermişi*)²¹, is forty thousand households (*hane*), all are tributary (*yasaklı*).

¹⁶ It is a reference to the long Persian war of Sultan Murad IV (1623-1639)

¹⁷ It is an obvious anachronism, since Umar, the second caliph of Islam, occupied the position between 634 and 644, while in the Volga region Almish, ruler of Volga Bulgaria was the first who converted to Islam in the early tenth century

¹⁸ The fortress of Темрѣк is located on the Taman Peninsula, on the right bank of the southwestern branch of the River Kuban, not far from its mouth. Zenker was apparently not familiar with any of the place names, and translated *Temrѣk'de Kuban nam mahalde* as “an einem Orte mit Namen Tumurkda Kaban”

¹⁹ Azak (today Azov), is a fortress at the mouth of the River Don. Taking advantage of the conflict between the new Crimean khan, Inayet Giray (1635–1637) and the head of the Mansur clans, Cantemir, as well as the engagement of the Sublime Porte in the Persian war, the Don Cossacks captured Azov on 28 June 1637

²⁰ Literally: our hand is on his collar, that is, we stick to his collar/we pinch his neck

²¹ It is the Tatar name of the Meadow Mari (Cheremis), who speak a Finno-Ugric language

From father and grandfather they give according to their wealth, some ten batmans of honey, some five *batmans* and who has nothing still gives a batman of honey. The Hill-Chuvash (*Tav-Çuvaşı*)²² is a people (*kavm*) of twenty thousand households and all are tributary. In the same way they give money, grain, marten, squirrel, fox, and ermine furs, all of them according to the old usage. The Ishtek-Bashkirs²³ are ten thousand households and give tribute (*yasak*) in the same way. The income of the province of Tura is [the tribute of] seven cities,²⁴ they give eight times one hundred thousand sable furs and just as many black fox furs. Further, the people (*taife*) of Ar are fifteen thousand households, all tributary. They give in the same way money, honey, sable, squirrel, marten, beaver, otter and ermine furs. They give from the rivers fish and from the land tribute. Cheremis, Chuvash, Ishtek-Bashkir and Ar all are mounted and armed. Between Kazan and Astrakhan there is a thirty days' journey. One side of this place is white sand. It is sold to fishermen by arshins from Kazan to Astrakhan. Furthermore, Kazan and Astrakhan are ports. Every year caravans arrive from Persia, Bukhara, Irgendj, Tashkent, Turkistan, Kashgar, Khatai (China), Khotan and Hindustan. The customs and taxes are one fortieth, one tenth, and one fifth." It is not hidden from the noble knowledge of the khans of Crimea that the effort for the true faith and the carrying out of the ordinances of the Lord of Prophets (that is, Muhammad) is worthy and salutary, and is in fact required. He knows for sure what the reward of freeing a group of Muslim people from the hands of the miserable infidels is. If he moved against Kazan from here (that is, Crimea) with troops of Islam, certainly no one would oppose so many Muslim warriors, the possibility of doing battle with them, to fight against them is excluded. Me, your poor servant having been sent here by unanimity the Muslims [of Kazan] are awaiting [my return] and ask when the army of Islam comes. The request towards my sultan is to write down this mentioned situation in detail, report it to his majesty the khan, and to deign to make without refusal his exalted efforts in the case of freeing a bunch of Muslim people from the hand of miserable infidels. Incidentally, what more may we say what is not known already to his sublime knowledge?

Reference

1. Kazem-Bek A.K. Grammatika turecko-tatarskogo jazyka. – Kazan', 1839.
2. Rzaev A.K. Muhammad Ali M. Kazem-Bek. – Moskva, 1989.
3. Kazem-Bek A.K. Obščaja grammatika turecko-tatarskogo jazyka. – Kazan', 1846.
4. Zenker J.Th. Allgemeine Grammatik der Türkisch-Tatarischen Sprache von Mirza A. Kazem-Bek. – Leipzig, 1848.
5. Kurat A.K. Türkiye ve İdil Boyu. 1569 Astrahan Seferi, Ten-İdil Kanalı ve XVI– XVIII. Yüzyıl Osmanlı-Rus Münasebetleri. Ankara.
6. Kurat A.K. (1972) IV–XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. – Ankara, 1966.

²² It is the Tatar name of the Northwest Chuvash

²³ Ishtek is an exonym for the Bashkirs. They were called so by the Nogais, the Kazakhs, the Crimean Tatars and the Kalmyks

²⁴ In the German translation, vierzig 'forty cities' which is a mistake

7. İshhakov D. 'Ob odnom poslanii iz Povolž'ja v Krymskoe Hanstvo v 1635 g.' – Krymskoe Istoričeskoe Obozrenie2, 2014. – P. 50–62. accessed 14 November 2018 http://www.ionutcojocar.ro/wp-content/uploads/2014/11/КИО_2.pdf
8. Gökbilgin Ö. Tarih-i Sâhib Giray Hân. Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532–1551. Edition critique, traduction, notes et glossaire. – Ankara, 1973.
9. İnalçık H. 'Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşei ve Don–Volga Kanalı Teşebbüsü (1569)'; Belleten – Vol. 12. 1948. – P. 349–402.
10. Kurat A.K. 'The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569 and the Problem of the Don–Volga Canal'. The Slavonic and East European Review Vol. 40. No.94, 1961. – P. 7–23.
11. Palombini B. von Bündniswerben abendländischer Mächte um Persien 1453–1600. (Freiburger Islamstudien). – Wiesbaden, 1968.
12. Selânîkî Mustafa Efendi Tarih -i Selânîkî (971–1003/1563–1595). Ed. by Mehmet İpşirli. – İstanbul, 1989.
13. Vinogradov A. V. 'Russko-Krymskie otnošenija v 1570–1590-h gg. v kontekste dinastičeskogo krizisa Gireev', in Srednevekovye Tjurko-tatarskie gosudarstva. Vyp. 2. – Kazan', 2010. – P. 274–299, accessed 1 October 2018, http://www.tataroved.ru/publicat/sttg_2.pdf
14. Beljakov A. V. Čingisidi v Rossii v XV–XVII vekov: prosopografičeskoe issledovanie. – Rjazan', 2011.
15. Mustakimov I. A. Dokumenty po istorii Volgo-Uralskogo regiona XVI–XIX vekov iz drevlehranilišč Turcii. – Kazan', 2008.
16. Bennigsen A., Boratav P. N., Desai D., Lemercier-Quelquejay Ch. Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. – Paris, La Haye, 1978.
17. Carrère d'Encausse H. 'Les routes commerciales de l'Asie centrale et les tentatives de reconquête d'Astrakhan d'après les registres des « Affaires importantes » des Archives ottomanes', Cahiers du monde russe et soviétique 11:3. 1970. – P. 391–422.
18. Ivanics M. 'Kétkrími-tatár oklevél Bethlen Gáborhoz', Néprajz és Nyelvtudomány 19–20 [Two Crimean Tatar Documents to the Prince of Transylvania, Gábor Bethlen]. 1975. – P. 253–276.
19. Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. – Leiden, Boston, 2011.
20. Veliaminov-Zernov V. V., Fejzhanov H. Materialy dlja istorii Krymskogo Hanstva. – Sankpeterburg, 1864.
21. Kırımlı Hacı Mehmet Senai Historia Chana Islam Gereja III. Tekst turecki wydał, przełożył i opracował Zygmunt Abrahamowicz; uzupełniający komentarz historyczny Olgierd Górka i Zbigniew Wójcik; pod red. naukową Zbigniewa Wójcika. – Warszawa, 1971.
22. Novak T. Polski Słownik Biograficzny. Vol. 11. Polish Biographical Dictionary. – Warszawa, Kraków, 1964–1965.
23. Augusiewicz Sł. 'Dwa poselstwa Mariusza Stanisława Jaskólskiego na Krym w 1654 roku' [Two legations of Mariusz Stanisław Jaskólski to the Crimea in 1654], in F. Wolański and R. Kołodziej (eds.), Staropolski ogląd świata. Rzeczpospolita między okcydentalizacją a orientalizacją. Vol. 1: Przestrzeń kontaktów. – Toruń, 2009.
24. Fedoruk J. Miżnarodna dyplomacija i polityka Ukrainy 1654–1657, pt.1:1654 rik [International diplomacy and policy of Ukraine 1654–1657]. – L'viv, 1996.

25. Bušev P. P. Istorija posol'stv i diplomatičeskijh otnošenij ruskogo i iranskogo gosudarstv v 1585–1612 gg. Po ruskim arhivam. – Moskva, 1976.
26. Novosel'skij A.A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII. veka. – Moskva, Leningrad, 1948.
27. Kütükoğlu M.S. Osmanlı Belgelerinin Dili (Diplomatik). – İstanbul, 1994.
28. Kütükoğlu M.S. 'Elkâb' // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. Vol. 11. – İstanbul, 1995. – P. 51–54.
29. İpşirli M. 'Arzuhal', in Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. Vol. 3.– İstanbul, 1991. – P. 447–448.
30. Fekete L. Türkische Schriften aus dem Archive des Palatins Nikolaus Esterházy. No's. 51, 57, 63, 64. – Budapest, 1932.
31. Trepavlov V.V. "Oteckie deti": Elita kazanskogo Hanstva v litovskoj metrike', Zolotoordynskoe Obozrenie. – Vol. 5. No. 3. 2017. – P. 600–611. accessed 18 October 2018, <http://goldhorde.ru/RU/2017-t5-n3/>
32. Sigismund Herberstein Rerum Moscoviticarum Commentarii. Synoptische Edition der lateinischen und der deutschen Fassung letzter Hand, Basel 1556 und Wien 1557, Unter der Leitung von Frank Kämpfer erstellt von Eva Maurer und Andreas Fülberth. Redigiert und herausgegeben von Hermann Beyer-Thoma. – München, 2007.
33. Adam Olearii Außführliche Beschreibung Der Kundbaren Reyse Nach Muscow und Persien: So durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandschafft von Gottorff auß an Michael Fedorowitz den grossen Zaar in Muscow/ und Schach Sefi König in Persien geschehen.../ Adam Olearius. Jetzo zum dritten und letzten mahl correct heraus gegeben. – Schließwig, 1663.
34. Osmanlı Belgelerinde KazanT. C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü; Osmanlı ArşiviDaire Başkanlığı, Yayın Nu. 72. – Ankara, 2005.
35. Palombini B. von Bündniswerben abendländischer Mächte um Persien 1453–1600. (Freiburger Islamstudien). – Wiesbaden, 1968.
36. Fleischer H.O. Catalogus Codicum Manuscriptorum Orientalium Bibliothecae Regiae Dresdensis. Vol. 1.Part. E.Lipsiae, 54: Cod. turc. No. 361, 1831. https://digital.slub Dresden.de/data/goobi/48837961X/48837961X_tif/jpegs/48837961X.pdf
37. Clauson G. Sir An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford, 1972.
38. Ak M. 'Osmanlı Coğrafyasında İki Yer Adı (Bahr-i Kulzüm/Kurzüm) Üzerine'. İlmî AraştırmalarNo. 2. 1996. – P. 7–12.
39. İnalçık H. 'Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature', in Chantal Lemerrier-Quellejey, Gilles Veinstein and S. Enders Wimbush (eds.), Passé turco-tatar, présent soviétique: Études offertes à Alexandre Bennigsen.– Louvain, Paris, 1986. – P. 208–211.
40. Trepavlov V. V. 'Malaja Nogajskaja Orda. Očerk istorii', Tjurkologočeskij Sbornik 2003–2004.Tjurkskie narody v dervnosti i srednevekov'e. – Moskva, 2005. – P. 273–311.
41. Posol'skie knigi po svjazam Rosii s Nogajskoj Ordy (1551–1561 gg). Sost. D. A. Mustafina and V. V. Trepavlov. – Kazan', 2006.
42. Budagov L. Sravnitel'nyj slovar' turecko-tatarskih narečij. Vol. 1.– Sanktpeterburg, 1869–1871.

43. Beliaikov A.V., Vinogradov A.V., Moiseev M.B. () 'Institut aličestva v postzolotoordynskom mire', Zolotoordynskoe Obozrenie, Vol. 5. No. 2. 2017. – P. 412–436.
44. Kırım Yurtına ve Ol Tarafılgara Dair Bolgan Yarılgılgar ve Hatlar. Ed. by Özyetgin and IlyasKamalov. – Ankara, 2009.

Reference

1. Kazem-Bek A.K. (1839) Grammatika turecko-tatarskogo jazyka. Kazan'. [in Russian].
2. Rzaev A.K. (1989) Muhammad Ali M. Kazem-Bek. Moskva. [in Russian].
3. Kazem-Bek A.K. (1846) Obščaja grammatika turecko-tatarskogo jazyka. Kazan'. [in Russian].
4. Zenker J.Th. (1848) Allgemeine Grammatik der Türkisch-Tatarischen Sprache von Mirza A. Kazem-Bek. Leipzig. [in German].
5. Kurat A.K. (1966) Türkiye ve İdil Boyu. 1569 Astrahan Seferi, Ten-İdil Kanalı ve XVI–XVIII. Yüzyıl Osmanlı-Rus Münasebetleri. Ankara. [in Turkish].
6. Kurat A.K. (1972) IV–XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara. [in Turkish].
7. İshakov D. (2014) 'Ob odnom poslanii iz Povolž'ja v Krymskoe Hanstvo v 1635 g', Krymskoe Istoričeskoe Obozrenie 2. P. 50–62. accessed 14 November 2018, http://www.ionutcojocar.ro/wp-content/uploads/2014/11/КИО_2.pdf [in Russian].
8. Gokbilgin Ö. (1973) Tarih-i Sahib Giray Han. Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532–1551. Edition critique, traduction, notes et glossaire. Ankara. [in Turkish].
9. İnalçık H. (1948) 'Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşei ve Don–Volga Kanalı Teşebbüsü (1569)', Belleten – Vol. 12. P. 349–402. [in Turkish].
10. Kurat A.K. (1961) 'The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569 and the Problem of the Don–Volga Canal', The Slavonic and East European Review Vol. 40. No.94. P. 7–23. [in English].
11. Palombini B. von (1968) Bündniswerben abendländischer Mächte um Persien 1453–1600. (Freiburger Islamstudien). Wiesbaden. [in German].
12. Selânikî Mustafa Efendi (1989) Tarih -i Selânikî (971–1003/1563–1595). Ed. by Mehmet İpşirli. İstanbul. [in Turkish].
13. Vinogradov A. V. (2010) 'Russko-Krymskie otnošenija v 1570–1590-h gg. v kontekste dinastičeskogo krizisa Gireev', in Srednevekovye Tjurko-tatarskie gosudarstva. Vyp. 2. Kazan'. P. 274–299, accessed 1 October 2018, http://www.tataroved.ru/publicat/sttg_2.pdf [in Russian].
14. Beljakov A. V. (2011) Čingisidi v Rossii v XV–XVII vekov: prosopografičeskoe issledovanie. Rjazan'. [in Russian].
15. Mustakimov I. A. (2008) Dokumenty po istorii Volgo-Uralskogo regiona XVI–XIX vekov iz drevlehranišč Turcii. Kazan'. [in Russian].
16. Bennigsen A., Boratav P. N., Desai D., Lemerrier-Quelquejay Ch. (1978) Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. Paris, La Haye. [in French].
17. Carrère d'Encausse H. (1970) 'Les routes commerciales de l'Asie centrale et les tentatives de reconquête d'Astrakhan d'après les registres des « Affaires importantes » des Archives ottomanes', Cahiers du monde russe et soviétique 11:3. P. 391–422. [in French].
18. Ivanics M. (1975) 'Kétkrími-tatár oklevél Bethlen Gáborhoz', Néprajz és Nyelvtudomány 19–20 [Two Crimean Tatar Documents to the Prince of Transylvania, Gábor Bethlen]. P. 253–276. [in Hungarian].

19. Kołodziejczyk D. (2011) *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th-18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents.* Leiden, Boston. [in English].
20. Veliaminov-Zernov V.V., Feyzhanov H. (1864) *Materialy dlja istorii Krymskogo Hanstva.* Sankpeterburg. [in Russian and in Turkish].
21. Kırımlı Hacı Mehmet Senai (1971) *Historia Chana Islam Gereja III.* Tekst turecki wydał, przełożył i opracował Zygmunt Abrahamowicz; uzupełniający komentarz historyczny Olgierd Górka i Zbigniew Wójcik; pod red. naukową Zbigniewa Wójcika. Warszawa. [in Polish].
22. Novak T. (1964-1965) *Polski Słownik Biograficzny.* Vol. 11. *Polish Biographical Dictionary.* Warszawa, Kraków. [in Polish].
23. Augusiewicz Sł. (2009) 'Dwa poselstwa Mariusza Stanisława Jaskólskiego na Krym w 1654 roku' [Two legations of Mariusz Stanisław Jaskólski to the Crimea in 1654], in F. Wolański and R. Kołodziej (eds.), *Staropolski ogląd świata. Rzeczpospolita między okcydentalizacją a orientalizacją.* Vol. 1: *Przestrzeń kontaktów.* Toruń. [in Polish].
24. Fedoruk J. (1996) *Miżnarodna dypomatija i polityka Ukrajiny 1654–1657, pt.1:1654 rik* [International diplomacy and policy of Ukraine 1654–1657]. L'viv. [in Ukrainian].
25. Bušev P. P. (1976) *Istorija posol'stv i diplomatičeskikh otnošenij russkogo i iranskogo gosudarstv v 1585–1612 gg. Po russkim arhivam.* Moskva. [in Russian].
26. Novosel'skij A.A. (1948) *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII.veka.* Moskva, Leningrad. [in Russian].
27. Kütükoğlu M.S. (1994) *Osmanlı Belgelerinin Dili (Diplomatik).* İstanbul. [in Turkish].
28. Kütükoğlu M.S. (1995) 'Elkâb' // *Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi.* Vol. 11. İstanbul. P. 51–54. [in Turkish].
29. İpşirli M. (1991) 'Arzuhal', in *Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi.* Vol. 3. İstanbul. P. 447–448. [in Turkish].
30. Fekete L. (1932) *Türkische Schriften aus dem Archive des Palatins Nikolaus Esterházy.* No's. 51, 57, 63, 64. Budapest. [in Hungarian].
31. Trepavlov V.V. (2017) "Oteckie deti": *Elita kazanskogo Hanstva v litovskoj metrike', Zolotoordynskoe Obozrenie – Vol. 5. No. 3. P. 600–611.* accessed 18 October 2018, <http://goldhorde.ru/RU/2017-t5-n3/> [in Russian].
32. Sigismund Herberstein (2007) *Rerum Moscoviticarum Commentarii. Synoptische Edition der lateinischen und der deutschen Fassung letzter Hand, Basel 1556 und Wien 1557, Unter der Leitung von Frank Kämpfer erstellt von Eva Maurer und Andreas Fülberth. Redigiert und herausgegeben von Hermann Beyer-Thoma.* München. [in German].
33. Adam Olearii (1663) *Außführliche Beschreibung Der Kundbaren Reyse Nach Muscow und Persien: So durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandschafft von Gottorff auß an Michael Fedorowitz den grossen Zaar in Muscow/ und Schach Sefi König in Persien geschehen.../ Adam Olearius. Jetzo zum dritten und letzten mahl correct heraus gegeben.* Schließwig. [in German].
34. *Osmanlı Belgelerinde Kazan* (2005) T. C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü; *Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı,* Yayın Nu. 72. Ankara. [in Turkish].
35. Palombini B. von *Bündniswerben abendländischer Mächte um Persien 1453–1600.* (Freiburger Islamstudien). – Wiesbaden, 1968. [in German].

- 36. Fleischer H.O. (1831) *Catalogus Codicum Manuscriptorum Orientalium Bibliothecae Regiae Dresdensis*. Vol. 1.Part. E.Lipsiae, 54: Cod. turc. No. 361. https://digital.slub Dresden.de/data/goobi/48837961X/48837961X_tif/jpegs/48837961X.pdf. [in German].
- 37. Clauson G. Sir (1972) *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford. [in English].
- 38. Ak M. (1996) 'Osmanlı Coğrafyasında İki Yer Adı (Bahr-i Kulzüm/Kurzüm) Üzerine'. *İlmî Araştırmalar*No. 2. P. 7–12. [in Turkish].
- 39. İnalçık H. (1986) 'Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature', in Chantal Lemerquier-Quellejray, Gilles Veinstein and S. Enders Wimbush (eds.), *Passé turco-tatar, présent soviétique: Études offertes à Alexandre Bennigsen*. Louvain, Paris. P. 208–211. [in English].
- 40. Trepavlov V. V. (2005) 'Malaja Nogajskaja Orda. Očerok istorii', *Tjurkologičeskij Sbornik 2003–2004. Tjurkskie narody v dervnosti i srednevekov'e*. Moskva. P. 273–311. [in Russian].
- 41. (2006) *Posol'skie knigi po svjazam Rosii s Nogajskoj Ordy (1551–1561 gg)*. Sost. D. A. Mustafina and V. V. Trepavlov. Kazan'. [in Russian].
- 42. Budagov L. (1869–1871) *Sravnitel'nyj slovar' turecko-tatarskih narečij*. Vol. 1. Sanktpeterburg. [in Russian].
- 43. Beliaikov A.V., Vinogradov A.V., Moiseev M. B. (2017) 'Institut ataličestva v postzoltoordynskom mire', *Zolotoordynskoe Obozrenie*, Vol. 5. No. 2. P. 412–436. [in Russian].
- 44. *Kırım Yurtına ve Ol Taraflarğa Dair Bolgan Yarlıqlar ve Hatlar*. (2009) Ed. by Özyetgin and Ilyas Kamalov. Ankara. [in Turkish].

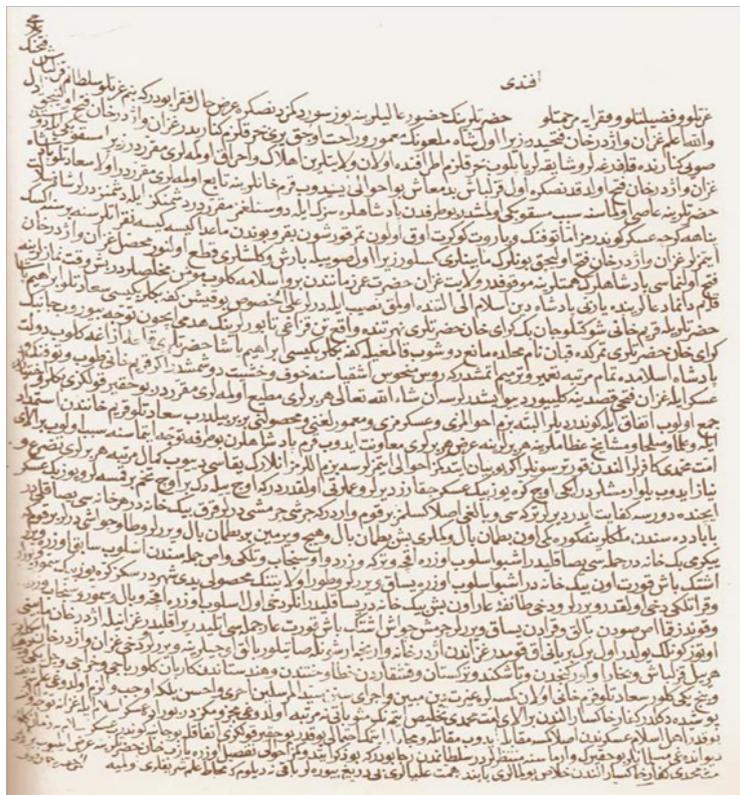

Figure 1
After Kurat, *Türkiye ve İdil Boyu, Facsimile No. XI*

Тюркизмы в русских островных говорах и этнические тамги

Абай Каиржанов

доктор филологических наук,
профессор кафедры тюркологии
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Нур-Султан, Казахстан
E-mail: Kairzhanov@list.ru

Аннотация. В статье анализируются тюркизмы в русских островных говорах Северного Причерноморья и тюркские и нетюркские этнические тамги. Тюркизмы извлечены методом сплошной выборки из двухтомного Словаря русских говоров Одесщины. Многие исследуемые тюркизмы не вошли в другие толковые словари русских говоров, несмотря на их высокую частотность среди носителей украинского и русского языков Северного Причерноморья. Анализируемые тюркизмы отражают следы заимствования более древних эпох, и в связи с этим мы пытаемся сравнить некоторые тюркизмы с этническими тамгами, обитавших в этих местах разных этносов этого обширного региона в более древнюю эпоху. Лексические тюркизмы анализируемого словаря отражают древнейший период аккультурации носителей славянских и тюркских языков, и в нашем исследовании тюркизмы подвергаются типологизации по лексико-семантическим группам.

Ключевые слова: Тюркизмы, тамги, аккультурация, язык-посредник, язык-реципиент.

Орыс аралдары говорларындағы түркізмдер және этникалық таңбалар

Абай Каиржанов

филология ғылымдарының докторы,
түркітану кафедрасының профессоры
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Нур-Сұлтан, Қазақстан
E-mail: Kairzhanov@list.ru

Аннотация. Бұл мақалада Солтүстік Қара теңіз бойының орыс аралдары говорларындағы түркізмдер мен түркілік және түркілік емес этностық таңбалар талданады. Түркізмдер Одесса өңірі орыс говорларының екі томдық Сөздігінен тұтас таңдау әдісімен алынған. Көптеген зерттелетін түркізмдер Солтүстік Қара теңіз бойындағы украин және орыс тілдерінде сөйлеушілер арасында өте жиі кездесетініне қарамастан, орыс говорларының басқа түсіндірме сөздіктеріне еңбеген. Талданып отырған түркізмдер анағұрлым ежелгі дәуірлерде басқа тілдерден енген сөздердің іздерін бейнелейді, осыған байланысты біз кейбір түркізмдерді көне замандарда осы ауқымды аймақтың аталмыш қоныстарын мекендеген әртүрлі этностардың таңбаларымен салыстыруға тырысамыз. Талданатын сөздіктің лексикалық түркізм-

дері славян және түркі тілдерінде сөйлеушілер аккумуляциясының ең байырғы кезеңін бейнелейді және біздің зерттеуімізде түркізмдер лексика-семантикалық топтар бойынша типологияландырылады.

Кілт сөздер: Түркізмдер, таңба, аккумуляция, дәнекер тіл, реципиент тіл.

Turkisms in Russian island dialects and ethnic tamgas

Abay Kairzhanov

Professor, doctor of philological Sciences,
L. N. Gumilyov Eurasian National University,
The Department of Turkology,
Nur-Sultan, Kazakhstan
E-mail: Kairzhanov@list.ru

Abstract. The article analyzes Turkisms in Russian island dialects of the Northern Black Sea region and Turkic and non-Turkic ethnic tamgas. Turkisms were extracted by continuous sampling from the two-volume Dictionary of Russian dialects of Odessa region. Many of the studied Turkisms were not included in other explanatory dictionaries of Russian dialects, despite their high frequency among speakers of Ukrainian and Russian languages of the Northern Black Sea region. The analyzed Turkisms reflect traces of borrowing from more ancient eras, and in this connection, we try to compare some Turkisms with ethnic tamgas, who lived in these places of different ethnic groups of this vast region in the more ancient era. The lexical Turkisms of the analyzed dictionary reflect the most ancient period of acculturation of speakers of Slavic and Turkic languages, and in our study of Turkism they are typologies by lexical-semantic groups.

Keywords: Turkism, tamga, acculturation, language mediation, language of the recipient.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2664-5157-2020-2-1-41>

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что мы подвергаем анализу словарные статьи «Словаря русских говоров Одесщины» [1], в обоих томах которого представлено немало тюркизмов, многие из которых не вошли в другие толковые словари русских говоров, несмотря на достаточную освоенность этих слов в обыденной речи жителей русских и украинских сёл Одесской области. В связи с этим мы выдвигаем цель нашего исследования: проанализировать и описать тюркизмы Северного Причерноморья и тамги-знаки обитателей этого региона, чтобы определить их языковую принадлежность.

Для реализации выдвинутой цели исследования мы используем методологию диахронической лингвистики и приемы описательной лингвистики. Кроме того, применяем приемы лингвокультурологии: описание лексем, относящихся к культуре того или иного этноса и выявляем идиоэтническую семантику, закрепившуюся в том или ином анализируемом слове. Такое понимание мы обнаруживаем в трудах Э. Бенвениста, Н.И. Толстого, Вяч. Иванова, В.Н. Топорова, А. Кайдарова, М.М. Копыленко и другие.

Некоторые вопросы из истории Северного Причерноморья

Современной науке известно, что ещё на рубеже двух эр Северное Причерноморье находилось под властью скифских племенных союзов. Принято считать, что слово «скиф» (Σκυθης) было «придумано греками для обозначения всех кочевников вне зависимости от их этнического происхождения (скиф=варвар)» [2, с. 122]. З.Гасанов считает, что такое понимание опирается на труд Геродота [3]. Однако в ассирийских источниках и в Книге Бытия упоминается этноним «гуз», поэтому этноним «скиф» не является вымышленным словом, введенным древними греками, а является наименованием определенного союза племен. Кроме того, Геродот ссылается на работы своих предшественников, например, на сочинения Аристея. Аристей считает, что скифы были вынуждены отступить в борьбе с исседонами и, оказавшись в пределах земель киммерийцев, захватили их владения [4, IV, 16]. З.Гасанов считает, что наиболее оптимальным вариантом прочтения слова «скиф» как «скузэс». Он же считает, что существует другой вариант: по ассирийским и вавилонским источникам: «ашгуз» [2, с. 124]. И.М.Дьяконов идентифицирует слово «скиф» и ассирийское слово «ишкузай». Он предлагает такую версию: в восточных источниках скифов называли «аш-гузай, ас-гузай» [18]. Известно, что в древнетюркском языке лексема «аш» имеет следующие значения: «пересекать, переходить, преодолевать, переваливать» [2, с. 62]. Действительно, в «Памятнике в честь Кюль-тегина» приводятся сведения о народе «ашкыргыз». Тогда получается, что ашгузы есть гузы, которые сумели перейти горы, то есть преодолели какие-то возвышенности и оказались в Северном Причерноморье и в пределах Закавказья, а затем часть гузов оказались в пределах Крыма и даже продвинулись в Малую Азию.

Рассуждения И.М.Дьяконова и З.Гасанова можно подтвердить анализом тамговых знаков Боспорского царства. Приведем одну сложную тамгу одного из боспорских

царей, Савромата II [4].

Эта тамга состоит из трех простых:

1. встречается близкая таласская руна –

2. имеется идентичная древнетюркская (по Э.Триарскому), осетинская, монгольская (по Х.Перле), крымская из Евпатории, казахская и ногайская (по В.И.Филоненко) тамги [5]. 3. Кроме того, можно выделить следующую простую тамгу обозначающую «чомич» («ложка»). Другая сложная тамга состоит также из трех частей. Но тамга Савромата II является идентичной следующим «сарматским» знакам: (14);

 (15) (по Э. Соломонику). Итак, простые тамги демонстрируют нам,

какие этнические группы и племена обитали в пределах Северного Причерноморья.

– эта тамга называется «кхалка» («круг»). Ее обнаружили в Асанчи и Омурчи

в Румынии. Встречается почти по всей Великой степи: у ногайцев, казахских жузов,

каракалпаков, киргиз, туркмен, башкир, мадьяр, монголов, крымских татар. Итак, тамга Савромата II демонстрирует, что население Боспора было чрезвычайно пестрым по своему этническому составу.

Приведем историческую справку. Савромат II правил Боспором в 174/157 – 210/211 гг. н.э. Во времена своего царствования сумел одержать победу над Скифским царством (ок. 193 г. н.э.) и покорил скифов Крыма, и присоединил к своему государству горный Крым, населенный таврами. Кроме того, флот Боспора сумел нейтрализовать пиратов в Черном море, что способствовало развитию торговли с городами Южного Причерноморья [6]. Для того чтобы объединить всех этносов в одну мощную целостность с целью противостоять агрессии Великой Римской империи, по велению Савромата II была создана анализируемая сложная тамга, которая служила символом единения народов Боспора. И.С.Свенцицкая указывает, что «Этнические различия в Боспорском царстве были очень сильны. Наряду с греками здесь жили скифы (племена, говорившие на языке иранской ветви индоевропейской семьи (...), а также тавры в Крыму), меоты, синды у Азовского моря и в Прикубанье, вероятно родственные позднейшим абхазо-адыгским народам» [7, с. 349]. Такова была в недавнем прошлом позиция официальной советской исторической науки, которая всеми силами боролась с пантюркизмом. По их мнению, тюркоязычных племен в Северном Причерноморье не было, а обитали здесь малые разрозненные этносы нетюркского происхождения. Однако сложная тамга Савромата II указывает совершенно на другие свидетельства, что в Северном Причерноморье все-таки обитали многочисленные тюркские племенные союзы.

В начале 3 в. н.э. этот регион попадает в зависимость от гуннской конфедерации, вобравшей в себя как остготов, так и антов. В VI – VIII в.в. н.э. эти земли были включены в состав Великого тюркского каганата. В XI веке эта обширная территория вошла в состав Западного Дешт-и-Кыпчак. Обитателей степных просторов восточные славяне называли половцами, а европейцы – куманами. В XIII веке эти земли были завоеваны Батыем и Мунке и вошли в состав Золотой Орды. Именно по этой земле проходило северное ответвление Великого Шёлкового пути. Вдоль этого торгового тракта возникали поселения, куда купцы-рахдониты везли свой товар, двигаясь к восточному берегу Крыма, в столицу Западного Дешт-и-Кыпчак город Сугдаг (современный Судак) [8]. Здесь осуществлялись славяно-иноязычные языковые контакты, в том числе славяно-тюркские. Материалы анализируемого словаря отражают рудименты этих отношений, характеризующих былые следствия и последствия древнейшей аккультурации. Этот процесс был длительным и постоянным, перманентно протекая в течение 14 веков. На это указывают и составители современного «Идеографического словаря тюркизмов в русском языке» [9]. Тюркские слова проникали не только в славянские, но и в другие языки (например, в языки романо-германского суперэтноса), притом это происходило в разные исторические периоды.

На территории Северного Причерноморья в древности, в раннем и в позднем средневековье обитали многочисленные тюркские племена. Об этом свидетельствуют тамги того или иного тюркского рода, обнаруженные в древних захоронениях в Крыму, Румынии и в Северном Причерноморье. Отметим, что эти тамги являются простыми

(базовыми), которые принято считать наиболее древними по своему происхождению. Именно они символизировали тотемное животное, являющееся мифическим прародителем рода, племени.

Так, тамга встречается почти на всей территории лесостепной зоны Великой степи, начиная от большой излучины Яшиль Угюз и до восточных отрогов Карпат. Эта тамга являлась принадлежностью у казахских племен: дулаты, байулы (тана, кызылкурт), кожа. Она была обнаружена, например, в кабристане (кладбище) из Омурчи (Румыния) и в захоронениях Евпатории (Гезлев) [4]. Кроме того, эта тамга имела широкое распространение и у огузских племен (баяты) в Крыму, и в Кошо-Цайдаме у древних тюрков VI-VIII вв.

Тамга наблюдаем у мадьяр, древних обитателей Омурчи, Евпатории и на юге современного Казахстана.

Тамга – у енисейских киргизов, а также у племенных союзов Северного Причерноморья.

Две тамги   – у племен Таласской долины, Орхона, Енисея и на территории Северного Причерноморья.

Тамга – у жителей Таласа, Енисея, Орхона, Евпатории. Кроме того, они встречаются на землях Венгрии и на территории Северного Причерноморья. И этот ряд можно было бы продолжить, но жесткие рамки статьи не позволяют нам выйти за пределы нашего изложения [9].

Пересекающиеся параллели языков Северного Причерноморья в ситуации аккультурации

Лексические тюркизмы анализируемого словаря отражают древнейший период аккультурации славяно-тюркских языковых отношений. Ещё в китайских летописях обнаруживаем первые упоминания о мощном племенном союзе антов, расселявшемся в западных отрогах Тянь-Шаня [1]. Рядом с антами обитали тюркские племенные союзы. Мы, подвергая анализу труды античных авторов и другие поздние источники, мы определили, что в состав тюркоязычных племенных союзов входили комы (куманы, команы, хоаманы) [10]. По-видимому, в этой *terra interiorum* было заложено начало той аккультурации между носителями праславянского языка и языка древних огузо-кыпчакских племенных союзов. Так, Г.К. Рахимжанова, анализируя труды Е. Куриловича и М.К. Кокобаева, пишет, что славянское слово тын было заимствовано остготами до 2 в. н.э. [11, с. 34-35]. Ср., в «Словаре русских говоров Одесщины» [далее – СРГО]: *тын* – «забор из камыша, веток» (с. Васильевка, с. Троицкое, с. Мирное, с. Николаевка, с. Русская Ивановка) [1, т. 2, с. 232]. Видимо, слово *тын* было заимствовано из древнетюркского языка, так как позже в этом языке оно подверглось семантическому сдвигу и приобрело метафорическое значение – «успокаиваться, обретать покой» [12, с. 567]. Оно распространено также в Архангельских, Олонецких, Вятских говорах, говорах казаков Горькой линии.

Слово *кут* у носителей русских диалектов Одесской области имеет два значения: «1) Угол. 2) Почётное место в доме, красный угол» [1, т. 1, с. 276]. В казачьей избе

Горькой линии у входа, чаще всего слева, устьем к передней стене расположена большая печь. Пространство между устьем печи и передней стеной называется *кутью*. *Куть* (или *кут*) освещается обычно двумя окнами: боковым, со стороны улицы, и окном напротив. Слово *куть* широко распространено в современных вологодских, ярославских, пермских, архангельских (*кут*) и сибирских говорах; в череповецких, донских (*куток*) и русских говорах на территории Литвы (*кут*). Эта лексема обозначает угол вообще; в тульских – святой угол в избе, а в одесских – красный угол [13, с. 147-148]. Эта лексема и её концепт были заимствованы из тюркского не только славянами. Семантическую кальку этого слова обнаруживаем в некоторых словах среднегреческого языка, например, *kantos* («угол глаза»). По-видимому, это следствие аккумуляции во времена Тюркского каганата (VI-VIII в.в. н.э.) или в более раннюю эпоху гуннской конфедерации, когда в IV в. н.э. тюркоязычные народы (гунны и динлины-кыпчаки) вместе с антами и остготами находились на границах и в пределах Восточной и Западной Римской империи. В указанные периоды вся лесостепная полоса Евразии находилась под властью кочевников: от большой излучины Яшиль-угюз (Великой Жёлтой реки) на Востоке до Боспора и Каталаунских полей Западной Европы [8].

В прототюркском имелось несколько омонимов *qut*. Первый ряд значений этого слова – «душа; жизненная сила, дух» [12, с. 471]. Напр., в отрывке из текста «Легенды об Огуз-кагане» (памятник XIII в. из коллекции Поля Пельо, хранящийся в Национальной библиотеке Франции в Париже): «*мен сенге башумны кутумны бере мен – я отдаю тебе свою голову [и] свою душу*». *Кут* встречается в парном сочетании *qut-vaxšik* в значении «дух, мифическое существо». Ср., также в тексте «Большого гимна в честь Мани», хранящемся в берлинской коллекции А. Лекока: «*устунки алтынкы тенгриларнин онги, онги кут вахшикларнын усталзун тенгридем кучляри – пусть возрастут божественные силы находящиеся сверху и внизу богов и всяких духов*». В старокыпчакском, киргизском и казахском языках слово *кут* имеет денотативное значение «охранять, оберегать», зафиксированное в памятнике письменности Западного Дешт-и-Кыпчак «Codexcomanicus» [14]. По-видимому, в прототюркскую эпоху субстантив *кут* обозначал ритуальный предмет, выполнявший функцию оберега.

Второй ряд значений лексем *кут* – «счастье, благо, благодать, благополучие; удача, успех; счастливый удел» [12, с. 471]. В древнетюркской «Книге откровений и рассуждений» X в. [15] обнаруживаем следующее: «*коркма темиш кут бергей мен темиш – Он сказал: Не бойся! Я дам [тебе] благодать*». В сутре «Золотого блеска» находим сочетания лексем *qutqolunč* («мольба») и *qutqolunmaq* (религ. «устремлённость к блаженству»). Вероятно, в древнетюркском наблюдаем семантическое калькирование из санскрита – *pranidhāna* («устремлённость к сакральному блаженству»).

Этот сопоставительный анализ даёт нам возможность сделать некоторые выводы. Во времена Тюркского каганата (VI-VIII в.в.) лексема *кут* была заимствована антами. Они использовали её в сакральной практике для того, чтобы умиловать, успокоить душу умерших предков, а для этого они не только отводили специальное помещение в жилище *куть* (*кут*, *куток*), но и готовили специальное обрядовое поминальное блюдо – *кутья* – из риса или другой крупы, смешивая с изюмом, мёдом. Мы считаем ошибочной точку зрения Ш. Дюканжа и его последователей, что лексема *кут* заимствована славянами

из среднегреческого языка – *κοκκία* («бобы») или *κοκκος* («зерно») [16]. Ведь трудно объяснить фонетическими закономерностями переход звука [к] в [т]; на самом деле [к] перед гласным переднего ряда должен был бы дать звук [ч], но этого не могло произойти. Ведь эта лексема отражает древнейшие связи протославян с тюркоязычными народами (куманами) на рубеже двух эр, когда, например, анты ещё находились на своей «первой» прародине в западных отрогах Тянь-Шаня. В дохристианский период в славянских жилищах *куть* (*кут*) – это святой (красный) угол, в котором хранится жизненная сила, изоморфно связанная с языческими божествами, и место в доме, где собирается вся многопоколенная семья для обретения благодати. Небесная благодать, счастье, благополучие проникает в кут через сквозное освещение со стороны улицы и со стороны подворья. После 988 г. концепт оппозиции «Тенгри / Умай / Белобог - Ак Кудай (Сварог, Дажьбог) – Мать сыра земля (Чернобог – Кара Кудай)» подвергся безжалостной аннигиляции, и образовавшуюся лакуну постепенно с великими потугами заполнили категорические мировые конфессии – христианство и ислам.

Таким образом, *кут* в прототюркской мифологии – сверхъестественная жизненная сила. Эту силу необходимо было испрашивать у божеств верхнего яруса Тенгри (Сварога и Дажьбога) и божеств среднего мира (анимистические и пантеистические духи – Ыдык Йер-Суб). *Кут* – это место в жилище славян, в том числе и у казаков, и одновременно оберег (святой угол) благополучия семьи, а при помощи куты они хотели уберечься и от болезней, и от смерти, которые могли наслать души умерших предков.

В Северном Причерноморье обладают высокой частотностью тюркизмы-локативы *лан* и *майдан*. В СРГО слово *лан* («поле») имеет повсеместное хождение в сёлах Одесской области [1, т. 1, с. 281]. В казахском языке имеются омонимы: *алаң* – 1) «площадь; площадка»; 2) «сомнение в душе, беспокойство, забота» [17, с. 46]. Жители русских и украинских сёл Одесщины для обозначения «площади» используют слово *майдан*. Этот тюркизм вошёл в украинский литературный язык [1, т. 1, с. 294]. М. Фасмер и В.В. Радлов указывают, что эта лексема заимствована из кыпчакского языка и имеет значение – «ровное, свободное место» (*mōdan; maidan*) [18, т. 2, с. 559; 13].

В отношении происхождения слова *магазин* сложилось три разных мнения. Одни учёные полагают, что оно пришло через немецкое посредничество (*Magasin*) из французского языка (*magasin*). Другие указывают на голландское происхождение: *magazijn* (*магазея*) [18, т. 2, с. 554-555]. Ф. Миклошич же считает, что это слово вначале было усвоено романскими и германскими языками из древнетюркского языка (*mayaz*) [19]. Таким образом, в славянские языки оно попадает из тюркского через французское и немецкое посредничество. Вполне возможно, этот процесс заимствования происходил параллельно; ведь сегодня трудно преодолеть явления аберрации дальности в этом вопросе. В русской диалектной речи жителей сёл Одесской области слово *магазин* обозначает: 1) «склад, помещение для хранения зерна»; 2) «соты» [1, т. 1, с. 293].

Слово *ббшка* с ударением на первом слоге употребляется, по-видимому, только русскими Северного Причерноморья в значениях: 1) «надстройка над погребом»; 2)

«погреб»; 3) «летняя кухня» [1, т. 1, с. 33-34]. В русских говорах слово *башка* появилось из кыпчакского *baš* – «голова». Это произошло благодаря частым торговым сделкам при покупке скота (*Baška kanča berьрѣdn? – Сколько дашь за голову?*) [18, т. 1, с. 139].

Тюркизмы, называющие предметы, попадавшие к славянам во время торговых контактов, свидетельствуют прежде всего о существовавших экономических связях славян и тюрков. Заимствование же слов суперконцепта «человек», обозначающих качества, состояние и поведение человека, социальные отношения, свидетельствует, прежде всего, о процессах аккультурации, которые происходили между славянскими и тюркскими народами в условиях близкого соседства либо совместного проживания.

В СРГО приведены тюркизмы: *байбак*, *байлык*, *бастрюк*, *бельбек*, *кабаниха* и др. Сравним. В русских говорах Одесщины имеются омонимы **байббк**: 1. «Ленивый человек». 2. «Весло» [1, т. 1, с. 23]. В караимском языке *baidbax* – «степной сурок, ленивец (плохой)»; в кыпчакском *bajbak* – «сурок». М. Фасмер считает, что значение «лентяй» более раннее, нежели «сурок», зооним вторичен и образован на основе метафоры [18, т. 1, с. 107]. **Байлык** – 1) «принудительная работа, повинность»; 2) «обязанность» [1, т. 1, с. 24]. В казахском языке слово *байлык* многозначно. Его переносные значения – «богатство; состояние»; «достояние» [17, с. 114]. Денотативное же значение подверглось аннигиляции; сохранилось значение, образованное благодаря семантическому сдвигу. По-видимому, носители русских диалектов Одесщины сумели сохранить это утраченное в современных тюркских языках значение. **Байстриук** (*байстриук*, *бастрюк*) – «укр. выродок; незаконнорожденный ребёнок» [1, т. 1, с. 24]. Родственное слово встречается в польском языке – *bastard*, – куда оно заимствовано из средневерхненемецкого наречия – *Bastard* [18, т. 1, с. 132]. В русской диалектной речи Одесщины под влиянием метафоризации слово *байстриук* (*байстриук*, *бастрюк*) приобрело дополнительное терминологическое значение – «пасынок у кукурузы». Так, жители села Демидово Березовского района говорят: «У кукурузы три раза на лето **байстриуки** обламывают» [1, т. 1, с. 24]. Ср., в казахском языке значение лексемы *бастыру* – «придавливание кого-либо, чего-либо» [17, с. 128]. Именно «придавливание» и является «зерном первосмысла» (концептом) украинского и русского диалектного слова *байстриук* (*байстриук*, *бастрюк*). **Бельбйк** уничижит. «глупец, болван» [1, т. 1, с. 36]. Вероятно, это слово образовано от кыпчакского *bilm̄ds* «он не будет знать» (<*bilm̄dk*) [18, т. 2, с. 149]. **Кабаниха** «толстая женщина» [1, т. 1, с. 246]. Образовано от слова *кабан*, которое, в свою очередь пришло из кыпчакского, в котором *кабан* – «вепрь, (дикая) свинья, боров», а также «стог, скирда» [18, т. 2, с. 149].

Рассмотренные в предыдущем абзаце тюркизмы бытуют в живой речи русских Причерноморья, демонстрируя былые следы древнейшей аккультурации. Эти слова вошли в плоть и кровь славян и служат для пейоративной оценки поведения человека в рамках оппозиции «хорошо – плохо».

Теперь приведём из анализируемого словаря тюркизмы, обозначающие предметы быта. Некоторые из этих слов отсутствуют в «Словаре русских народных говоров», так как используются локально только русскими Одесщины. **Баббй** – «деревянный колышек на борту лодки для крепления каната» [1, т. 1, с. 20]. С таким значением это слово в тюркских языках не встречается. **Барбн** – «вал; барабан» [1, т. 1, с. 28].

Это слово с таким значением употребляется повсеместно в русских сёлах Одесской области. Интересно, что М.Ш. Мусатаева и Л.А. Шеляховская [9, с. 136] отмечают два значения слова баран – 1) «овечий самец»; 2) «древнее стенобитное орудие, таран». **Баиштармбк** – «густые деревянные вилы» [1, т. 1, с. 34]. Это слово имеет хождение только в сельской местности Одесской области. В «Словаре русских народных говоров» оно не фиксируется. Это сложное слово, образованное сложением кыпчакских *baš* / *баиш* («голова») и *tarmaq* / *тармак* («ответвление»). Это оригинальное орудие труда предназначено для сбора колосьев во время обмолота. **Самбн** – «раствор глины с примесью резаной соломы» [1, т. 2, с. 152]. Это слово распространено за пределами Северного Причерноморья и обозначает высушенный кирпич, изготовленный из раствора глины с добавлением соломы. Заимствовано из кыпчакского языка, в котором *saman* – «солома» [11, т. 3, с. 552]. **Чумьчка** – «разливная ложка, половник» [1, т. 2, с. 279]. Образовано от *чум* «черпак, ковш», впервые фиксируется в древнерусской грамоте 1328 г. В кыпчакском языке *çutic* – «шумовка» [18, т. 4, с. 381], используемая для сбивания и разлива кумыса. Заметим, что *чумичка* сегодня используется и моряками Черноморского флота в качестве половника, ковша для разливания еды в алюминиевые миски. Отметим, что «чомич» («ложка») обозначался специальным знаком-тамгой: .

Эти тамги встречаются в Омурчи (Румыния). Наблюдается высокая частотность в этой местности. Имре Баски показывает в своем исследовании, что этот знак 7 раз зафиксирован на кладбище в Омурчи. Такой же знак встречается в Евпатории, что в Крыму, а также на землях Венгрии и в Монголии [9].

Кильм – «ковёр» [1, т. 1, с. 258]. Ср.: в казахском языке *кiлем* – «ковёр ворсовый» [11, с. 423]. **Баишаки** – «тапочки» [1, т. 1, с. 34]. Заимствовано из турецкого, чагатайского языков: *bařmak* – «башмак, подошва». Частотность этой лексемы в русском языке возрастает, начиная с XVI в. Это слово встречается в описи имущества Ивана Грозного (1582 г.) [18, т. 1, с. 139]. **Казбн** – «большой котёл для приготовления пищи» [1, т. 1, с. 248]. Встречается повсеместно на Одессине. Заимствовано в русский из кыпчакского: *kazan* – «котёл» [18, т. 2, с. 159]. **Казбн** – «посуда для приготовления пищи» [1, т. 1, с. 247]. Это слово с таким значением встречается только в с. Вознесенка Первая Арцызского района. В тюркских языках этим словом называют древнетюркский титул верховной власти – *Каган*. Слово было заимствовано в древнерусский язык в эпоху Киевской Руси (*кагань*), Хазарии и Византийской империи, в среднегреческий (*χαγάνος*). Родственное слово сохранилось в аварском языке – *chacanus*. Однако в тюркский язык название титула было заимствовано из китайского языка: *Ke* (великий)+ *kuan* (правитель) [18, т. 2, с. 155]. **Бакыр** – «трёхлитровый бидон» [1, т. 1, с. 25]. В одном из кыпчакских диалектов *baqyr* – «ведро» [17, с. 117]. По-видимому, здесь речь идёт о медном ведре или бидоне.

Эти и ряд других тюркизмов «Словаря русских говоров Одесщины», обозначающих предметы быта, активно функционируют в русской диалектной речи Одесщины.

Кроме проанализированных групп тюркизмов, в лексике русских говоров Одесской области имеются тюркизмы-фитонимы, используемые только в регионе Северо-

Западного Причерноморья. *Арнаутка* – «сорт яровой пшеницы» [1, т. 1, с. 18] и светлой пшеничной крупы из её зёрен. М. Фасмер фиксирует слово *арнаут* со значением «албанец», указывая на турецкое посредничество в заимствовании: *arnaut*. На основе заимствованного из турецкого *арнаут* образовано слово *арнаутка* со значением «сорт пшеницы с твёрдыми семенами» [18, т. 1, с. 88]. Фасмер указывает также, что в XVI в. у Ивана Пересветова встречается топоним *Орняутская земля*. *Каббк* – «тыква» [1, т. 1, с. 246]. У М. Фасмера обнаруживаем другое значение, заимствованное из кыпчакского языка (*kabak*) – «вид травы» [18, т. 2, с. 148]. *Кавэн, каэн* – «арбуз» [1, т. 1, с. 247]. Принято считать, что оно заимствовано из кыпчакского и турецкого языков: *Каун, Кавун* («дыня»). В кыпчакском оно обозначает «арбуз, дыня» [18, т. 2, с. 154]. *Курбй* – «сорная трава» [1, т. 1, с. 274], от кыпчакского *Kurai* – «растение Salsolacali» [18, т. 2, с. 422], колючая сорная трава, способная расти в засушливой зоне. Эти и ряд других фитонимов-тюркизмов, зафиксированных в СРГО, обладают высокой частотностью употребления в русской диалектной речи Северного Причерноморья.

К сожалению, в одной статье невозможно описать все тематические группы тюркизмов, представленных в «Словаре русских говоров Одесщины». Думается, необходимо эксцерпировать из этого словаря методом сплошной выборки следующие тематические группы тюркизмов: прагматонимы (*ракия* – «сливовая водка», *булгур* – «пшеничная каша», *бастр* – «низкосортный сахар», *каларма* – «баранье мясо, тушённое с острыми приправами» и др.); зоонимы (*товар* – 1) «стадо коров», 2) «кожа для обуви»; *табун* – «группа лошадей»; *бугай* – 1) «бык-производитель», 2) перен. «грозовая туча», 4) «паровоз»; *бабб* – «пеликан» и др.); климатонимы (*абазб* – «юго-восточный ветер») и некоторые другие тематические группы.

Заключение

В настоящей работе мы подвергли исследованию тюркизмы Северного Причерноморья и этнические тамги. Мы выявили, что многие тюркизмы остались за бортом многих толковых словарей русских говоров. Поэтому мы обращаем внимание исследователей на проблему лингвистической аккультурации, имевшей место в древнее время и в средневековье на территории Северного Причерноморья. Славяне оказались между турецкой и крымско-татарской языковой стихией на юге и кыпчакским языком на северо-востоке. Именно здесь сложилась специфическая славяно-тюркская изоглосса, функционировавшая в условиях активного процесса освоения иноязычных слов в результате диффузии, а затем и дисперсии в языке-реципиенте. Многие тюркизмы, освоенные славянскими языками в древнее и средневековое время, сегодня воспринимаются носителями русского и украинского языков, в частности, его островных говоров, как исконные слова.

Литература

1. Словарь русских говоров Одесщин: в 2-х т. / отв. ред. Ю.А. Карпенко, С. Уэмура. – Одесса: Астропринт, 2000-2001.

2. Гасанов З. Царские скифы: этноязыковая идентификация «царских скифов» и древних огузов. – New York: Publishing House, 2002. – С.122-130.
3. Геродот. История. – Л., 1972. – IV.6.
4. Ольховский В.С. Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. – Армавир, 2001.
5. Триярский Э. Тамги тюркских племен из Болгарии: UAJG. 47. 1975. – С.189-200.
6. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.-Л., 1949.
7. Свенцицкая И.С. Македония, Греция и Северное Причерноморье в период эллинизма // История Древнего мира: Расцвет древних обществ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. – М.: Глав. ред. восточной литературы, 1989. – С. 349.
8. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь: в 2-х книгах. – М.: ДИ-ДИК, 1997.
9. Мусатаева М.Ш. Идеографический словарь тюркизмов в русском языке / М.Ш. Мусатаева, Л.А. Шеляховская. – Алматы, 2006. – 266 с.
10. Каиржанов А.К. Кыпчаки (команы, куманы, комы, хаоманы) в контексте античной географической традиции // Известия Евразийского национального университета. Сер.: языкознание, литературоведение. – 2000. – №3. – С.145-146.
11. Рахимжанова Г.К. Тюркизмы в русском газетном тексте: дис. ... канд. филол. н. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2004. – 185 с.
12. Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 567 с.
13. Каиржанов А.К. Млечный путь Евразии. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2004.
14. Radloff W. Dasturkische Sprachmaterial des Codex comanicus. – St.-Peterbourg – Riga – Leipzig, 1887.
15. Каиржанов А.К. Īrqbītig. Византизм и ментальность Киевской Руси. Раздумья на степной дороге. – Киев: Изд. Дом Дм. Бураго, 2012. – С. 233-251.
16. Дюканж К. Glossarium mediae et infimae graecitatis. – Lugduni, 1688.
17. Казахско-русский словарь / ред. Р.Г. Сыздыкова, М.М. Копыленко и др. – Алматы, 2002. – 1008 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – М., 1964 – 1973.
19. Miklosich F. Die turkischen Elemente in den sudost- und osteuropaischen Sprachen, I-II, Nachtrag I,II (DWA, №34 (1884); №35 (1885); №38 (1890)).

References

1. (2000-2001) Slovar' russkih govorov Odesshchiny: v 2-h t. / otv.red. YU.A. Karpenko, S. Uemura [Dictionary of Russian dialects of Odessa region: in 2 vol. edited by Yu.A. Karpenko, S. Uemura]. Odessa: Astroprint. [in Russian].
2. Gasanov Z. (2002) Carskie skify: etnoyazykovaya identifikaciya «carskih skifov» i drevnih oguzov [Royal Scythians: ethno-linguistic identification of «Royal Scythians» and the ancient Oghuz]. New York: Publishing House. P. 122-130. [in Russian].
3. Gerodot (1972) Istoriya [Herodotus. History. - L., 1972. IV.6.]. Leningrad. IV.6. [in Russian].
4. Ol'hovskij V.S. (2001) Tamga (k funkcii znaka) // Istoriko-arheologicheskij al'manah [Tamga (to the sign function) // Historical and archaeological almanac]. Armavir. [in Russian].

5. Triyarskij E. (1975) Tamgi tyurkskih plemen iz Bolgarii: UAJG. 47 [Tamgi of Turkic tribes from Bulgaria: UAJG. 47]. P. 189-200. [in Russian].
6. Gajdukevich V.F. (1949) Bosporskoe carstvo . Moskva-Leningrad [Moscow- Leningrad]. [in Russian].
7. Svencickaya I.S. (1989) Makedoniya, Greciya i Severnoe Prichernomor'e v period ellinizma // Istoriya Drevnego mira: Rascvet drevnih obshchestv. Izd. 3-e, ispravlennoe i dopolnennoe [Macedonia, Greece and the Northern black sea region in the Hellenistic period // History of the Ancient world: the rise of ancient societies]. M.: Glav. red.vostochnoj literatury [Ed. 3rd, corrected and supplemented. – Moscow: Glav. ed. of Eastern literature]. P. 349. [in Russian].
8. Gumilyov L.N. (1997) Drevnyaya Rus' i Velikaya step': v 2-h kn. [Ancient Russia and the Great steppe : in 2 books]. Moskva, DI-DIK [Moscow: DI-DIK]. [in Russian].
9. Musataeva M.SH. (2006) Ideograficheskij slovar' tyurkizmov v russkom yazyke / M.SH. Musataeva, L.A. Shelyahovskaya [Ideographic dictionary of turkisms in Russian]. Almaty. 266 p. [in Russian].
10. Kairzhanov A.K. (2000) Kypchaki (komany, kumany, komy, haomany) v kontekste antichnoj geograficheskoy tradicii// Izv. Evrazijskogo universiteta [Kipchaks (komans, Kumans, komas, haomans) in the context of the ancient geographical tradition // Izv. Eurasian University. - Pp. 145-146.]. Ser.: yazykoznanie, literaturovedenie. №3 [Ser.: linguistics, literary studies. No. 3]. P.145-146. [in Russian].
11. Rahimzhanova G.K. (2004) Tyurkizmy v russkom gazetnom tekste: dis. ... kand.filol.n. [Turkisms in the Russian newspaper text: dis. ... Cand. Philol.]. Astana: ENU im. L.N. Gumilyova [Astana: L.N. Gumilyov ENU]. 185 p. [in Russian].
12. (1969) Drevnetyurkskij slovar' [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad. 567 p.
13. Kairzhanov A.K. (2004) Mlechnyj put' Evrazii [Way of Eurasia]. Astana: ENU im. L.N. Gumilyova [Astana: L.N. Gumilyov ENU]. [in Russian].
14. Radloff W. (1887) Das turkische Sprachmaterial des Codex comanicus [The Turkish language material of the Codex comanicus]. St.-Peterbourg – Riga – Leipzig [St. Petersburg-Riga-Leipzig]. [in Russian].
15. Kairzhanov A.K. (2012) Īrq bitig. Vizantizm i mental'nost' Kievskoj Rusi. Razdum'ya na stepnoj doroge. Kiev : Izd. Dom Dm. Burago [Irk bitig. Byzantium and the mentality of Kievan Rus. Thoughts on the steppe road. - Kiev: Ed. House of DM. Burago]. P. 233-251. [in Russian].
16. Dyukanzh K. (1688) Glossarium mediae et infimae graecitatis [Creativity central and infimae graecitatis]. Lugduni. [in Latin].
17. (2002) Kazahsko-russkij slovar' / red. R.G. Syzdykova, M.M. Kopylenko i dr. [Kazakh-Russian dictionary / ed. by R.G. Syzdykov, M. M. Kopylenko and others]. Almaty. 1008 p. [in Russian].
18. Fasmer M. (1964 – 1973) Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka : v 4-h t. [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vol.]. Moskva [Moscow]. [in Russian].
19. Miklosich F. Die turkischen Elemente in den sudost- und osteuropaischen Sprachen, I-II, Nachtrag I,II (DWA, №34 (1884); №35 (1885); №38 (1890)) [The Turkic elements in the sudost and Eastern European languages, I-II, addendum I, II]. [in German].

Али Кушчи и его научное наследие

Урак Пазилович Лафасов

кандидат филологических наук, доцент
Ташкентский государственный университет
Ташкент, Узбекистан
E-mail: lafas1963@gmail.com

Аннотация. В статье даётся информация о жизни и творчестве средневекового учёного-энциклопедиста Али Кушчи, названного впоследствии “*Птоломей своего времени*”. Раскрывается история происхождения ученого как представителя рода кутчи, истоки которого автор статьи связывает с историей позднего древнетюркского каганата, с именем Кутлук кагана как основателя второго древнетюркского каганата.

В статье раскрывается становление биографического и творческого пути ученого Али Кушчи (Кутчи), описывается его обучение в Самарканде и Иране, отмечается деятельность талантливого ученого в школе астрономии Самарканда, анализируется вклад Али Кушчи в определении точки широты, в обновлении таблицы звёзд “*Зижи жадди Кўрагоний*”, деятельность его в Китае и Турции.

Важное место в статье занимает описание всесторонних трактатов, особенно трактатов по математике и астрономии, рассматривается заслуга ученого в продвижении на Запад достижений Самаркандской школы астрономии.

Ключевые слова: Али Кушчи, род кутчи, ученик, Мирзо Улугбек, обсерватория, точка широты, библиотека, алгебра, астрономия, геометрия, корень, “положительный”, “отрицательный”, рукопись, звёздная таблица.

Әли Құшшы және оның ғылыми мұрасы

Урак Пазилович Лафасов

филология ғылымдарының кандидаты, доцент
Ташкент мемлекеттік университеті
Ташкент, Өзбекстан
E-mail: lafas1963@gmail.com

Аннотация. Мақалада кейін «өз заманының Птоломейі» атанған ортағасырлық энциклопедист ғалым Әли Құшшының өмірі мен шығармашылығы туралы мәліметтер қарастырылады. Құтшы руынан шықты делінетін ғалымның тегі туралы сөз қозғалып, оның түп негізін мақала авторы Құтлық қағанның есімімен байланыстырылатын бертінгі көне түрік қағанатының генезисімен сабақтастырады.

Зерттеуші Әли Құшшының (Құтшы) ғұмыр баяндық деректері мен ғылыми жолының қалыптасуын байыптайды, оның Самарқанд пен Иранда білім алған кезеңін, ғалымның Самарқанд астрономия мектебінде атқарған қызметін, ендік нүктесін анықтауға, «*Зижи жадди Кўрагоний*» жұлдыздар кестесін жаңартуға қосқан үлесін, ғалымның Қытай мен Түркиядағы қызметін талдайды.

Мақалада сан қырлы, оның ішінде әсіресе математика мен астрономия туралы трактаттарды сипаттауға маңыз беріліп, ғалымның Самарқанд астрономия мектебі жетістіктерін Батысқа танытудағы еңбегіне көңіл бөлінеді.

Кілт сөздер: Әли Құшшы, құтшы, шәкірт, Мырза Ұлықбек, обсерватория, ендік нүктесі, кітапхана, алгебра, астрономия, геометрия, түбір, «оң», «теріс», қолжазба, жұлдыздар кестесі.

Ali Kushchi and his scientific legacy

Urak Pazilovich Lafasov

Candidate of philology Associate professor

University of Oriental Studies

Tashkent, Uzbekistan

E-mail: lafas1963@gmail.com

Abstract. The article reveals information about the life and work of the medieval scholar-encyclopediaist Ali Kushji, later called “Ptolemy of his time”. The article reveals the origin story of the scientist as a representative of the genus kutchi, the origins of which the author associates with the Genesis of the later Turkic khanate that is associated with the name Kutlyg Kagan.

The author explores the formation of biographical and career of scientist Ali Kushji (kutchi), reveals his training in Samarkand and Iran, the activity of a talented scientist in the school of astronomy of Samarkand, analyzes the contribution of Ali Kushji in the definition of a point latitude, in the update table of the stars “Siji zhaddi Kuragoni”, the scientific activity in China and Turkey.

An important place in the article is occupied by the description of comprehensive treatises, especially treatises on mathematics and astronomy, which considers the merit of the scientist in promoting the achievement of the Samarkand school of astronomy to the West.

Keywords: Ali Kushchi, clan kutchi, apprentice, Ulugbek, observatory, point of width, library, algebra, astronomy, geometry, root, positive, negative, manuscript, astronomical table.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2664-5157-2020-2-1-53>

Введение

Статья является актуальной ввиду того, что она “проливает свет” на особенности биографии и творческой деятельности известного ученого Востока, внесшего большой вклад в развитии средневековой науки – Алоуддина Абу-л-Хасан Али ибн Мухаммада Самарқандий Кушчи(Қутчи). Благодаря Али Кушчи до Европы дошли сведения о достижениях средневековой Самарқандской научной школы под началом Мирзо Улугбека.

Исследованность темы. Деятельности средневекового астронома Али Кушчи посвящены труды Т.Н.Ниязова, И.Муминова, К.Броккельмана, А.Носирова, И.Абдуллаева, Х.Хикматуллаева, М.Ахадовой, турецкого ученого Абдулхак Аднана. Информация об ученом-энциклопедисте нашла также отражение в англоязычной

“Исламской энциклопедии”. Однако несмотря на известную исследованность, некоторые вопросы, связанные с происхождением ученого, его творческой деятельностью, историко-культурными событиями эпохи, в котором жил и творил астроном, математик, энциклопедист Али Кушчи, требуют корректного и достоверного изложения, основанного на базе различных источников. Статья написана для реализации указанной задачи.

Методы. В статье использованы общенаучные методы такие, как анализ, синтез, сравнение, обобщение, а также историко-культурные, лингвистические приемы и средства.

Мирзо Улугбек Алоуддин Абу-л-Хасан Алиибн Мухаммад Самаркандий Кушчи (Кутчи), названный современниками “*Птолемеем своего времени*”, является известным учёным, энциклопедистом средневекового XV века. Известно, что отец Али Кушчи Мавлономулла Мухаммад Кутжи был смотрителем резиденции Амира Темура [1, с.208]. Как отмечено в исторических материалах, род кутчи был одним из аристократических родов тюркских племен. На наш взгляд, этимология этнонима кутжи восходит к слову “*кут*” (счастье), к которому в процессе диахронического развития языка присоединяется словообразовательный аффикс *-жи*. Позже под влиянием персидского произношения происходят и фонетические трансформации щелевого звука [ж] насмычно-щелевой [ч] (“*кутжи*” → “*кутчи*”), в результате которых появились и фонетические варианты *кутчи/куччи*.

Сведения о том, что кутчи принадлежали к тюркским племенам, проживавшим в Мавераннахре, Жетысу, Кашгаре, на территории нынешнего Кыргызстана и Южной Сибири даны в работах ряда учёных [2, с. 209]. По материалам этих источников, этногенез кутчи восходит к великому **Кутлукхану (Кут+луг)**, Элтерис кагану, основателю второго древнетюркского каганата. Г. Абдурахмонов Г., А. Рустамов пишут, что имя Кутлук кагана встречается в китайских источниках как **Гудулу** [4, с.166]. Рунические письменные памятники раннего средневековья запечатлели борьбу Кутлук кагана противчинов (китайцев), 50 лет поработивших тюркский народ, возрождение Кутлук каганом государства «*көк түрков*» [5, с. 84]. Насимхон Рахмон пишет, что Кутлук хан поднял восстание против китайской империи, получив имя Элтариш [6, с.145]. Племен акиёт, кўнғирот считаются потомками Элтариш кагана и его брата Бильге кагана, который в китайских источниках ахименуется как *Мунгулхон* [7, с. 121]. Его потомки стали называться “*мунгул*”. Позже под влиянием арабской фонетической системы слово “*мунгул*” стало произноситься как “*муғул*”. В устное народное творчество тюркских народов нашли отражение многие указанные исторические события тюркских народов, содержатся сведения о тюркских этносахи племенах. Например: *Кўнгрот десам соқолинг чочоломос, Чуйут десам ойогинг качаламас, Жуз десам биқининг! тўлойомос, Сарой десам бўрбойинг гўлойомос, Магарки қуччи ё найман бўмасанг «Не из рода Кўнғиротов ты, так как борода у тебя нередкая, и не из рода Чуют, так как ноги у тебя не повёрнуты внутрь, если предположить, что ты из рода Сарой, нижняя часть (бедро) ноги у тебя не толстая, скорее всего (возможно) ты из рода қуччи или найман».*

Носириддин Рабгузив “Қиссаси Рабғузии”, характеризую повелителя Тўқбўғабека, пишет: “...йигитлар ариги (поки), улуг отлиг, қутлуг зотлиг, эзгу хулқлиг, ислом ёриглиқ, мўгул санилиг, мусулмон динлиг, одамийлар инончи, мўъминлар қувончи, химмати адиз (юксак), ақли тегиз бегимиз” [8, с. 6].

Племена *қутчи*, *найман*, *қиёт*, *қўнги* рот правили великим Тураном, Великим тюркским каганатом, империей Хан, империей Каянидов, тремя Великими мунгул (могольскими) империями, империей Усмонидови другими тюркскими династиями. В конфедерациях, во главе которых находились эти племена, был сформирован рациональный порядок государственного управления. Термин “*қушчи*”, являющейся псевдонимом учёного-астронома, связан, по-видимому, стюркским этнонимом “*қутчи*”.

Али Кушчи (*Қутчи*) родился в 1402 году в Самарканде, жил и вырос в этом городе. Первые свои знания Али получил от своего отца. Как и подобает потомку аристократического рода, он учился в хорошем медресе. Обучаясь в медресе, тем не менее его больше интересовали светские предметы, нежели религиозные.

Поэтому Али Кушчи приобрел хорошие знания по астрономии, математике, географии, геометрии, философии, истории и языковедению, он изучил труды по астрономии, математике и медицине известных учёных своего времени таких, как Мухаммад Хоразмий, Ахмад Фарғоний, Ибн Сино и Абурайхон Беруний. Вместе с тем, он обучался у знаменитых просветителей и учёных: Қозизода Румииз Бурсы, у Гиёсиддина Жамшида, Мирзо Улуғбека, Мухаммада Хавофи и др. Молодой, талантливый Али Кушчи был замечен Мирзо Улугбеком, и по его решению с 1414 г. Али Кушчи несколько лет обучается в Иранском виляете Керман. В городе Кермене Али Кушчи написал один из своих первых трактатов “*Рисолайи ашкол ал-қамар*” (“*Рисолао формах луны*”) [9, с. 57].

Окончив учёбу в виляете, в 1417 г. молодой учёный возвращается из Ирана в Самарканд и продолжает обучаться в медресе Улугбека. В 1420-1430 гг. после окончания медресе он остается при этом медресе. Вместе с тем, по заданию Мирзо Улугбека он контролирует работы по строительству обсерватории. Когда строительство близилось к концу и были начаты кровельные работы, умирает Қозизода Румий, а после него и Гиёсиддин Жамшид, которые руководили строительством уникальной обсерватории. Работы по оборудованию обсерватории пришлось завершать Мирзо Улугбеку и Али Кушчи.

Рис. 1 Самаркандская обсерватория

После завершения строительства более 100 образованных людей того времени смогли заниматься в обсерватории изучением астрономии, математики, философии и др. науками под руководством Али Кушчи.

В библиотеке Самаркандской школы астрономии имелись так называемые звездные таблицы “Хоқония”, “Элхония” и “Юнон”. Соплеменники Али Кушчи нашли для Мирзо Улугбека **удобную точку широты** (технология передвижения звезд) *т.е. место, откуда было можно наблюдать за звездами, за их передвижением*. Данная точка находилась в долине Кашка, в горах на территории нынешнего Китабского района, где некогда проживали представители рода кутчи. Здесь же недалеко находился мавзолей знаменитого шейха Хазрет Башира. Как отмечено в источниках, Али Кушчи много раз посещал это сакральное место, иногда в течение нескольких лет проживал тут. По приказу Улугбека возле «точки широты» была построена небольшая обсерватория, откуда велись наблюдения за звездами, на основе которых вносились уточнения и исправления в отмеченные выше звездные таблицы. В результате всей этой деятельности астрономы создали обновленную, более совершенную таблицу звёзд “Зижи жадди Кўрагоний”. Таким образом, можно утверждать, что в научных успехах, достигнутых по астрономии Мирзо Улугбеком, есть известная доля трудов Али Кушчи и его соплеменников.

По заданию Самаркандской школы, Али Кушчи отправляется в экспедицию в Хорасан, Герат и Восточный Туркестан, где удается познакомиться со многими средневековыми светилами и углубить познания по различным научным направлениям. В 1438 году повелитель Мирзо Улугбек отправил своего ученика Али Кушчи послом в Китай, где Али Кушчи выполняет новые ответственные задачи, возложенные на него. По возвращению из Китая он написал трактат “Математика ва астрономик жўғрофия” (“**Математика и астрономическая география**”) [10, с. 208].

В Самарканде существовала знаменитая библиотека, где хранились древние книги и рукописи. Во время похода в Турцию Амир Темур узнал о существовании *древней и богатой библиотеки* в Бурсе. По приказу великого завоевателя, ценившего знания и науки, библиотека Бурсы была переведена в Самарканд и отдана во владение школы, где занимался науками его любимый внук Улугбек. По сведениям исторических материалов, в 1449 г. улемы, которые были противниками научных познаний, убили Мирзо Улугбека, а спустя некоторое время был казнён и его сын Абдулатиф, приложивший руку к смерти отца. В 1451 году на трон Самарканда взошёл Абу Саид мирзо, воспитанник Улугбека. Султан Абу Саид покровительствовал близким Улугбека и в, частности, Али Кушчи. Однако и повелитель Абу Саид мирзо был убит в 1469 году во время похода в Иран. После гибели султана Али Кушчи, его близкие, родственники, соплеменники и ученики подверглись гонениям; нависла угроза уничтожения библиотек. Источники отмечают, что Али Кушчи сделал все, чтобы спасти редкие книги из обеих библиотек: Али Кушчи сумел вывезти драгоценные книги из Самарканда. Есть предположения, что он сначала перенёс их в малую обсерваторию в Китабских горах, а затем в пещеру, находящуюся под возвышенностью, которая называется Ниёзтепа. Однако судьба библиотеки до сих пор неизвестна; куда она была вывезена, нигде не упоминается. На горной местности, территории нынешнего Ургутского района, где

жили и живут представители рода Али Кушчи, существует два места возможного захоронения библиотеки. Во-первых, здесь очень много горных пещер, где могла быть запрятана библиотека. Кроме того, была возможность горными путями уйти за границы своего государства. Во-вторых, равнинная дорога, ведущая из Самарканда, проходила через Пахтачи, Жом, Чияли, Жомбузсай и Гузар, где также обитали представители рода Али Кушчи, и в этих местах было много пещер, гротов и безводных колодцев, где можно было бы спрятать книги. И эта дорога вела напрямик за границу. Однако представители родакушчи всегда отличались скрытностью и получить от них какие-либо сведения – весьма сложная задача: поэтому судьба библиотеки Мирзо Улугбека до сих пор остается неясной.

В 1471 году Али Кушчи в сопровождении многих своих соплеменников и учеников направился в Азербайджан, в Тебриз, к повелителю оккунцев Узун Хасану, который достойно встретил соплеменников. Али Кушчи и его люди остались в Тебризе на два года. Спустя некоторое время, султан Турции Мехмед II Фатыхпригласил Али Кушчи в Стамбул, и в 1472 г. Али Кушчи по разрешению повелителя Узун Хасана направляется в Стамбул, уводя за собой около 200 своих близких и родственников. Как пишет Абдулхақ Аднан, в Стамбуле султан назначает Али Кушчи главным мударрисом (учителем) в медресе *Аё София*.

Великий учёный Али Кушчи умер в 1474 году в возрасте 72 лет. После его кончины исследования продолжили близкие и ученики Али Кушчи *Мирам Чалаби*, *Хусайн Биржанди*, *Баховаддин Омулий*, *Нажмиддин Алихон* и другие [12, с. 211].

Перу Али Кушчи принадлежит около тридцати трактатов на самые различные темы, например, трактат о медицине *“Муъжаз фи-т-тиб”* (*“Краткое изложение медицины”*); трактат о звездах на фарси *“Рисола дар илми хайъат”* (*“Трактат об астрономии”*), переведённый Иброхимом Мўминовым на узбекский язык, Абдуллою Афанди на турецкий [12, с. 207].

Разнообразны по тематике и другие трактаты ученого. Трактат *“Рисолайи фатхия”* (*“Трактат о победе”*) посвящен военной теме: битве между Махмудом Фотихом и Узун Хасаном, комментарий к трактату был написан Мирам Чалаби. Трактат *“Рисолайи Мухаммадия”* (*“Трактат Мухаммада”*), написанный на фарси, посвящен индийской математике и астрономии. Позже сам Али Кушчи перевёл его на арабский язык.

В трактате *“Тарихи хоқони Чин”* (*“История повелителя страны Чин (Китай)”*) Али Кушчи рассказывает о своей деятельности по расширению культурных, экономических и политических отношений государства темуридов с соседними странами, в частности, с Китаем. В этом трактате Али Кушчи даёт весьма важные сведения о географии и истории стран, расположенных на пути в Китай и населяющих империю других народов. Трактат в конце XVI века переведен на немецкий язык, в 1863 году – на турецкий.

Многие труды ученого посвящены науке, математике, астрономии. Среди них следует отметить трактат *“Рисола фи-мавзуот ал-улум”* (*“Трактат о научных темах”*), посвященный классификации наук. В трактате *“Махбуб ал-хамоьил фи кашф ал-масоьил”* (*“Приемлемая записная книжка, используемая при решении задач”*) также систематизируются данные многих наук. В 1430 году на фарси был написан *“Трактат*

о дробных числах”, в котором были даны сравнительно полные сведения *о простых и десятичных дробных числах*. Единственный экземпляр трактата ныне хранится в Санкт-Петербурге.

Одним из известных трактатов Али Кушчи является *“Трактат о счёте”*, написанный на фарси в 1425 г. в Самарканде, в Стамбуле Али Кушчи перевёл его на арабский язык и подарил Султану Мехмеду II Фатыху. Рукописи трактата хранятся в Ташкенте, Лейдене (Нидерланды) и Турции [12, с. 201]. Как пишет М.Ахадова, трактат состоит из трех частей. Первая часть посвящена арифметике и состоит из пяти глав. *Первая глава* посвящена индийской арифметике – Али Кушчи показал способы вывода произвольного корня из чисел, как в формуле *“бинома Ньютона”* (средневековые учёные обычно не показывали математические данные при помощи чисел, а разъясняли словами). Найденные ученым математические решения приблизительно соответствуют *схеме (чертежу) Руффини Горнера* на Западе [12, с. 201]. *Во второй главе* изложены данные по астрономической арифметике, шестидесятичная система счета, способы сложения, вычитания, отнятия, умножения, деления и вывода из корня внутри этой системы [12, с.202]. Для проверки правильности выполненных действий был также использован метод ревизии. *В третьей главе* даны некоторые размышления и расчёты по алгебре (алгебре). Али Кушчи первым ввёл в математику термины *“положительный”* и *“отрицательный”*. *В четвёртой главе* изъяснены способы нахождения неизвестных при помощи *“способа допущения двух ошибок (неточностей)”*. *Пятая глава* посвящена разъяснению некоторых арифметических правил [12, с. 204]. Во второй части комментируются данные по геометрии и тригонометрии. Геометрическая часть состоит из введения и трех глав. В данной части даны понятия длины (расстояния), линии и формы (виды) измерения площади; разработаны правила вычисления объёма площади поверхности предмета. В разделе, касающемся тригонометрии, приводятся тригонометрия равных треугольников, теорема синуса и косинуса. Даны сравнительные формулы, предназначенные для вычисления поверхности некоторых форм. *Эти формулы не встречаются в книгах учёных, живших до Али Кушчи*. В конце книги дана таблица синусов, где значения функции синуса почти не отличаются от современных показателей [12, с. 201]. Таким образом, в средневековых трактатах Гиёсиддина Коши и Али Кушчи впервые в истории мировой науки были решены многие задачи линейной тригонометрии.

Как выдающийся астроном Али Кушчи во многих трактатах затрагивал вопросы астрономии и написал в 1437 году в Самарканде *“Трактат об астрономии”*, в котором изложены ценная информация и сведения на основе наблюдений, осуществлённых в обсерватории Улугбека. Рукописи книги в настоящее время хранятся в Ташкенте, Петербурге, Мешхеде, Париже, Оксфорде, Лондоне, Берлине, Кембридже и Стамбуле [12, с. 200]. Ташкентская рукопись *“Трактата об астрономии”* была переведена на узбекский язык Ф.Расулевым и была издана в 1968 году под редакцией академика Ибрагима Мўминова. Трактат состоит из введения и двух глав. В первой главе характеризуются основные научные термины геометрии такие, как *точка, линия, поверхность, круг* и т.п. Во второй главе приводятся интересные сведения об естественных науках. При этом сказано, что все вещества делятся на простые и слож-

ные, происходят из четырёх основ: **огня, воздуха, воды, земли**. В первой части главы описаны небесные сферы, их число и свойства, результаты астрономических наблюдений и другие сведения. Вместе с тем, даны движения звёзд и планет, определённых по результатам наблюдений в малой обсерватории, расстояния по *перигею* и *апогею*, место каждой планеты в космосе, расчёты по удалённости планет от Солнца и даны таблицы по этой теме. Вопросы затмения Солнца и Луны также объяснены точно, правильно с точки зрения науки. *Вторая часть главы* посвящена Земле, составу земли, климату и погоде. В книге много интересного рассказывается о земном шаре, северном и южном полюсах, экваторе, линиях меридиана, климате и погоде на земле.

Рис.2. “Трактат об астрономии”

Али Кушчи весьма внимательно и тщательно изучал произведения многих учёных своего времени, писал к ним подробные комментарии. К их числу можно отнести известные сочинения такие, как “*Зижи Улугбек*” Улугбека, “*Зижи Элхоний*” и “*Тадриж*”, посвящённой астрономии и математике, Насруддина Туси, “*Тухфат аш-шохия фил-хайъат*” Кутбиддина Шерози, а также труды Қози Азуддина по философии, праву и языкознанию.

Заключение

Резюмируя выше изложенное, следует отметить, что Алоуддин Алиибн Мухаммад Кушчи является известным ученым-энциклопедистом средневековой мировой науки. Как представитель Самаркандской научной школы он внес значительный вклад в развитие астрономической и математической наук. Именно благодаря Али Кушчи научная деятельность Самаркандской школы стала известна на Среднем Ближнем Востоке, в Европе.

Литература

1. Национальная энциклопедия Узбекистана. 1-том. – Ташкент: Государственное научное издательство Узб НЭ, 2000. – 735 с.
2. Туранские сообщества. – Ташкент: Истикбол, 2008. – 230 с.
3. Иброхимов А. Мы – узбеки. – Ташкент: Шарк, 2011. – 240 с.
4. Абдурахмонов Г., Рустамов А. Древнетюркский язык. – Ташкент: Укитувчи, 1982. – 166 с.
5. Усман Туран. Идеология тюркских народов (перевод с турецкого У. Абдулвахоба). – Ташкент: Чулпан, 1995. – 104 с.
6. Рахмон Н.. Тюркский каганат. – Ташкент: Издательство народного наследия имени Абдуллы Кадыри, 1993. – 142с.
7. Абдурахмонов Г., Рустамов А. Древнетюркский язык. – Ташкент: Укитувчи, 1982.
8. Рабгузи Н.Б. Киссаи Рабгузи. 1-том. (Ответственный редактор Н.А.Асилов; предисловие Н.А.Асилова). – Ташкент: Езувчи, 1990. – 188 с.
9. Абдуллаев И., Хикматуллаев Х. Самаркандские ученые. – Ташкент: Фан, 1969. – 104 с.
10. Национальная энциклопедия Узбекистана. 1-том. – Ташкент: Государственное научное издательство Узб НЭ, 2000. – 735 с.
11. Ахмедов Б. Улугбек. – Ташкент: Фан, 1965. – 37 с.
12. Ахадова М. Знаменитые ученые Средней Азии и их труды по математике. – Ташкент: Укитувчи, 1983. – 212 с.

References

1. (2000) Nacional'naya enciklopediya Uzbekistana [National encyclopedia of Uzbekistan]. 1-tom. Tashkent, Gosudarstvennoe nauchnoe izdatel'stvo Uzb NE [1-volume, Tashkent: state scientific publishing house UZ NE]. 735 p. [in Russian].
2. (2008) Turanskije soobshchestva [Turan communities]. Tashkent, Istikbol [Tashkent, Istikbol]. 230 p.
3. Ibrohimov A. (2011) My – uzbeki [Ibrokhimov A. We are uzbeks]. Tashkent, Shark [Tashkent, Shark]. 240 p. [in Russian].
4. Abdurahmonov G., Rustamov A. (1982) Drevnetyurkskij yazyk [Ancient Turkic language]. Tashkent, Ukituvchi [Tashkent, Ukituvchy]. 166 p. [in Russian].
5. (1995) Usman Turan. Ideologiya tyurkskih narodov (perevod s tureckogo U.Abdulvahoba) [Usman Turan. The ideology of the Turkic peoples (translated from Turkish U. Abdolvahob)]. Tashkent, Chulpan [Tashkent, Chulpan]. 104 p. [in Russian].
6. Rahmon N. (1993) Tyurkskij kaganat [Turkic Kaganat]. Tashkent, Izdatel'stvo narodnogo naslediya imeni Abdully Kadyri [Tashkent: Publishing house of the national heritage of the name Abdullah Kadir]. 142 p. [in Russian].
7. Abdurahmonov G., Rustamov A. (1982) Drevnetyurkskij yazyk [Ancient Turkic language]. Tashkent, Ukituvchi [Tashkent, Ukituvchy]. [in Russian].

8. Rabguzi N.B. (1990) *Kissai Rabguzi* [Kisai Rabguzi]. 1-tom. Tashkent, Ezuvchi [Tashkent, Ezuvchi]. 188 p. [in Russian].
9. Abdullaev I., Hikmatullaev H. (1969) *Samarkandskie uchenye* [The Samarkand scientists]. Tashkent, Fan [Tashkent, Fan]. 104 p. [in Russian].
10. (2000) *Nacional'naya enciklopediya Uzbekistana* [National encyclopedia of Uzbekistan]. 1-tom. Tashkent, Gosudarstvennoe nauchnoe izdatel'stvo Uzb NE [1-volume, Tashkent: State scientific publishing house UZ NE]. 735 p. [in Russian].
11. Ahmedov B. (1965) *Ulugbek* [Ulugbek]. Tashkent, Fan [Tashkent, Fan]. 37 p. [in Russian].
12. Ahadova M. (1983) *Znamenitye uchenye Srednej Azii i ih trudy po matematike* [Famous scientists of Central Asia and their works on mathematics]. Tashkent: Ukituvchi. Tashkent, Ukituvchi [Tashkent, Ukituvchi]. 212 p. [in Russian].

Фразеологизмдердегі түркі әлемінің тілдік бейнесі

Гүлдархан Смағұлова

филология ғылымдарының докторы, профессор
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті

Алматы, Қазақстан

E-mail: smagulova.g@mail.ru

Аннотация. Мақалада түркі әлемінің тілдік бейнесіндегі фразеологизмдердің мағыналық ерекшеліктері сөз болады. Кез келген түркі тіліндегі фразеологиялық қор – сол ұлт өмірінің айнасы. Мұнда халықтың бүкіл өмір тіршілігі, салты мен дәстүрі, құндылықтар жүйесі жинақталған. Түркі тілдес халықтардың танымдық білім қоры бір бірін толықтырып отырады. Себебі, ортақ құндылықтар дүниесі, стереотип дағдылар мен мәдени өмір салты және дін ортақтығы о бастағы біртұтас менталдық кеңістікке негізделген. Ал осы тұтастықтың келбеті тілдің кумулятивтік қасиеті арқылы жинақталып, сақталып, түркі халықтарының өткен өміріндегі тұрмыс-тіршілігінде мәдени ортақтықтың бар екенін айғақтайды. Бұл ретте түркі фразеологизмдері мен паремияларының лингвомәдениеттанымдық интерпретациясын ерекше айтуға болады. Бүгінгі таңдағы түркі фразеологиясының зерттеу аясы жан-жақты, ғылыми нәтижелері антропоэлектік бағытқа негізделген. Бір ұлт – бір тіл. Түркі әлемінің басқа ұлттардан айырмашылықтарын олардың тілдерінде сақталған бейнелі тіркестердің этномазмұны айқындап бере алады. Этностық мәдениет – ұлттық мәдениеттің ең ежелгі қабаты, бастапқы базисі. Осы қабаттағы салт пен дәстүрлерде түркілер мәдениетінің ортақтығы мен ұқсастығының көрінісі жақсы сақталған. Сондықтан түркі тілдерінің сөздік қорындағы ортақ лексика, ұқсас фразеологизмдер, этнос тарихындағы мәдени ремалардың лингвистикалық іздері, әдебиетіміздегі ортақ сюжеттер ғылыми талдауды қажет етеді.

Кілт сөздер: әлемнің тілдік бейнесі, түркілік дүниетаным, фразеология, мәдени тілдік семантика, түркі әлемі.

Turkic language picture of the world in phraseological units

Guldarhan Smagulova

Doctor of Philology, Professor
al-Farabi Kazakh National University

Almaty, Kazakhstan

E-mail: smagulova.g@mail.ru

Abstract. The article considers the semantic features of phraseological units in the language picture of the Turkic world. The phraseological foundation in any Turkic language is a mirror of the nation's life. The whole life of the tradition, the system of values of the people is gathered here. The fund of cognitive knowledge of Turkic-speaking peoples

replenishes each other. Since the world of shared values, stereotypical skills and cultural lifestyles and their similarities in religion are based on a holistic mental space. The image of this integrity is collected and preserved through the cumulative quality of the language, and proves the cultural identity in the past way of life of the Turkic peoples. At the same time, the cultural interpretation of Turkic phraseology and paremiology has of particular importance. Today the phraseology of the Turkic languages is a comprehensive object of research and its scientific results are based on anthropocentric approaches. One nation- one language. Only ethnolinguistic and linguo-cultural studies can analyze the ethnic content of images preserved in the language and the differences between the Turkic world and other nations. Ethnic culture is the most ancient layer, the primitive basis of national culture. The traditions and customs of this layer reflect the commonness and similarity of the Turkic culture. Therefore, the general vocabulary in the fund of the Turkic languages, identical phraseological units, linguistic traces of cultural rhemes in the history of the ethnic group, and common subjects in our literature require scientific analysis.

Keywords: a language picture of the world, Turkic outlook, phraseology, cultural language semantics are considered, turkic world.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2664-5157-2020-2-1-63>

Тюркская языковая картина мира в фразеологизмах

Гульдархан Смагулова

доктор филологических наук, профессор
Казахский национальный
университет имени аль-Фараби
Алматы, Казахстан
E-mail: smagulova.g@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены смысловые особенности фразеологизмов в языковой картине тюркского мира. Фразеологический фонд любого тюркского языка является зеркальным отражением жизни народа, в котором запечатлены его система ценностей и традиций. Когнитивные знания тюркоязычных народов пополняют друг друга, так как мир общих ценностей, сходство стереотипных навыков и культур, общность религиозных форм основаны на целостном ментальном пространстве. На сегодняшний день важное значение занимает культурологическая интерпретация тюркской фразеологии и паремиологии, поскольку изучение фразеологии тюркских языков является актуальным и необходимым, и ее научные результаты основаны на антропоцентрической парадигме. В данном аспекте этнолингвистические и лингвокультурные исследования нацелены на анализ этнического содержания фразеологизмов, определения различий тюркской ментальности и мира от других миров. Этническая культура, будучи одной из древних, представляя базовую основу национальной культуры, сохраняет эти традиции и обычаи в языке, в общем словарном фонде, во фразеологизмах, что требует осуществления достоверного научного анализа.

Ключевые слова: языковая картина мира, тюркское мировоззрение, фразеология, культурная языковая семантика, тюркский мир.

Кіріспе

Ғасырлар тоғысында әлем назары батыстан шығысқа бағытталған кезде «түркі әлемі» деген тіркестің мағыналық қолданысының саяси мәдени ақпары мен астары бұрынғыдан да тереңдеп, тарихи аренада өзіндік болмысын жан-жақты таныта бастады.

1993 ж. 12 шілдеде Алматыда «Түріксой» – түркі халықтарының өнері мен мәдениетін дамытуға ықпал жасайтын халықаралық ұйым құрылғалы бері де отыз жылға таяп қалды. Түркі мемлекеттері мен түркі автономиялық республикалары мүше болған (Әзербайжан, Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекстан, Түркия, Түрікменстан, Татарстан, Башқортостан және Солтүстік Кипр Түрік мемлекеттері) ұйым мәдени байланыс саласында бірлесе, бір мүддеде «түбі бір түркі әлемін» тұтастыру үшін жұмыла іске кіріскен еді.

Халықаралық ұйымның негізгі мақсаты мен міндеттері туралы айтылған деректерге назар аударсақ, онда күні бүгінге дейін атқарылған игі істердің тіл мәселесіне соқпай кететін тұстары некен саяқ екенін байқауға болады.

Мәселен, жүргізіліп келе жатқан іс шараларды саралап көрсек, «Түріксойдың» негізгі мақсатына орай:

- түркі тілдес мемлекеттердің және халықтар мен қауымдардың мәдениет пен өнер саласындағы мәдениетін дамыту;
- түркі әлемінің мәдени құндылықтарын тану, зерттеу, сақтау және толықтыру, оларды әлемдік кеңістікте насихаттау;
- тарихи, саяси және географиялық жағдай салдарынан әлсіреген байланысты дамыту;
- ортақ мәдени кеңістік қалыптастыру; түркі әлемінің ортақ мәдени құндылықтарын, тарихи, мәдени ескерткіштерін анықтау және жүйелеу;
- түркі халықтарының ұлттық мәдениеттерінің дамуына ықпал ету, олардың тума, табиғи ерекшеліктерін сақтау;
- түбі бір түркі тілдерін жақындастыру;
- тұтас тілдік орта қалыптастыру, ортақ әліпби жасау, латын графикасына көшу мәселелерін қолға алу;
- гуманитарлық салада әлемдік интеграциялық үдерістерді ескере отырып, түркі тілдері мен мәдениетінің қуат-күшін жасөспірімдерге тәрбие беру ісінде көрсету;
- түркі тілдес мемлекеттердің мәдениеті мен өнері жөнінде халықаралық ақпарат орталығын құру, т.б.

Жоғарыда, біз санамалап көрсеткен, атқарылып жатқан шаралар астарында түркі тілдес халықтардың бір кездегі ортақ менталдық кеңістіктен таралып, ұлттық ерекшеліктерінің қалыптасқандығы байқалады. Сол ерекшеліктерге талдау жүргізгенде түркі әлемі бейнесінің концептуалдану жүйесін «кім қалай қалыптастырды» деген мәселе бой көтереді. Әсіресе, тарихи, саяси және географиялық жағдай салдарынан

әлсіреген байланысты дамыту арқылы түбі бір түркі тілдерін жақындастыру және тұтас тілдік орта қалыптастыру, ортақ әліпби жасау сияқты мәселелелердің уақыт өткен сайын қажеттігі айқындалып келеді.

«Түркі әлемі» тіркесінің тілдік репрезентациясы ары қарай тілтанымдық мәселелердің көптеген сауалдарын алға тартады. Себебі, «түбі бір түркілердің» әуелде (*о баста – убраться, о баста бастау – не звучит*) бастау алған мәдени бұлақ көздерінен таралған өзендер «түркі әлемі» дейтін алып мұхитқа ұласты. Әлемдік өркениеттен өзіндік орнын алып, ХХІ ғасыр «түркілер ғасыры» деген атқа лайық игі істерді игеруге ден қойды.

Нәтиже

М. Хайдеггер тілді «дом бытия» деп атаған: «Сущность человека покоится в его языке. И поэтому чтоб понять природу языка, нужно понять природу человека и его мир»[1, с. 101]. Адам болмысы мен оның әлемі қатынас тілі арқылы ғана ұлт тіршілігінен хабар береді.

«Әлемнің ұлттық бейнесі» сол халыққа ғана тән түсінік категорияларынан тұратын тұрақты бейнелерге – образдарға байланысты қалыптасады. Ол халық дүниетанымы мен болмыс қағидасын құрайды. Түркілік біртұтас дүниетанымды қалыптастырған әрекеттерді, жағдаяттарды кеңістік пен уақыт бедерінен іздеу керек. *Түркі әлемінің тілдік бейнесі* деген ұғым қазіргі таңда түркі тектес халықтар ғалымдарының ортақ зерттеу нысанына айналып келеді.

Ең бастысы түркі тілдес халықтардың когнитивтік білім қоры бір бірін толықтырып отырады. Олай дейтін себебіміз ортақ құндылықтар дүниесі, стереотип дағдылар мен мәдени өмір салты және дін ортақтығы о бастағы бір тұтас менталдық кеңістікке негізделген. Ал осы тұтастықтың келбеті тілдің кумулятивтік қасиеті арқылы жинақталып, сақталып, «өткен күнде белгі бар» екенін айғақтайды. Бұл ретте түркі фразеологизмдері мен паремияларының мәдениеттанымдық интерпретациясын ерекше айтуға болады.

Кез келген ұлт өкілі өз тілін, тіл байлығын мақтаныш етеді. Дүниедегі зат, құбылыс, іс-әрекет белгілі бір аталыммен тілдік қатынасқа қызмет етеді. Бұл ретте түркі тілдес халықтар тілінің сөздік қоры мен сөздік құрамы ұлттың рухани құндылығы ретінде ерекшеленеді. Әдетте, тіл тілдегі фразеологиялық қор ұлт өмірінің айнасы іспеттес. Мұнда халықтың бүкіл өмір тіршілігі, салты мен дәстүрі, құндылықтар жүйесі көрінеді.

Түркі фразеологиясының зерттелу тарихының хронологиясы өткен ХХ ғасырдың екінші жартысынан басталады. Түркі деген жалпы атаудың аясындағы тілдер бойынша жүргізілген фразеологиялық зерттеулер жан-жақты, әрі бүгінге дейін маңызын жоймаған іргелі ғылыми еңбектер тізімі бар. Мәселен, қазақ фразеологиясы – І.Кеңесбаев, әзербайжан – Г.А.Байрамов, өзбек – Ш.Рахматуллаев, түрікмен – Л.Бабаев, қарашай-малқар – З.К.Жарашуева, башқұрт – З.Ураксин, ұйғыр – Ч.Сайфуллин, қырғыз – Ж.Осмонова, түрік – Л.Н.Долганов, құмық – К.Х.Даибова, чуваш – М.Ф.Чернов, саха – Н.С.Григорьев т.б. тілдердегі фразеологизмдерді зерттеген ғалымдардың еңбектерінде

түркі фразеологиясының алғашқы теориялық ұстанымдары сараланды. Сондай-ақ, бұл еңбектер кейінгі жаңа ғылыми бағытта қарастырылған фразеологиялық зерттеулердің бастау көзі болды.

Түркі халықтарының сөздік қорындағы ортақ лексика мен фразеологизмдер, олардың өмір сүру тәсілдеріндегі ұқсастық, этнос тарихындағы мәдени ремалардың лингвистикалық іздері және әдебиетіміздегі ортақ сюжеттер түркі халықтарына өткендегісін түгендеуді міндет етеді. Солардың бірі – кез келген түркі халықтарының өткен өмірінен хабардар ететін, тіршілік тынысындағы ұлттық ерекшеліктерін дәл айқындап көрсетіп, халық жадында сақталған тілдік фактілермен баяндап беретін, сол ұлт тілінің көркем дүниесі – фразеологизмдер. Тіл тілде сақталған мақал мәтелдер мен фразеологизмдер арқылы күллі түркі жұртының ойлау жүйесі мен әр ұлтқа тән феномендік қасиеттер айырықша көрінеді.

Бүгінде түркі фразеологиясының зерттеу нысаны жан-жақты, ғылыми нәтижелеріндегі өзара тілдік сабақтастық пен іргелестік о бастан ақ антропоцентрлік қағидатқа негізделген. Себебі бір ұлт – бір тіл. «Олардың өзге ұлттардан айырмашылықтарын тілінде сақталған бейнелі тіркестердің этномазмұнын этнолингвистикалық және лингвомәдени зерттеулер ғана тайға таңба басқандай етіп көз алдымыға әкеледі» [2, 18 б.].

Түркі фразеологизмдерін салыстырмалы тұрғыдан зерттеген Қ.Қалыбаева: «Қоғам өміріндегі экстра және интралингвистикалық факторлардың нәтижесінде фразеологизмдер сол кезеңдегі орын алған тілдік қарым қатынастың, мәдени, тарихи лингвистикалық ақпараттарын өз бойына сіңіріп, белгілі дәрежеде сақтап қалады. Сөйтіп, тарихтағы қоғамға өзгеріс әкелетін өтпелі кезеңдер тілдің фразеологиялық қорының қалыптасуында өз ізін ерекше қалдырады. Мысалы, татар және башқұрт халқының бастан кешкен тарихи оқиғаларға қатысты **Мамай заманында** «во времена Мамая», **қырым сиреүләй, дарыны коро тотоу** «держатъ порох сухим», **Әндрей қазынасы, Әндрей әбете, әби патша заманында** «при царе горохе» секілді фразеологизмдер тарихи кезеңдердің тілдегі көрінісі» дейді [3, 62 б.]. Негізінде, Мамай түмен басы, Алтын Орданың талантты және жігерлі, саясаткері болған жылдары орыс княздықтарының алауыздықтарын пайдаланып, оларды көп шапқыншылыққа ұшыратқаны тарихтан мәлім. 1370 жылдары Алтын Орданың билеушісіне айналды. Орыс фразеологиясында бұл есім мен оған қатысты оқиғалар **«Как Мамай прошел**» «полнейший беспорядок, опустошение, разгром» деген мағынада тұрақты тіркеске айналған.

Қазақ фольклорында «Едігенің шөбересі Мамай батыр өлгенде анасы Қараүлек «Өлдің, Мамай, қор болдың!» дейтін жоқтауында:

Артыңда қалған жас бала

Қашан сендей болады?!

Қырық үл туса бір күнде,

Орның қалай толады?! – деген өлең жолдары қалған екен.

Алтын Орда ханы болған тарихи тұлға ретінде Мамай есімі қазақ тіліндегі тарихи фразеологизмдерде кездеседі. Мысалы, халқымызда: **«Өлдің Мамай, қор болдың»**,

«Өлдің, Мамай – өштің, Мамай» деген тіркестер «ешнәрсеге жарамсыз, қажетсіз, қадірі жоқ» деген мағынада қазір де жиі қолданыста бар. Сондай ақ, кейбір қазақ мақал мәтелдерінің шығу тарихы кезінде алтынордалықтардың билік құрған кезеңдеріне байланысты. **«Нар мойыны Бердібекте кесілді», «Біздің ел Тоқтамысты жамандағанын да қоймайды, көрсе бас ұрып тоңқайғанын да қоймайды»** деген тіркестер сол кезеңдердің тілдік дерегі іспеттес [4].

Халық қай кезде болса да, бастан кешкен оқиғаларын әркез бейнелі сөзбен түйіндеп, тұрақты айтылымға жеткізіп отырған. «Ұлттық мәдениет ұлт өмірінің барлық саласынан көрініс табады. Ол лингвомәдени элемент ретінде мекен-тұрақ жайынан, шаруашылық жағдайынан, ішетін тағамы, киетін киім-кешегі, бала тәрбиесінен де байқалады. Мәдени тілдік семантиканың қалыптасуына ұлттың табиғи жағдайы, тілі, діні, менталитеті, тіпті, оның психикалық ерекшеліктері де әсер етеді. Олар мынадай факторлардан тұрады: **тілдік фактор, діни фактор және географиялық фактор.** Ұлт мәдениетінің қалыптасуына ықпал ететін факторлардың бірі ретінде саналатын географиялық орта десек, онда қоршаған ортаға байланысты киім үлгілерінің, мекен-тұрақ жағдайының, яғни, ұлттың мәдени-шаруашылық жағдайларының даму ерекшеліктері байқалады [5, 117 б.].

Әр ұлттың, халықтың санасында әлем бейнесі сыртқы және ішкі факторларға байланысты әртүрлі болғандықтан, тілдегі ерекшеліктер де сан алуан. Сыртқы факторларға географиялық орта, әлеуметтік жағдай, шаруашылық түрі, діннің ықпалы, тарихи жағдай т.с.с. жатса, ішкі факторларға әдет-ғұрып, дүниетанымды, әдеп-шарттарын, жол-жосықты жатқызамыз.

Л.Вайсгербердің әлемнің тілдік суреті концепциясында жұлдыздар әлемі адамдар түсінігінде қалай қалыптасатыны туралы, яғни әр тілде жұлдыз атауларының саны әртүрлі болуына байланысты осы тілде сөйлеушілердің де жұлдыздар әлемі әртүрлі болатыны айтылады. Сөйтіп, Л. Вайсгербер грек тілінде тек 48 жұлдыз атауларын тапса, қытай тілінде 283 атау бар екенін анықтаған. Бұл жайлы ғалым: «Сондықтан, гректің өз жұлдыздар әлемі, қытайлықтың өз жұлдыздар әлемі бар деп тануымыз керек» [6] деп көрсетеді.

Түркі халықтарының арасында ертерек отырықшы болған түркі тілдестер мәдениеті олардың тіршілік ету формасына тәуелді болған. Мәселен, татар және башқұрт тілдерінде омарташылық кәсібінің ежелден ерте дамығандығы байқалады. Зерттеушілер омарташылықты тіпті X-XII ғасырлардан қалыптасқан деген пікірді айтады [7]. Мысалы, «бал авыз», «бал әчемәс, қыз картаймас», «бал, бал диюдән (дию белән) авызда тат булмас», «бал балчык ашата», «бал да май эчендә йөзу», «бал кортының балы бар, балға хәтле назы бар», «бао татлы, балдан бала татлы», «бал татлы дип, бармак чәйнәп булмый (чәйнәмиләр)», «бал тоткан бармак ялый, май тоткан кашык ялый», «бал чебение, яхшы сүз адәмне ияләштерер», «балға каныккан чебен кебек сырыша» т.б. [8, 35-36 б.].

Мал шаруашылығына қатысты лексемалар түркі тілдестердің көбіне ортақ, тек фонетикалық өзгерістермен ұшырасады. Демек, тіларалық тұрақты тіркестер құрамында ұйытқы компонент қызметін атқарады. Мәселен, қазақ тілінде **ЖЫЛҚЫ/АТ** сөзінен

туынды сөздер, жүздеген фразеологизмдер, мақал-мәтелдер жасалған. Олардың дискурстық ерекшелігіне назар аударсақ, аталған ұғымдардың концептуалдануынан ұлттың мәдени өмірі, тұрмыс тіршілігі, ұлттық мінез-құлқы, сал-дәстүрі сияқты құндылықтар жүйесі қалыптасқандығын лингвоаксиологиялық талдаулар арқылы көз жеткіземіз. «Қазақтардың ертедегі көшпелі өмірі мал аруашылығымен тығыз байланысты болуы, негізгі кәсібі – төрт түлік мал өсіруі – олардың әрқашан өз өнерлерін жетілдіріп, жаңа әдістерді ойлап, оны дамытып, өзінің рухани және интеллектуалдық жақтарын дамутудың кепілі болды» [9, 183 б].

Тілдік қолданыстағы мәдени лексикалық бірліктер де түркілердің тіршілік тынысындағы ортақтықты көрсетеді. Мысалы, қазақ тілінде торсық – су, кымыз, сұйық зат құюға арналған ыдыс. *Турсык* – татар, *турһык* – башқұрт, *турсик* – өзбек, *торсук* – кыргыз тілдерінде. «Жаман атқа жал бітсе, жанына торсық байлатпас» мақалы қазақ және татар тілдерінде бар.

Саба – лексемасы да қазақ, қырғыз, башқұрт, татар, ойрат, тува тілдеріне ортақ ыдыс атауы. «Сабасына қарай піспегі, сақалына қарай іскегі» (қазақ), «Ялғыз бияден саба тулмас» (татар) мақалдарда сақталған. Бұлардың қатарында «қапшық, дорба» сөздері кездеседі. Ал басқа да зат, бұйымдар салатын атаулар, мысалы, *киле*, *чуман*, *котыйчык*, *тубал* татар, башқұрт тілдерінде бұлардың көбінесе ағаштан, ағаш қабығынан жасалатын сауыт түрлері деп түсіндіріледі [10, 61-62 б.].

Ауылы аралас, қойы қоралас, төскейде малы, төсекте басы бірге қырғыз бен қазақтың жылқы малына қатысты фразеологизмдері, мақал-мәтелдері кейбір лексикалық, фонетикалық өзгешеліктер болмаса, мазмұны жағынан жақын, ұқсас. Ер жету, жігіт болу мағынасында *АТ ЖАЛЫН ТАРТЫП МІНУ//АТ ЖАЛЫН ТАРГУУ Чоноюу, эр жетүү, бойго жетүү; АТ ҚАРА ТІЛ БОЛҒАНДА //АТ ҚАРА ТІЛ БОЛҒОНДО //Жай келип, жылкы көккө тойгондо; АТҚА МІНЕР//АТКАМИНЕР* – екі тілде де пысық, белсенді адам. *АТ ТОКУР//АТ ҰСТАР* – дүниеге ұл бала келді.

АТ ЖАЛЫНА КАЗАН АСУУ. Жолжүрүп бара жатқанда ала жүргөн азығынан ат үстүндө тамактануу, өзөкжалгоо. Қазақ фразеологизмдерінің қорында бұл тіркес кездеспеді [11].

Саятшылық, аңшылық, яғни ит жүгіртіп, құс салу – түркі халықтарына жат емес. Құс салу – қазақтың да ежелден келе жатқан ата кәсібі. Аңшылық пен саятшылық күн көріс мақсатында туындап, уақыт өте келе бұл өнерге ұласты. Мәселен, бүркіт жасына қатысты атаулардың толық кешенін тек қазақ тілі ғана түгендей алады: 1 жас – балапан, 2 жас – тірнек, 3 жас – тас түлек, 4 жас – ана; 5 жас – қана; 6 жас – көк түбіт, 7 жас – қам түлек, 8 – жана, 9 – май түбіт, 10 жас – барқын, 11 жас – баршын, 12 жас – шөгел деген бүркіт атауларын тек құсбегілер ажыратады.

Құс төресі – *бидайық*, *Ит төресі* – *құмайық*, *Бүркіт қартайса* – *тышқаншы т.б.* деген мақалдар саятшылық пен аңшылық мәдениетінен қалған мақалдар. «Қырғауыл (фазан)» құсын қазақтар күні бүгінге дейін көп аулайды. Әдемілігіне қарай «қырғауыл жүні қызыл екен, күйрық жүні ұзын екен» деп ертегілерде тақпақтаған. Ал татар тіліндегі «*Қызым баласы – кыргавыл баласы, үз итеп торған анасы, Улым баласы – узәгем баласы, ят итеп торған анасы*» мақалдың «Қызым баласы – кыргавыл

баласы» деген бірінші тағанын фразеологиялық сөздікте *сұлу* мағынасын [11, 109 б.] көрсетеді. Алайда, толық түрі қазақ және қырғыз тілдерінде ұшырасады. Жалпы мақал мағынасына үңілсек, онда қазақтардағы «*Жиен ел болмайды*» деп, қыздың баласын әзілдеп, алыстатыны және «жиенге» қатысты басқа да мақалдар тізбегіндегі айтылатын ойдан ұлттық ерекшелік байқалады.

Этностық мәдениет – ұлттық мәдениеттің ең ежелгі қабаты, бастапқы базисі. Осы қабаттағы салт пен дәстүрлерде түркілер мәдениетінің ортақтығы мен ұқсастығының көрінісі жақсы сақталған. Түркі халықтарының мәдени салтында қызға қатысты ырым тыйымдар жиі кездеседі. «Кыз абруе кыл өстенде, кылдан төшсә – юл өстенде»; Кыз – курчакка, малай колынчакка тартыр»; «кызның кемлеге кемәеннән күренә»; «Кызым (ұлым), сиңа әйтәм, киленем, син тыңла татар; «*Кизим, сенга айтаман, келиним сен ешит*»; «*Қизи борнинг нози бор*» өзбек; «*Гызым, сана айдын, гелиним сен ешит*»; «*Гызы барың, нәзи бар*» түрікмен. Бұл мысалдарды мұсылмандық менталитеттің ортақтығынан туған тіркестер деуге болады.

Қорытынды

Түркі халықтарының сөйлеу мәдениетінде айырықша орын алатын фразеологиялық, паремиологиялық тіркестер – тілдік қордың ерекше байлығы. Тұрақты тіркестерде сақталған этномәдени мазмұн арқылы әр ұлттың әлемді қабылдау мен түсінігі туралы ақпаратты аламыз. Бұл ретте, аялық білім ғана ұлттарды бір-бірінен бөліп, ерекше етіп көрсететін тіл байлығы. Осы рухани байлықтың коды – тіл-тілде сақталған тарихи-әлеуметтік сипаттағы тұрақты тіркестер. Жалпы фразеологиядағы түркілік келбет ортақтық пен ұқсастық негізінде толық анықталды деп айту қиын. Бірен-саран салыстырмалы тұрғыдан қорғалып жатқан ғылыми жұмыстар ғана назар аудартады.

Түбі бір түркі тілдерін жақындастыру үшін ғылыми жұмыстардың қолданбалы жағының маңызын арттыру қажет. Осы уақытқа дейінгі фразеологиялық сөздіктердің дені орыс – қырғыз, орыс – саха, орыс – қазақ т.б. сияқты екі тілді сөздіктердің басылып шығуы, әрине, артықтық етпейді. Дегенмен, түркі тілдерінің екі тілді салыстырмалы-фразеологиялық сөздіктері жүйелі түрде баспадан шығып жатса, түркі халықтарының ұлттық мәдениеттерінің тілде сақталған ақпараттық мәні арқылы күн көріс, тіршілік ету майданындағы ортақтықтар мен өзіндік ерекшеліктерін көрсетуге мүмкіндік туар еді. Өзге жұртқа мәдениаралық коммуникациядағы тұтастықпен танылып жүру – түркі халықтарының ортақ мүддесі. Түркі әлемінің фразеологиялық бейнесін тұтастықта алып, салыстырмалы тұрғыдан қарастыру, оның ғылыми концепциясын айқындау кезек күттірмейтін мәселе.

Әдебиет

1. Хайдеггер М. *Время и бытие: ст. и выступления* / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

2. Смағұлова Г. Жаһандану және түркі фразеологиясы. //Тіл және жаһандану: бүгін мен болашағы. – Алматы: 2008. – 216 б.
3. Қалыбаева Қ. Салыстырмалы түркі фразеологиясы. – Алматы: 2009. – 404 б.
4. www.centrasia.ru/newsA.php?st=1311933480
5. Смағұлова Г. Факторы формирования культурно языковой семантики//Концептуальные исследования в современной лингвистике. Вып.12. – Санкт Петербург-Горловка, 2010. – 555 с.
6. <http://old.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm>.
- 7.<http://www.dissercat.com/content/leksika-pchelovodstva-tatarskogo-literaturnogo-yazyka>.
8. Татарча русча идиомалар сүзлеге. – Казань, 2006. – 379 б.
9. Смағұлова Г. Қазақ фразеологиясы лингвистикалық парадигмаларда. – Алматы, 2010. – 276 б.
10. Мөгьтәсимова Г.Р. Татар халық мәкальләренең лексикасы. – Казан, 2005. – 190 б.
11. Осмонова Ж., Конкобаев К., Жапаров Ш. Къргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү. – Бишкек: КТМУ, 2001. – 519 б.

References

1. Heidegger M. (1993) *Bremia i byitie: st. i vystuplenia* [Time and being: art and performances]. M., Respublika [M., Republic]. 447 p. (Mysliteli XX veka) [in Russian].
2. Smagulova G. (2008) *Jahandanu jane turki frazeologiasy. //Til jane jahandanu: bugini men bolashagi* [Globalization and Turkic phraseology.//Language and globalization: present and future]. Almaty. 216 p. [in Kazakh].
3. Qalybaeva Q. (2009) *Salystirmali turki frazeologiasy* [Comparative Turkic phraseology]. Almaty. 404 p. [in Kazakh].
4. www.centrasia.ru/newsA.php?st=1311933480
5. Smagulova G. (2010) *Faktori formirovania kul'turno-iazykovoï semantiki //Konseptualnyie issledovania v sovremennoi lingvistike* [Factors of formation of cultural and linguistic semantics// Conceptual research in modern linguistics]. Vyp.12 [Vol 12]. S-Petersburg-Gorlovka. 555 p. [in Kazakh].
6. <http://old.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm>
- 7.<http://www.dissercat.com/content/leksika-pchelovodstva-tatarskogo-literaturnogo-yazyka>.
8. (2006) *Tatarcha ruscha idiomalar suzlege* [Tatar-Russian dictionary of idioms]. Kazan. 379 p. [in Tatar].
9. Smagulova G. (2010) *Qazaq frazeologiasy lingvistikalıyq paradigmalarda* [Kazakh phraseology in linguistic paradigms]. Almaty. 276 p. [in Kazakh].
10. Mog'tasimova G.R. (2005) *Tatar halyq makal'lerenin leksikasy* [Vocabulary of Tatar Proverbs]. Kazan. 190 p.[in Tatar].
11. Osmonova J., Konkobaev K., Japarov Sh. (2001) *Qyrgyz tilinin frazeologialyq sozdigi* [Phraseological dictionary of the Kyrgyz language.]. B., KTMU. 519 p.[in Kirgiz].

К 1150-летию Абу Насра Аль-Фараби
Әбу Насыр Әл-Фарабидің 1150-жылдық мерейтойына орай
On the 1150th anniversary of Abu Nasr Al-Farabi

Самал Тулеубаева

доктор филологических наук, профессор кафедры востоковедения
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Нур-Султан, Казахстан
E-mail: samaltu@mail.ru

Самал Төлеубаева

филология ғылымдарының докторы
шығыстану кафедрасының профессоры
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Нур-Сұлтан, Қазақстан
E-mail: samaltu@mail.ru

Samal Tuleubayeva

Doctor of philological sciences
professor of Department of Oriental studies
L.N. Gumilyov Eurasian National University
Nur-Sultan, Kazakhstan
E-mail: samaltu@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.32523/2664-5157-2020-2-1-72>

2020 г. ознаменован в Казахстане празднованием под эгидой ЮНЕСКО 1150-летнего юбилея великого средневекового мыслителя, ученого-энциклопедиста, одного из основателей арабоязычной философии Абу Насра аль-Фараби (870-950). В 70-е годы XX века 1100-летний юбилей ученого широко отмечали во всем мире – научные форумы прошли в Багдаде, Москве, Алма-Ате и в других городах и странах.

В истории человечества есть выдающиеся имена, которые внесли значительный вклад в формирование и развитие различных отраслей знаний своей эпохи. К их числу относится Абу Наср Мухаммад аль-Фараби, жизнь и творчество которого представляет собой тот редкий пример, когда отдельная личность играет ключевую роль в культурной традиции многих народов. Как отмечают исследователи, «непреодолимое значение наследия аль-Фараби определяется тем, что многие его концепции в области философии, социологии, логики, этики, эстетики, естественно-научные идеи оказали большое влияние на последующее развитие общественно-философской мысли народов не только Востока, но и Европы в период средневековья и в эпоху Возрождения» [1, с. 16]. «Второй учитель» (так называли аль-Фараби в средневековье) выступил связующим звеном между греческой и арабской философией, а также между мусульманским Востоком и христианским Западом.

Имя аль-Фараби сегодня хорошо известно, как в академических кругах, так и в широкой образовательной аудитории. Вместе с тем, по сравнению с другими представителями средневековой арабо-мусульманской науки, его имя долгое время оставалось в тени и довольно поздно получило должного признания. Первые переводы трудов ученого относятся к XII веку, и они были сделаны западными учеными такими, как Доминик Гундиссалинус (Dominicus Gundissalinus, 1115-1190), Герард Кремонский (Gerhardus Cremonensis, 1114-1187). Однако несмотря на это аль-Фараби стал известен в Европе лишь в XV веке, позже и в России, под именем «Авеннасар», «Фараби», «Авиасаф» и «Авийеше».

В силу временной отдаленности мы не располагаем точными сведениями о жизни ученого. Сохранившиеся труды средневековых авторов, арабские источники позволяют восстановить лишь общую картину жизни и творчества аль-Фараби (в некоторых случаях информация весьма противоречива). Среди них – Байхаки (994-1066), Кифти (1172-1248), Ибн Абу Усайбиа (1203-1270), Ибн Халликан (1211-1282) и другие

Считается, что аль-Фараби родился около 870-874 г. в окрестностях города Отрар (Фараб) в небольшом селении Васидж (по поводу этимологии топонима сегодня существуют различные мнения), у слияния рек Арысь и Сырдарья. Его полное имя – Абу Наср Мухаммад ибн Мухаммад ибн Тархан ибн Узлаг аль-Фараби ат-Турки (رصن وبنأ) (يبار افلا ناخرط نب غالزوا نب دمحم نب دمحم). Аль-Фараби принадлежал к знатной семье военачальников, о чем свидетельствуют компоненты его имени Тархан (или Дархан), обычно так называли представителей военно-родовой аристократии у степных народов (в частности, у тюрков и монголов).

Рис. 1. Руины древнего города Отрар

Регион, в котором вырос аль-Фараби, испокон веков был связующим звеном между Западом и Востоком, кочевой и оседлой цивилизациями. Здесь проходили длинные караванные пути, а порой и полчища завоевателей. Отрар, который процветал до XIII в., представлял собой важный торговый и культурный центр. Благодатная отрарская земля вместе с другими регионами Южного Казахстана в средневековье подарила миру много ученых и деятелей с названием местности «Фараб», среди них наиболее известны Исхак аль-Фараби (умер в 951г.), Исмаил аль-Джаухари (940-1008), и, конечно, Абу Наср Мухаммад аль-Фараби.

Ученые отмечают, что в Отраре была одна из самых известных библиотек эпохи средневековья, и Абу Наср получил в ней первые знания. «Отрарская» страница жизни талантливого юноши стала важной вехой в формировании творческой деятельности ученого. В поисках знаний и в силу сложившихся условий жизни аль-Фараби в зрелом возрасте (40-50 лет) покидает родные края и отправляется в столицу империи «город мира» Багдад, как в ту пору называли город.

Рис. 2. Территория государства Саманидов (819-999)

Во время своего так называемого «путешествия за знаниями» аль-Фараби посещает земли Саманидов, юрисдикция которых распространялась и на юг Казахстана до конца IX в, некоторые из этих земель находились на территориях современного Узбекистана, Туркменистана, Ирана и Турции, в т.ч. городов Самарканд, Бухара, Мер, Рей, Исфахан, Хамадан, Харран и др. Отмечается, что в Харране ученый изучает философию, логику и медицину у христианина Юханны ибн Хайлана.

Последующие годы аль-Фараби, как известно из источников, проводит в Ираке и Сирии.

В некоторых источниках также содержатся сведения о посещении ученым городов Каира и Александрии в Египте, что, однако, находит подтверждение не у всех исследователей. Таким образом, география путешествия и передвижения ученого была весьма обширной.

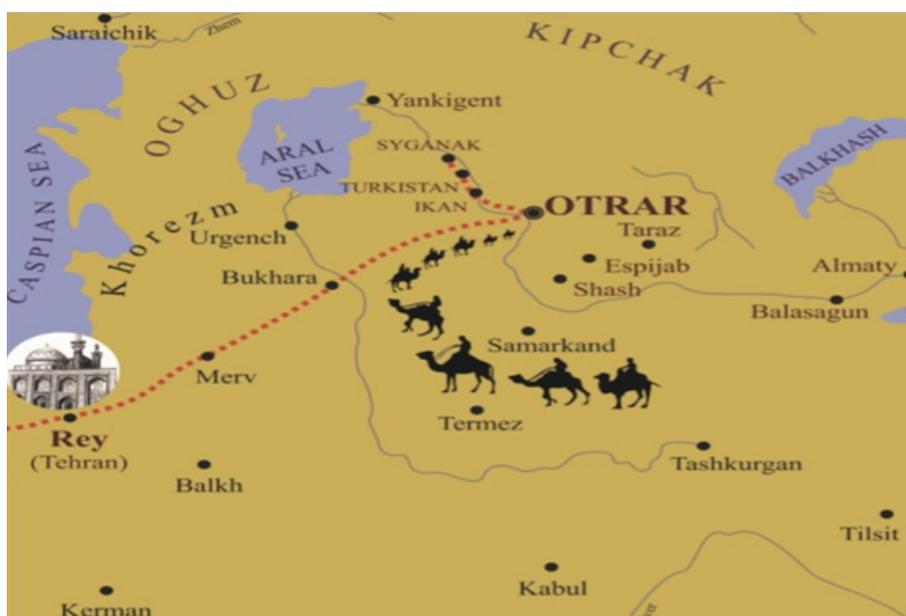

Рис. 3. Маршрут странствований аль-Фараби

Попав в крупные культурные центры, аль-Фараби расширяет и углубляет свои познания в области различных наук. В арабских источниках отмечается, что Абу Бишр Матта ибн Йунус (870-940) обучал аль-Фараби греческому языку и логике [2, с. 150]. Некоторые ученые также считают, что аль-Фараби, как и арабы в целом, знал труды Аристотеля в переводах сирийцев на арабский язык [3, с.173]. В этой связи логичным представляется, что философ, владел сирийским, возможно, и греческим языками, поскольку обращение к оригиналам было неизбежным, в противном случае ему бы не удалось так глубоко понять и осмыслить наследие греческой культуры. Аль-Фараби часто в своих трактатах сравнивает значения слов в различных языках (арабском, персидском, греческом, согдийском), отмечая трудности передачи того или иного смысла слова на другой язык. Известно, что именно в этот период жизни Абу Наср расширил разные сферы познания на арабском языке, и по рекомендации Абу Бишра

Матта ибн Йунуса становится старательным учеником известного арабского ученого Абу Бакра ас-Сарраджа (ум. в 929 г.).

Изучая этапы жизни аль-Фараби, следует отметить, что он всегда находился в поликультурном, полиязычном, поликонфессиональном пространстве. В детстве, юношестве и зрелом возрасте его окружали представители самых различных этносов, культур, вероисповеданий – тюркские народы, персы, курды, арабы, греки, сирийцы; мусульмане, христиане, иудеи, зороастрийцы, язычники. Это были его близкие, друзья, учителя, наставники, каждый из которых был носителем того или иного мировоззрения и оказывал влияние на формирование личности аль-Фараби. Ученому удавалось установить контакты, основанные на принятии и уважении «другого», терпимости и толерантности.

Вместе с тем изучение его биографии на базе средневековых источников дает основание утверждать, что он всегда идентифицировал себя с тюркским «началом». Во всех классических трудах указывается, что аль-Фараби предпочитал носить одежду тюрков, увлекался суфизмом, получившим большое распространение именно на его исторической родине. В «Большой книге музыки» аль-Фараби дает описание широко распространенных тюркских музыкальных инструментов. Таким образом, пребывая в арабских землях в относительно новом для себя этнокультурном пространстве, впитывая лучшие достижения науки той эпохи, он популяризировал родную тюркскую культуру.

Эпоха, в которой жил и творил аль-Фараби, относится к правлению династии Аббасидов (750-1258/1517). К этому времени прекращаются внешние завоевания арабов, нацеленные на распространение ислама. Последним важным событием внешней политики династии является Атлахская, или Таласская битва 751 г., которая определила последующее развитие государств Средней Азии и Казахстана, известного в то время под различными названиями (Туран, Мавераннахр, земли тюрков и др.).

Рис. 4. Территория Арабского халифата после 750 г. (эпоха правления Аббасидов)

Влияние Арабского халифата распространялось на огромную территорию, расположенную между Атлантическим и Индийским океанами, были покорены многочисленные народы, носители древних и прогрессивных цивилизаций (античной, индийской, иранской, тюркской и др.). В результате прекращения войн и покровительства правителей наукам сложились благоприятные условия для развития различных отраслей знаний. Этот процесс охватил не только крупные города и центры, но и завоеванные территории, где также отмечается развитие культурно-просветительской деятельности. Как отмечают исследователи, «в последующие века мусульманское общество значительно опередило все остальные регионы мира по уровню развития многих наук, философии, искусства» [4, с. 4].

Аль-Фараби жил в эпоху культурного восточного ренессанса, и несмотря на кризис политической власти и сложившиеся исторические реалии, ему удалось стать ученым-энциклопедистом, идеи которого не потеряли актуальности по сей день.

Знания в Арабском халифате делились на местные, или «чисто арабские» (арабская филология, исламские науки), и пришлые, или «иноземные» (заимствованные), к числу последних относились медицина, математика, астрономия, химия, логика, философия, связанные с достижениями греческой, римской, индийской и иранской культур. Аль-Фараби изучает все эти науки, вносит свой неоспоримый вклад и уделяет особое внимание философии. Аль-Фараби стоял у истоков формирования и становления новой арабоязычной философии (VII-X вв.), которую сегодня ученые называют «школой аль-Фараби», или эпохой «альфарабизма», и характеризуют как один из самых плодотворных периодов в истории развития средневековой исламской мысли [5]. Аль-Фараби принимает активное участие в изучении идей Аристотеля, интерпретации наследия античных мыслителей, в разработке научной терминологии на арабском языке по широкому спектру знаний. В отличие от античных авторов ученый признавал существование Бога. В его философии тесным образом объединяются физика и метафизика, рационализм и иррационализм. Современные ученые отмечают, что именно аль-Фараби устанавливает традицию, согласно которой наука служит отправной точкой для постижения различных форм религии. Аль-Фараби также признают первым исламским эстетом, логиком, основателем багдадской научной школы. В последствии его творческая деятельность стала базой для развития интеллектуальной мысли XI-XV вв. (ат-Таухиди, Абу Сулейман ас-Сиджистани, Ибн Сина, Ибн Баджа, аль-Газали, Ибн Туфайль, Ибн Рушд, Ибн Халдун и др.).

За свои смелые идеи Абу Наср часто преследовался со стороны богословских кругов, поэтому он был вынужден перемещаться между городами и государствами. Отказавшись от роли придворного ученого, он избирает аскетический образ жизни. Из источников известно, что из Багдада аль-Фараби переезжает в Сирию, где ему покровительствует правитель Алеппо Сайф ад-Дауля аль-Хамадани. Здесь же ученый завершает свой жизненный путь в возрасте 80 лет. Он был похоронен в Дамаске на кладбище «Малые ворота» («аль-Баб ас-Сагир»).

Рис.5. Могила аль-Фараби на кладбище «аль-Баб ас-Сагир» («Малые ворота») в Дамаске

Аль-Фараби создал большое количество трудов почти по всем отраслям средневековой науки, каждый из которых можно назвать «энциклопедией знаний своей эпохи». Многие трактаты ученого были ответом на вызовы времени. Так, книга «Взгляды жителей добродетельного города», которая считается первым мусульманским политическим трактатом, стала скрытой критикой негативных явлений, получивших распространение в халифате. Здесь же ученый предлагает пути выхода из кризисной ситуации, показывает модель успешного государства и счастливого народа. Теме счастья, которую Абу Наср поднимает одним из первых среди философов, посвящены и такие его труды, как «Указание пути к счастью», «Достижение счастья» и др. Аль-Фараби предстает как великий гуманист, желающий благо всему человечеству. Его философия носит сугубо антропоцентричный характер. Ученый полагает, что, в конечном счете, все должно служить одной заветной цели – постижению человеком счастья. Свое же счастье он находит в занятии философией, которая тогда понималась как «наука» в широком смысле слова, поэтому «не было четкого разграничения между философией и частными науками», а наукой было знание [6, с. 109].

Аль-Фараби, которого отличала способность к систематизации, хотел видеть гармонию в окружающем мире, обществе и государстве. Не случайно ученым составлена одна из первых на Востоке классификаций наук, в которой наука о языке предшествует всем остальным знаниям, что является эволюционным «открытием» по сравнению с идеями греческих мыслителей. «Большая книга музыки», самый объемный труд ученого, также получила высокую оценку исследователей. И если некоторые рассматривают это сочинение «как один из первых исторических опытов создания систематической теории музыки на Ближнем и Среднем Востоке», то другие указывают на его значимость в мировом масштабе [7, с. 126].

Аль-Фараби, как отмечено выше, является ярким представителем тюркской культуры, его творческая познавательная деятельность раскрывает важную роль

тюркской культуры в исламской цивилизации, основу которой составляли три этноса: арабский, персидский и тюркский. В этой связи следует отметить, что Абу Наср и другие представители Средней Азии достойно представили миру интеллектуальный потенциал тюрков, которые позже прославятся и на военном поприще.

До сих пор неизвестно точное количество трактатов аль-Фараби. Немецкий востоковед и библиограф М. Штейншнайдер посвящает им целую книгу и насчитывает больше 100 сочинений (некоторые ученые указывают до 200 трактатов), большинство которых не сохранилось по разным причинам. Ряд трактатов аль-Фараби постигла участь средневековых манускриптов, связанных с проблемой авторства. Абу Насру приписывали чужие работы, в то время, как часть его собственных творений получала известность под другими именами, что было довольно распространенным явлением в средневековье. Отдельные трактаты дошли до наших дней лишь в интерпретации представителей науки последующих поколений, либо в переводах на различные языки. Считается, что в настоящее время в различных хранилищах, библиотеках, музеях и архивах (Нидерланды, Германия, Франция, Испания, Ватикан, Турция, арабские страны) имеются около 40 трудов аль-Фараби, из которых 32 как оригинала на арабском языке, 6 в переводах на еврейский язык и 2 в переводе на латинский язык. Более половины сочинений ученого опубликовано в виде академических изданий на языке оригинала в Лейдене, Хайдарабаде, Каире и Бейруте. Сегодня имеются переводы трактатов ученого-энциклопедиста на различные языки мира (английский, немецкий, французский, турецкий, персидский, казахский, русский и др.).

Основные труды Абу Насра аль-Фараби

- «Книга букв» («فوارحل اباتك»),
- «Слово о классификации наук» («مولعلاءصاح اباتك»),
- «Речения, используемые в логике» («قطنملا يف قلمعتسمل اظافلأل»),
- «Вводные разделы по логике» («قسمخلا لوصفلا»),
- «Категории» («تالوقملا اباتك»),
- «Герменевтика» («قرابعلا اباتك»),
- «Большая книга музыки» («ريبكلال قيسوملا اباتك»),
- «Указание пути к счастью» («قداعسملال ليبس يلع هيبنتلال قلاسرا»),
- «Комментарии», или «Афористические записи» («تاقيلعتلال»),
- «Риторика» («قباطخلا اباتك»),
- «Условия истинного знания» («نقيلال طئارش»),
- «Книга доказательства» («ناملال اباتك»),
- «Трактат божественного Платона в ответ тем, кто утверждал, что человек после смерти гибнет и исчезает» («شالت ناسنلأل نل لاق نم يلع درلال يف يهلأل نوطالفا قلاسرا»),
- «Комментарии к трудностям во введениях к первой и пятой книгам Евклида» («حرش»),
- «Сводный труд о доказательствах» («سوديلقوا اباتك نم يلوال قلاقملا ردص»),
- «Гражданская политика» («ةيندملا قسايسلال اباتك»),

- «О достижении счастья» («قد اعسل ال لي صحت باتك»),
- «Общность взглядов двух философов» («ن يميك حل ا ي ا ر ن يب عم جل ا باتك»),
- «Трактат о религии» («قل مل ا باتك»),
- «Большая молитва» («م يظ ع ا ع د»),
- «Из блестящих вопросов и собранных ответов» («ة عم ا جل ا ق ب و ج ا ل ا و عم ال ل ا ق ل ا ن ا م»),
- «Трактат о взглядах жителей добродетельного города» («قل ض ا فل ا ق ن ي د م ل ا ل ه ا ا ر ا»),
- «اهت ا د ا ض و»),
- «Извлечения» («ة عز ت ن م ل و ص ف»),
- «Диалектика» («ل د ج ل ا باتك»),
- «Вводный трактат в логику» («ة ط و ت ل ا ص ن»),
- «Книга «Эйсагоге», или «Введение» («ي ج و غ ا س ي ا»),
- «Силлогизм» («س ا ي ق ل ا باتك»),
- «Малый силлогизм по подобию способа аль-мутакаллимов (догматических богословов)» («ن ي م ل ك ت م ل ا ق ي ر ط ي ل ع ر ي غ ص ل ا س ا ي ق ل ا باتك»),
- «Книга по аналитике» («ل ي ل ح ت ل ا باتك»),
- «Софистика» («ق ط ل غ م ل ا ق ن ك م ا ل ا باتك»),
- «О целях книги Аристотеля «Метафизика»» («س ي ل ا ط و ط س ر ا ض ر غ ن ع ق ن ا ب ا ل ا باتك»),
- «ة ع ي ب ط ل ا د ع ب ا م ا باتك ي ف»),
- «О значениях слова «интеллект» («разум»)» («ل ق ع ل ا ي ن ا ع م ا باتك»),
- «О том, что должно предшествовать изучению философии» («ن ا ي غ ب ن ي ا م ا باتك»),
- «قف س ل ف ل ا م ل ع ت ل ب ق م د ق ي»),
- «Существа вопросов» («ل ا س م ل ا ن و ي ع ا باتك»),
- «Трактат о том, что правильно и что неправильно в приговорах звезд», или «Трактат об астрологии» («م و ج ن ل ا م ا ك ح ا ي ف ح ص ي ا ل ا م و ح ص ي ا م ي ف ت ك ن ل ا باتك»),
- «Философские вопросы и ответы на них», или «Ответы на вопросы философов» («ا م ن ع ق ب و ج ا ل ا و ة ي ف س ل ف ل ا ل ا س م ل ا باتك»),
- «Основы мудрости», или «Жемчужины премудростей» («عم م ك حل ا ص و ص ف ا باتك»),
- «م ل ك ل ا ص و ص ن ه ح ر ش»),
- «Трактат о канонах искусства поэзии» («ا ر ع ش ل ا ع ا ن ص ن ي ن ا و ق ي ف ق ل ا س ر»),
- «Афоризмы государственного деятеля» («ي ن د م ل ا ل و ص ف ا باتك») и др.

Литература

1. Аль-Фараби. Избранные трактаты. Перевод с арабского. – Алматы, 1994. – 448 с.
2. Хайруллаев М.М. Мироззрение Фараби и его значение в истории философии. – Ташкент, 1967. – 354 с.
3. Чалоян В.К. Восток – Запад. – М., 1968. – 216 с.
4. Али-заде А. Хроника мусульманских государств I-VII веков хиджры. – М., 2004. – 445 с.
5. Netton I. R. Al-Farabi and His School. – Cruzon Press, 1992, Psychology Press. – 128 p.
6. Гафуров Б.Г., Касымжанов А.Х. Аль-Фараби в истории культуры. – М., 1975. – 184 с.
7. Даукеева С. Философия музыки Абу Насра Мухаммада аль-Фараби. – Алматы, 2002. – 352 с.

8. Халидов А.Б. Книжная культура // Очерки истории арабской культуры V-XV вв. – М., 1982. – С. 215-310.

References

1. Al-Farabi (1994) *Izbrannye traktaty* [Selected treatises]. Perevod s arabskogo. Almaty. 448 p. [in Russian].
2. Hajrullaev M.M. (1967) *Mirovozzrenie Farabi i ego znachenie v istorii filosofii* [The worldview of Farabi and its significance in the history of philosophy]. Tashkent. 354 p. [in Russian].
3. Chaloyan V.K. (1968) *Vostok – Zapad* [East - West]. Moskva [Moscow]. 216 p. [in Russian].
4. Ali-zade A. (2004) *Hronika musul'manskih gosudarstv I-VII vekov hidzhry* [Chronicle of Muslim states of the I-VII centuries of hijra]. Moskva [Moscow]. 445 p. [in Russian].
5. Netton I. R. (1992) *Al-Farabi and His School*. Cruzon Press, Psychology Press. 128 p.
6. Gafurov B.G., Kasymzhanov A.H. (1975) *Al'-Farabi v istorii kul'tury* [Al-Farabi in the history of culture]. Moskva [Moscow]. 184 p. [in Russian].
7. Daukeeva S. (2002) *Filosofiya muzyki Abu Nasra Muhammada al'-Farabi* [The philosophy of music of Abu Nasra Muhammad al-Farabi]. Almaty. 352 p. [in Russian].
8. Halidov A.B. (1982) *Knizhnaya kul'tura* [Book culture] // *Ocherki istorii arabskoj kul'tury V-XV vv.* [Essays on the history of Arab culture V-XV centuries]. Moskva [Moscow]. P. 215-310. [in Russian].

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна
Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна
Khisamitdinova Firdaus Gilmutdinovna

Альфия Юсупова
доктор филологических наук,
профессор кафедры
общего языкознания и тюркологии
Казанский федеральный университет
Казань, Российская федерация
E-mail: alyusupova@yandex.ru

Нурила Шаймердинова
доктор филологических наук,
профессор кафедры тюркологии
Евразийский национальный университет
им. Л. Гумилева
Нур-Султан, Казахстан
E-mail: nurila1607@mail.ru

Альфия Юсупова
филология ғылымдарының докторы,
Жалпы тілбілімі және түркітану
кафедрасының профессоры
Казан федеральды университеті
Казан, Ресей федерациясы
E-mail: alyusupova@yandex.ru

Нурила Шаймердинова
филология ғылымдарының докторы,
түркітану кафедрасының профессоры
Л.Н. Гумилев атындағы
Еуразия ұлттық университеті
Нұр-Сұлтан, Қазақстан
E-mail: nurila1607@mail.ru

Alfiya Yusupova
Doctor of Philology,
Professor of the Department of
General linguistics and Turkology
Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
E-mail: alyusupova@yandex.ru

Nurila Shaimerdinova

Doctor of Philology, professor

L.N.Gumilyov Eurasian National University

Nur-Sultan, Kazakhstan

E-mail: nurila1607@mail.ru

DOI:<https://doi.org/10.32523/2664-5157-2020-2-1-83>

В этом году российская и международная научная общественность отмечает юбилей доктора филологических наук, профессора, член-корреспондента Академии наук Республики Башкортостана, научного руководителя Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук Фирдаус Гильмитдиновны Хисамитдиновой.

Фирдаус Гильмитдиновна Хасамитдинова – ученый с необычайно широким диапазоном научных интересов, из которых основными являются тюрко-башкирская филология, в первую очередь ономастика, этимология, историческая фонетика, этнолингвистика и лексикография башкирского языка.

Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова родилась 1 января 1950 г. в деревне Рахметово Абзелиловского района Башкирской АССР. В 1970 году успешно окончив Белорецкое педагогическое училище, она поступила на филологический факультет Башкирского педагогического института. После окончания института Ф.Г. Хисамитдинова работала учителем русского языка и литературы. В 1976 году выдержав вступительные экзамены, она поступила в аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР в Москве.

С 1978 по 1985 год работала младшим, старшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР. С первых дней работы в институте молодой ученый активно включается в научную работу, участвует в подготовке к печати «Словаря топонимов Башкирской АССР» и двух сборников по топонимике и диалектологии.

В Институте Ф.Г. Хисамитдиновой параллельно разрабатывались две темы: первая - «Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный + глухой смычный», вторая тема была посвящена формированию ойконимической системы башкирского языка в историческом освещении. Эти темы стали для Фирдаус Гильмитдиновны основой для защит кандидатской и докторской диссертаций. В 1980 году ею была защищена кандидатская диссертация, а в 1989 году на базе защищенной диссертации была опубликована книга «История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике», в которой был освещены истоки, история формирования башкирской фонетико-фонологической системы, дана характеристика особенностям консонантной системы башкирского языка, раскрыты сочетаемость смычных, щелевых и сонорных консонантов.

В 1993 году Ф.Г. Хисамитдинова защищает докторскую диссертацию в Институте языкознания РАН. В эти же годы издаются монография «Башкирская ойконимия XVI-XIX вв.» (Уфа, 1991) и словарь «Географические названия Башкортостана» (Уфа, 1993).

С 1985 по 1995 год Фирдаус Гильмитдиновна работала старшим преподавателем, доцентом, заведующей кафедрой башкирского языкознания (с 1987 года), профессором, деканом факультета башкирской филологии (с 1992 года) в Башкирском государственном педагогическом институте (ныне университет). В эти годы она проделала большую работу по созданию и укреплению факультета башкирской филологии, кафедр башкирской филологии, башкирского языка, башкирской литературы и культуры, башкирско-английского, башкирско-турецкого, башкирско-немецкого отделений, специальности «Башкирский язык, история и культура Башкортостана».

С 1995 по 1998 год Ф.Г.Хисамитдинова работает министром народного образования Республики Башкортостан, отдает колоссальные силы и время для укрепления национального языка и культуры, повышения качества образования в школах, колледжах и вузах; уделяет большое внимание законодательным нормативам в сфере образования и культуры Республики.

В 1998 году профессор Ф.Г.Хисамитдинова вернулась в родной Институт истории, языка и литературы, работала заместителем директора Института, а 2005 года возглавила Институт. С 2017 года она стала научным руководителем ИИЯЛ УФИЦ РАН. Все эти годы Фирдаус Гильмитдиновна ведет большую и активную научно-организационную, научно-исследовательскую и научно-педагогическую деятельность.

Ф.Г.Хисамитдинова является автором более 400 научных и научно-методических трудов, увидевших свет не только в России, но и во многих странах ближнего и дальнего зарубежья. Среди этих трудов ученого высок научный потенциал публикаций, посвящённых башкирской мифологии, лечебной и охранительной магии: словари «Башкорт мифологияһы» (2002; «Башкирская мифология»), «Мифологический словарь башкирского языка» (2010). Фирдаус Гильмитдиновна активно сотрудничает с отечественными и зарубежными учеными, о чем свидетельствуют ее совместные публикации такие, как «Говорю огню» (1997; совм. с Й.Тормой, на венг. яз.); «Башкиры» (2003; совм. с З.Г.Ураксиным), вышедший в серии «Культурное наследие народов России»; «Коренные народы России. Башкиры» (2007; совм. с Р.З.Янгузиным); коллективная монография «История башкирского народа» в 7 томах, с 8 книгами приложениями (2009-2014), «Башкиры» (2016).

Неоценима научная деятельность ученого по развитию лексикографии башкирского языка. Так, под руководством члена-корреспондента Академии наук РБ, доктора филологических наук, профессора Фирдаус Хисамитдиновой создан Академический словарь башкирского языка в 10 томах (2011-2018 гг.). «Академический словарь башкирского языка» является уникальным в своем роде толково-переводным словарем на четырех языках (башкирском, русском, турецком, английском). Словарь не имеет аналога в тюркском языкознании. Толкование слов и фразеологических единиц дается на башкирском языке с переводом на русский язык.

Научный потенциал и деятельность Фирдаус Гильмитдиновны глубоко проявляется и в разработке научных проектов: она является руководителем и исполнителем ряда международных научных проектов, среди которых проект ИНТАС (Бельгия) по

разработке учебника башкирского языка для иностранцев и изучение ислама в России; проект Международного института по переводу Библии (Стокгольм) и т.д.

Международные научные контакты ученого не ограничиваются публикацией работ, участием в грантовых проектах. Ф.Г.Хисамитдинова является участником более 60 международных форумов, в частности алтаистической конференции ПИАК, Международного конгресса тюркологов и т.д. Большое внимание Фирдаус Гильмитдиновна уделяет подготовке научных кадров, под ее руководством защищены 2 докторские и 11 кандидатских диссертаций.

Ф.Г.Хисамитдинова известна в Республике Башкортостан как большой общественный деятель: в 1994-1999 гг. она избирается депутатом первого созыва Государственного собрания - Курултая Республики Башкортостан и принимает активное участие в разработке и принятии законов РБ об образовании, культуре, средств массовой информации, молодежной и семейной политике.

В общественной деятельности Ф.Г.Хисамитдиновой необходимо отметить ее работу на посту председателя Союза женщин Республики Башкортостан (1996-1998), Общества башкирских женщин Республики Башкортостан (2000-2003), женской комиссии Исполкома Всемирного курултая башкир.

За большие заслуги в развитии российской науки Фирдаус Хисамитдиновой присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (2008). В 2014 году Фирдаус Гильмитдиновна награждена орденом Дружбы народов.

От имени коллег, всей тюркологической общественности мы желаем дорогой Фирдаус Гильмитдиновне здоровья, счастья и новых больших успехов в ее многогранной научной, научно-организационной и общественной деятельности!

Монографии и словари Ф.Г.Хисамитдиновой

1. История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. – Уфа: БашГПИ, 1989. – 96 с.
2. Башкирская ойконимия XVI-XIX вв. – Уфа: Башкиргиздат, 1991. – 254 с.
3. Географические названия Башкортостана. – Уфа: 1992. – 96 с.
4. Лука тасуирлаган Инжел(Евангелие от Луки). – Стокгольм-Москва, 1996. – 122 с.
5. «A tuznek mondom!» (A Baskir nepi orvoslas magikus elemeinek mai rendszere)/ - Budapest, 1997.-156 s. (соавт. Тормай Жеф)
6. История и культура Башкортостана. – М.: АО МДС, 1997. – 480 с.
7. Русско-башкирский словарь справочник личных имен, отчеств и фамилий. – Уфа, 2000. – 86 с. (в соавт.)
8. Русско-башкирский словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан. – Уфа: Китап, 2001. – 320 с. (в соавт.)
9. Башкорт мифологияһы: Белешмә-һүзлек. – Өфө, Гилем, 2002. – 126 б.
10. Названия башкирских населенных пунктов XVI-XIX вв. – Уфа: Информреклама, 2005. – 280 с.

11. Русско-башкирский словарь названий водных объектов. – Уфа, 2005. – 256 с. (в соавт.)
12. Тәрки сыганаклы һәм төрки элементлы башкорт исемдәре. – Өфө: Китап, 2006. – 120 б.
13. Башкорттарзың им – том китабы: дауалау һәм һаклау магияһы. – Өфө: Информреклама, 2006. – 180 б.
14. Русско-башкирский словарь названий улиц городов Республики Башкортстан. – Уфа, 2008. – 310с. (в соавт.)
15. Лечебная и охранительная магия башкир. – Уфа, 2009. – 340 с.
16. История башкирского народа: в 7 т., Т. I./ гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – М.: Наука, 2009. – 400 с. (в соавт.).
17. История башкирского народа: в 7 т. Т. V. / гл. ред. М. М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. - Уфа: Гилем, 2010. – 468 с. (в соавт.).
18. Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010. – 452 с.
19. Словарь башкирской мифологии. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 420 с.
20. Башкирско-русский, русско-башкирский словарь. – Уфа: Говорун, 2011. 240 с.
21. История башкирского народа: в 7 т. Т. VI. / гл. ред. М. М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – М.: Восточная литература, 2011. - 376 с. (в соавт.).
22. Академический словарь башкирского языка. В 10 томах. Т. I. – Уфа: Китап, 2011. – 432 с. (в соавт.).
23. Академический словарь башкирского языка. В 10 томах. Т. II. – Уфа: Китап, 2011. –568 с. (в соавт.).
24. Академический словарь башкирского языка. в 10 томах. Т. III.– Уфа: Китап, 2012. – 864 с. (в соавт.).
25. Академический словарь башкирского языка. В 10 т. Т. IV. – Уфа: Китап, 2012. – 944 с. (в соавт.).
26. История башкирского народа. В 7 т. Т. VII. – Уфа: Гилем, 2012. – 424 с. (в соавт.).
27. Атлас артикулярных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка. –Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 104 с. (в соавт.).
28. Академический словарь башкирского языка в 10 томах. Т. V. – Уфа: Китап, 2013. – 888 с. (в соавт.).
29. Атлас артикулярных настроек согласных южного диалекта башкирского языка. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. – 108 с. (в соавт.).
30. Атлас артикуляторных настроек северо-западного диалекта башкирского языка. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – 116 с. (в соавт.).
31. Академический словарь башкирского языка в 10 томах. Т. VI. – Уфа: Китап, 2014. – 944 с. (в соавт.).
32. Академический словарь башкирского языка. В 10 т. Т.VII. – Уфа: Китап, 2015. – 870 с.
33. Башкорт мифологияһы һүзлеге. – Өфө, 2015. – 412 с.

34. Башкиры (народы и культуры). – М.: Наук, 2016. – 662 с. (в соавт.).
35. Мифологическая лексика башкирского языка в этнолингвистическом освещении. –Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. –400 с.
36. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. –Астана: “Ғылым” баспасы, 2017. –164 с. (в соавт.)
37. Академический словарь башкирского языка. В 10 т. Т.VIII. – Уфа: Китап, 2016.– 832 с.
38. Академический словарь башкирского языка. В 10 т. Т.IX. – Уфа: Китап, 2017. – 978 с.
39. Академический словарь башкирского языка. В 10 т. Т.X. – Уфа: Китап,2018. – 980 с.
40. Коренные народы России. Башкиры. –Уфа: Китап, 2018. – 352 с. (в соавт.)

Профессор З.Г. Бисенғалидың ғалымдық тұлғасы
Creative personality of professor Z.G. Bisengaly
Творческая личность З.Г. Бисенгали

Жанғара Дәдебаев

филология ғылымдарының докторы, профессор
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы, Қазақстан
E-mail:dadebae48@mail.ru

Zhangara Dadebaev

Doctor of philological sciences, Professor
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan
E-mail:dadebae48@mail.ru

Жанғара Дәдебаев

доктор филологических наук,
профессор,
Казахский национальный университет
им. аль-Фараби
Алматы, Казахстан
E-mail:dadebae48@mail.ru

DOI:<https://doi.org/10.32523/2664-5157-2020-2-1-88>

Қазақ әдебиетін зерттеуші, филология ғылымдарының докторы, профессор Зейнол-Ғабден Бисенғали 1950 жылдың 21 қаңтарында Атырау облысы, Құрманғазы ауданы, Алға ауылында дүниеге келген. Ол 1967 жылы ҚазМУ-дің филология факультетіне оқуға түсіп, оны 1972 жылы үздік дипломмен бітіріп шығады. 1978 жылы ҚазМУ-дің қазақ әдебиеті кафедрасының аспирантурасына, ғылыми-педагогтік жұмысқа Қазақ радиосындағы журналистік қызметте жинаған өмірлік, қаламгерлік тәжірибемен келді.

Жастарға арналған хабарларында З.Бисенғали Қазақстан өміріндегі мәнді оқиғалар мен қоғам өміріндегі келелі мәселелерді қозғап, өскелең ұрпақтымазалаған сан түрлі сұрақтар мен ойларға басты назар аударды. «Өрендер» клубы мен «Естен кетпес ерлік беттері» атты бағдарламада замана сұрақтарына жауап іздей отырып, от пен судан өткен соғыс, еңбек ардагерлері мен белгілі қоғам қайраткерлерінің, көрнекті қаламгерлер мен өнер шеберлерінің әңгіме-сұхбаттарын пайдаланды. Олардың өмір жолы мен шығармашылығы туралы эссе, деректі әңгіме, очерктер жазады. Бұл материалдардың қайсысында да жетпісінші жылдар жастарына тән қасиеттермен қатар, жеке тағдырлар тарихы қозғалады, автордың өзіндік ойы, көзқарасы байқалып тұрады.

1981 ж. аспирантураны бітіргеннен кейін, қазақ тілі мен әдебиеті кабинетінің инженері қызметінен бастап оқытушы, аға оқытушы, доцент, профессор, кафедра меңгерушісі

лауазымдық сатыларындағы оқу-методикалық, ғылыми-зерттеушілік жұмыстармен айналысады. Кандидаттық, докторлық диссертациялар қорғайды.

2001-2009 жылдар аралығында қазақ әдебиеті кафедрасының меңгерушісі қызметін атқарады.

З.Бисенғалидың кандидаттық жұмысының нәтижелеріне негізделген «XX ғасыр басындағы қазақ прозасы» атты монографиясы әдебиеттану ғылымы мен тарихы үшін аса маңызды мәселелердің бірі – қазақ прозасының жанр ретінде даму жолдарының бастауларына арналған.

Диссертация жазылған жылдарда қазақ прозасы қалыптасуының бастауын Қазан революциясынан (1917 ж.) кейін тікелей орыс әдебиеті ықпалымен байланыстыратын қатпа пікір берік орын алып, әбден қалыптасқан болатын.

1930 жылдардың ішінде «... эпостан эпопеяға» алып адым жасаған қазақ прозасының ірі табыстарға жетуіне негіз болған жағдай мен себеп, сол кездегі әдебиетіміздің ішкі даму үрдістері назардан тыс қалатын. Ал оны жан-жақты зерттемейінше, қазақ прозасының алып адымын, жедел дамуын түсіндірудің қиындығын айта келе, алуан түрлі әдеби, тарихи деректерді, архив материалдарын кеңінен пайдаланып, З.Бисенғали «қазақ прозасы 1917 жылға дейін көркем жанр түрінде қалыптасты» деген қорытындыға келеді.

Зерттеуші қазақ прозасы қалыптасуына ықпал еткен XX ғасыр басындағы мерзімді баспасөз бетіндегі прозалық шығармалар мен көркем аудармаларды, әдеби сынды жан-жақты талдау барысында «Айқап» журналының әдеби қызметіне арнайы тоқталады. Оның бетінде жарық көрген прозалық шығармаларды жүйелей талдап, көркем проза тілінің қалыптасуындағы бұл шығармалардың рөлін көрсетеді, әдеби айналымға бұрын енбеген жаңа шығармаларды қосады.

Осыған сәйкес проза жанрының күрделі түрлерінің даму жолдары мен оған әсер еткен объективті, субъективті жағдайлар да еңбекте нақты әдеби-тарихи деректерге сай көрсетіледі. Атап айтқанда, Б.Ержановтың «Оқуға махаббат», А.Жандыбаевтың «Жас ғұмырым яки жастықта ғафлат», Т.Жомартбаевтың «Қыз көрелік», Б.Майлиннің «Шұғаның белгісі», С.Торайғыровтың «Қамар сұлу», С.Көбеевтің «Қалың мал» т.б. роман, повестері жанр заңдылықтары мен қазақ қоғамдық санасы дамуының нәтижесі ретінде дәлелденеді. Сондай-ақ қазақ прозасы дамуындағы көрші елдер әдебиеті мен әлемдік әдебиет ықпалына да ерекше назар аударады: «Осы шығармалардың қайсысында да профессионалдық қазақ прозасының октябрьден кейінгі алып адымдарына негіз болған тәжірибе мен көркем проза тәсілдері жинақталды. Оның қажетті компоненттері, тілі қалыптасты, құрылысы әдеміленіп, жүйеге түсіп, көз тарта бастады. Сөйтіп, «жазушылардың жаңа жанрларды игеру жолындағы ізденістері мен табыстары және көрші елдер әдебиетінің ықпалы бірлесе келе, қазақ прозасын профессионалдық жаңа, күрделі, көркем прозаға алып келді» деген қорытынды жасайды.

Жаңа көзқарасқа негізделген «XX ғасыр басындағы қазақ прозасының қалыптасу жолдары» атты оқу-методикалық құрал (1983) осы концепцияда жазылған еді. Бұл жаңа пікір болатын. З.Бисенғалидің ғылыми-шығармашылық қызметіндегі зерттеушілік

ізденістері мен ойларының жаңа бағыттарын анықтайтын докторлық еңбегі қазақ романының даму жолдарына арналған. «XX ғасыр басындағы қазақ романы» аталатын монография (1997) ғалымның талай жылдарға созылған ізденістері мен зерттеулеріне, әлемдік әдебиеттануда басталған жаңа бағыттар, ғылыми-әдіснамалық тәжірибелер нәтижелеріне негізделген.

Зерттеуші осы кезеңде жарық көрген романдарды диахронды, синхронды бағытта алып, объективті-аналитикалық тұрғыда, теологиялық әдістеме негізінде талдайды. Жанр дамуының типологиялық заңдылықтарын көрсетеді. М.Дулатовтың «Бақытсыз Жамал», Т.Жомартбаевтың «Қыз көрелік», С.Көбеевтің «Қалың мал», С.Торайғыровтың «Қамар сұлу», «Кім жазықты?», М.Көшімовтің «Мұңлы Мариям». Ш.Құдайбердиевтің «Әділ мен Мария», Ж.Аймауытовтың «Қартқожа», «Ақбілек», С.Мұқановтың «Сұлушаш», «Адасқандар», М. Әуезовтің «Қилы заман» романдарының жазылуына, көркемдігіне ықпал еткен мәдени, әдеби-тарихи факторларды атай келе, «басты мәселеромандық ойлаудың қалыптасуында» деп түйіндейді. Қазақ қоғамындағы осы қажеттіліктің, романдық ойлаудың қалыптасуы шын мәнінде күрделі жанрдың тез өркендеуіне әсер еткен бірден-бір фактор болғаны атап көрсетіледі.

Ең бастысы, ғалымосы мәселеге қатысты әдеби-тарихи деректерді сабақтастыра талдай келіп, қазақ романы тарихындағы орыс әдебиетінің ықпалы бірден-бір себеп емес, оған әсер еткен көп фактордың бірі болғанын дәлелдейді. Әрине, XX ғасыр басындағы қоғамдық сана дамуына айтарлықтай әсер еткен саяси-экономикалық, идеологиялық негізгі себептер аталады.

XX ғасыр басындағы қазақ романдарында: «... Батыс Еуропа романдарындағы көркемдік ізденістер дамудың синхронды сипатта болғанын көрсетеді», – деп, қазақ романын сол жүйемен салыстырады. «Қазақ романдарын Еуропа романтикашылары да басшылыққа алған ұстанымдарды қолдана отырып топтар болсақ, үндестік байқалады: мысалы, биографиялық, автобиографиялық, мемуарлық роман – «Тар жол, тайғақ кешу», ұлттықтарихи роман – «Қилы заман», тәрбиелік роман – «Қалың мал», «Қыз көрелік», әлеуметтік-психологиялық роман – «Мұңлы Мариям», сатиралық роман – «Қалың мал», ғылыми-фантастикалық роман – «Қыз көрелік», әлеуметтік-философиялық роман – «Әділ мен Мариям», романтикалық роман – «Сұлушаш», роман-эссе – «Жас ғұмырым яки жастықта ғафлат» т.б. Әрине, аталған роман түрлерінің кейбір шығармаларда ерекше үлгіде кездесетінін есте ұстау керектігі де көрсетіледі.

З.Бисенғали осы жылдарда дүниеге келген «Тар жол, тайғақ кешу», «Сұлушаш», «Адасқандар», «Ақбілек», «Қилы заман» т.б. романдардың поэтикалық тұрғыдан өзге елдерде осы кезде жазылған романдардан кем еместігін көркемдік талдаулар арқылы дәлелдейді. «Қазақ профессионалдық жаңа романы өз құрылымы мен бейнелеу құралдарын ұштауда дәстүрлі әдебиетке, ауыз әдебиеті мен халық прозасына, романдық эпосқа сүйенді, содан нәр алды», – деп атап көрсетеді.

«Қазақ әдебиеті замана, уақыт, қоғам, адам тіршілігінің пәлсапасын эстетикалық игеру бағытында халық әдебиеті мен мәдениетінің інжу-маржандарын қолданды. Қазақ халқының сөз өнеріне етене жақындығы, ерекше қабілеті әлемге белгілі. Оның

дүниені эстетикалық қабылдау, бейнелеу әрекетінің аса еркіндігі, өткірлігі, шеберлігі әмбеге аян. Осы асыл қазынананың арқасында қазақ қоғамдық санасы романдық ойлауға еркін көтерілді. Қазақ жаңа романы өсіп-өнген, өркен жайған құнарлы топырақ – осы» деген ғылыми тұжырымдарын ұсынады.

Проф. З.Бисенғалидің 2000 жылы жарық көрген «Казахская проза начала XX века» деп аталатын оқу құралы мен 2003 жылы басылып шыққан «Казахский роман начала XX века» атты оқу құралы да осы концепцияны басшылыққа алған.

Оқу құралдары орыс аудиториясына арналған қазақ прозасының тарихын, жанрлық жүйесін, көркемдігін біршама көлемді түрде таныстыратын тұңғыш еңбек болып табылады.

Проф. З.Бисенғали оқу-методикалық қызметінде де осы бағытты жалғастырып келеді. Қазақ әдебиетінің тарихы мен теориясынан жалпы курстар оқумен қатар, «Қазақ әдебиетінде проза жанрының қалыптасуы», «Қазақ прозасының поэтикасы», «Қазақ романының тарихы», «С.Мұқановтың шығармашылық шеберханасы», «Ғ.Мүсіреповтің шеберлігі», «Жазушы шеберлігі» т.б. арнайы курстар оқиды. Осы курстарға арнап «Қазақ әдебиеті тарихы» (XX ғ.), «Жазушы шеберлігі», «Қазіргі әдебиеттанудың өзекті мәселелері», «С.Мұқанов шығармашылығы», «Ғ.Мүсірепов шеберлігі» аталатын методикалық құралдар мен оқу бағдарламаларын жасап, жариялады.

Соңғы жылдарда «Абай қарасөздерінің поэтикасы» мен оның «Абай жолы» эпопеясында қолданылуы және «М.Әуезовтің «Қилы заман» романы және М.Қ. Дулатидың «Тарихи Рашиди» мемуарлық романы туралы мақалалар шоғырын жариялады.

Проф. З.Бисенғалидың ұстаздары – академиктер З.Қабдолов, З.Ахметов, профессорлар Х.Сайкиев, Т.Нұртазин, Б.Кенжебаев, Н.Ғабдуллин, Х.Сүйіншәлиев, Т.Кәкішев, Р.Нұрғали, Ө.Шеденов, А.Еспенбетов туралы портрет, очерктер, қаламгерлер М.Әуезов, Ш.Айтматов, Ә.Кекілбаев, М.Мағауин, Ж.Молдағалиев, Ж.Нәжімеденов, С.Бегалин, Ж.Арыстанов, Ә.Нұршайықов, Ә.Сәрсенбаев, Б.Соқпақбаев, О.Бөкей т.б. туралы сұхбат-әңгімелер, КСРО халық әртісі Р.Бағланова, ҚР халық әртістері Н.Қаражігітов, Қ.Тастанбеков, әйгілі композитор Ә.Бейсеуов, Кеңес Одағының Батырлары Қ.Хамзин, Қ. Сұрағанов, А.Суханбаев, М.Мәметова, Социалистік Еңбек Ерлері М.Көлжанова, З. Күдербаева т.б. туралы түрлі деректі әңгімелер жазғаны ғалымның тұлғатану саласындағы еңбегін айқындайды. Бұл еңбектер Қазақстаннан тыс аудиторияларға таныс.

Проф. З.Бисенғали – ғылыми-педагогтік зерттеу шараларымен қатар ғалым-мамандар даярлау ісіне де белсене араласқан ғалым. Оның жетекшілігімен екі ғылым докторы, 30-ден астам ғылым кандидаттары ғылыми зерттеулерін қорғады.

Ғалымның қазақ романына қатысты «XX ғасыр басындағы қазақ романы» атты монографиясы 2000 жылы Түркияда (түрік тілінде) Мұғла университеті баспасынан екі кітап түрінде жарық көрді. Зерттеушінің Абай қарасөздері мен Махамбет поэзиясы, М.Әуезов пен Ш.Айтматов туралы ғылыми мақалалары Қытай Халық Республикасында (қытай тілінде) Жапонияда (жапон тілінде), Түркияда, Қырғызстанда жарияланды.

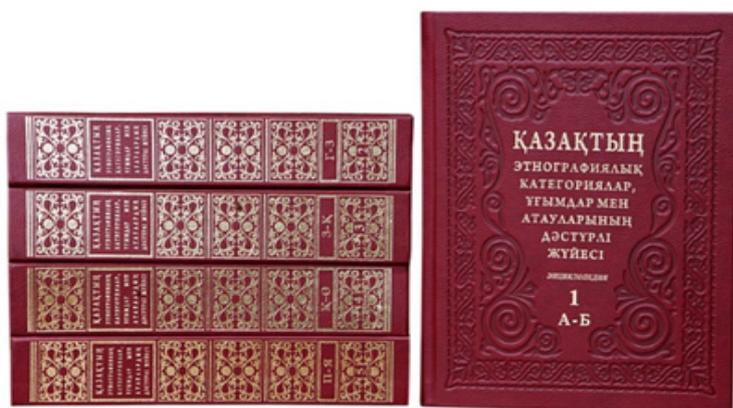
1998 жылдан әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті жанындағы филология ғылымдарының докторы дәрежесін беру жөніндегі ДК 14 А. 02.22 Диссертациялық кеңестің ғалым хатшысы және ҚазҰУ Хабаршысының (филология сериясы) бас редакторының орынбасары, «Қазақ және әлем әдебиеті» журналының, «Тұран-факт» аймақтық апталық газетінің алқа мүшесі.

2006-2007 оқу жылында ҚР Білім және ғылым министрлігінің грантын иеленіп, «Жоғары мектептің үздік оқытушысы» атанды.

Шығармалары

1. Абай қарасөздерінің болмысы мен бітімі // Абайтану. Таңдамалы шығармалар. Т. 8.– Алматы, 2016.
2. Абай қарасөздері және М.Әуезов энциклопедиясы// Абайтану.Таңдамалы шығармалар, т.29. – Алматы, 2017.
3. Абайтану және Абай қарасөздері (қытай тілінде). Қазақ әдебиеттануы. – ҚХР. Шыңжаң халық баспасы, 2006.
4. Казахская проза начала XX века. Учебное пособие. – Алматы: Қазақ университеті, 2000.
5. Казахский роман начала XX века. Учебное пособие. – Алматы, 2003.
6. Көкжиек: ғылыми мақалалар топтамасы. – Алматы: Таугүл – ПРИНТ, 2010
7. Қазақ романы. Монография. – Ақтөбе: Раритет, 2003.
8. Қазақ романы. Оқу-әдістемелік құрал. – Алматы: Қазақ университеті, 2003.
9. Қазақ филологиясы: Егіз негіз (ғылыми мақалалар жинағы. Ж. Манкеевамен бірге) – Алматы: Арыс, 2010.
10. Қазақ прозасы: Жаңа роман жолында, 2-кітап. Зерттеу. – Алматы: Арыс, 2010.
11. Қырқыншы-алпысыншы жылдардағы қазақ әдебиеті. Оқу құралы. – Алматы: Қазақ университеті, 2006.
12. Ұлттық рух (М.Өтемісұлы поэзиясы. Жапон тілінде) – JACAS (Japan Association for Central Asian studies). – Токио, №5. – 55-64 бб.
13. Buyuk ustanin dahi talebesi (түрік тілінде), 2 - Ш.Айтматов күндері. – Анкара,2009.
14. XX ғасыр басындағы қазақ романы. Монография (1-кітап) (түрік тілінде). – Хазиран: Мугла университеті, 2000.
15. XX ғасыр басындағы қазақ романы. Монография (2-кітап) (түрік тілінде) – Хазиран: Мугла университеті, 2000.
16. XX ғасыр басындағы қазақ романы. Оқу-әдістемелік құрал. – Алматы: Қазақ университеті, 2003.
17. XX ғасыр басындағы қазақ прозасы. Оқу-методикалық құрал. – Алматы, 1983.
18. XX ғасыр басындағы қазақ прозасы. Монография. – Алматы: Мектеп, 1989.
19. XX ғасыр басындағы қазақ романы. Зерттеу. – Алматы: Өлке, 1997.

**Ценный вклад в этнологическое казаховедение
Этнологиялық қазақтануға бағалы үлес
Valuable contribution to ethnological Kazakh studies**

Кумеков Б.Е.
академик НАН РК,
доктор исторических наук,
профессор
Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева
Нур-Султан, Казахстан
E-mail: bkumek@mail.ru

Ибраев Ш.
доктор филологических наук,
профессор
Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева
Нур-Султан, Казахстан
E-mail: sh.ibraev1950@mail.ru

Көмеков Б.Е.
ҚР ҰҒА академигі,
тарих ғылымдарының докторы,
профессор
Л.Н. Гумилев атындағы
Еуразия ұлттық университеті
Нұр-Сұлтан, Қазақстан
E-mail: bkumek@mail.ru

Ибраев Ш.
филология ғылымдарының докторы,
профессор
Л.Н. Гумилев атындағы
Еуразия ұлттық университеті
Нұр-Сұлтан, Қазақстан
E-mail: sh.ibraev1950@mail.ru

Kumekov B.E.
academician of the national Academy of Sciences RK,

Doctor of history,
Professor
L.N. Gumilyov
Eurasian National University
Nur-Sultan, Kazakhstan
E-mail: bkumek@mail.ru

Ibraev Sh.
Doctor of Philology,
Professor
L.N. Gumilyov
Eurasian National University
Nur-Sultan, Kazakhstan
E-mail: sh.ibraev1950@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.32523/2664-5157-2020-2-1-93>

Традиционная система этнографических категорий, понятий и названий у казахов. 1-5 том. Энциклопедия. Переработанное и дополненное. Научное издание. / Научный ред. и рук. проекта Нурсан Алимбай. – Алматы: «Алем Даму Интеграция», 2017. – 4208 с., илл. (на каз.яз).

Қазақтың дәстүрлі этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атаулар жүйесі. 1-5 том. Энциклопедия. Қайта өңделген және толықтырылған. Ғылыми басылым. / Ғылыми ред. және жобаның жет. Нұрсан Әлімбай. – Алматы: «Алем Даму Интеграция», 2017. – 4208 б. (иллюстрациаланған).

The traditonial system of ethnographical categories conceptions and designations of Kazakhs». Vol. 1-5. Encyclopedia. Revised and expanded. Scientific publication. / Scientific editor and manager of the project Nursan Alimbay. – Almaty: «Alem Damu Integracia», 2017. – 4208 p., ill. (in Kazakh).

В 2011-2014 гг. вышла в свет фундаментальная научно-этнографическая энциклопедия, подготовленная группой исследователей Центрального Государственного музея Республики Казахстан под научным руководством известного ученого-этнолога Нурсана Алимбая. Основными авторами выступают известные историки, этнологи, лингвисты, а также архитекторы, давно занимающиеся разработкой традиционной архитектурной культуры центральноазиатских кочевников, в том числе, казахов. При этом в процесс сбора огромного объема историко-этнографической информации, содержащейся особенно в таких специфических категориях источников, как устная, этнографическая, этнолингвистическая, фольклорная, литературная и т.п. в свое время активно вовлекались выдающиеся этнофоры-знатоки национальной культурной традиции – Жагда Бабалыкулы, Даркембай Шокпарулы, Сеит Кенжеахметулы. Такой удачный творческий союз представителей различных гуманитарных и социальных наук позволил, с одной стороны, намного расширить источниковую базу рецензируемой энциклопедии, с другой – более эффективно реализовать ее предметно-целевые установки.

По утверждению научного руководителя авторского коллектива, на подготовку энциклопедии, состоящей из 3784 страниц, в общей сложности было затрачено более 20 лет. Издание энциклопедии стало значительным событием в научной и культурной жизни страны, которая, как справедливо отмечает в своей рецензии профессор Куралай Кудеринова, представляет собой «подлинную антологию национальной культуры казахов» [1, 95-100 б.]. Первый выпуск энциклопедии стал одним из самых популярных изданий среди различных категорий читателей. Она за короткий срок – в течение двух-трех лет успела стать библиографической редкостью.

Отметим, что научная новизна, актуальность, а также исключительная практическая значимость энциклопедии по достоинству оценены научной общественностью не только нашей страны, но и рядом ведущих зарубежных ученых. В частности, в рецензии турецкого ученого Ерке Озер (Yerke Ozer), опубликованной в международном научном журнале «Milli Folklor» (Турция), дана высокая оценка энциклопедии как фундаментальному труду, не имеющему прямых аналогов в мировой социокультурной и антропологической литературе (журнал входит в международную наукометрическую платформу с высоким уровнем научного цитирования «Thomson Reuters») [2, p. 155-159].

В 2017 году вышло второе издание энциклопедии в том же формате, что и первое (84x1081/16). Однако, последний выпуск энциклопедии капитально переработан в логико-методологическом отношении, существенно дополнен в источниковедческом плане: более 680 статей из первого издания были написаны заново; система доказательств и источниковая база около 700 статей усилены, 527 статей полностью отредактированы и дополнены. В издание также включено 147 новых статей. Как следствие этого объем издания по сравнению с первым увеличен на 424 страницы. Общие же показатели данных изменений в процентном выражении составляют 38,4.

С точки зрения методологии и логики организации и подачи материала эти показатели прекрасно демонстрируют более высокое качественное состояние второго издания энциклопедии. Содержание пятитомной энциклопедии состоит из 5846 статей, охватывающих свыше 10 000 когнитивных единиц – разнохарактерных историко-этнографических категорий, понятий и названий, сформировавшихся на протяжении многих веков в традиционной этнокультурной среде казахов. В энциклопедическом исследовании анализируются только те категории, понятия и названия, которыми казахи-кочевники повседневно оперировали в качестве соответствующих инструментов программирования и планирования своей повседневной разнонаправленной деятельности по созданию условий и средств к существованию. Как известно, такие историко-этнографические категории, понятия и названия в когнитивной антропологии именуются универсалиями, модусами или обобщенно, когнитивными единицами. Они выступают когнитивными моделями-образами окружающей реальности – социальной и естественной среды обитания этноса. Именно в них отложился огромный межпоколенно-этнический опыт и казахов-кочевников. Сложившиеся в кочевой этнокультурной среде с момента зарождения, сложения и восхождения данного типа социальности эти универсалии, модусы, т.е. когнитивные единицы, передавались из поколения в

поколение в более обогащенном виде. Отсюда необходимость, как верно пишет Нурсан Алимбай, когнитологического метода, выступающего в качестве генерального (и генерализирующего) способа организации и подачи самых разнообразных категорий этнографического материала. По утверждению данного автора, такой метод изначально ориентирует исследователя на «точечное» вычленение и изучение каждого проблемно-тематического «узла» традиционного образа жизни казахов, что позволило авторам охватить практически все ключевые аспекты историко-этнографической проблематики. Научно-познавательная эффективность такого подхода прекрасно демонстрируется логически обоснованной, источниковедчески содержательной характеристикой каждой статьи и широким предметно-тематическим диапазоном энциклопедии.

Сказанное хорошо объясняет смысл и огромный эвристический потенциал избранных авторами когнитологически ориентированных предметно-целевых установок энциклопедии. В этом и заключается уникальность рецензируемой книги, что существенно отличает ее от имеющихся к настоящему времени подобных изданий.

Ее весьма насыщенное содержание позволяет реально представить практически весь спектр вопросов исторической этнографии казахов – хозяйственно-культурной деятельности, социальных отношений, различных форм самоорганизации общинников («жуз», «ру-тайпа», «ру»), «бірата» («ата балалары») и т.д.), материальной, нематериальной, соционормативной, экологической культуры, системы жизнеобеспечивающих средств, механизмов (институтов, принципов и норм) программирования и отправления ритуально-обрядовой практики жизненного цикла, структуры, содержания и организующей и жизнеобеспечивающей функции того или иного вида народных знаний, идеологии и практики традиционного судопроизводства (антропология обычного права), менталитета и этикета различных категорий кочевников и т.д. В этом качестве материалы энциклопедии представляют и источниковедческий интерес как бесценный систематизированный источник получения необходимой информации практически обо всех сторонах традиционного образа жизни казахского народа.

Все статьи, входящие даже в одну тематику, рассредоточены по всем пяти томам издания, поскольку они, как подобает энциклопедическому жанру, размещены в алфавитном порядке. Однако проблемно-тематические и семантические связи этих статей в энциклопедии демонстрируются следующим весьма оригинальным способом: практически в каждой статье имеются ссылки на соответствующие содержательно-тематически близкие «родственные» статьи. И эти ссылки носят перекрестный характер, т.е. во всех таких «родственных» статьях имеются взаимные ссылки друг на друга. Эти ссылки, в сущности, означают семантически и тематически взаимообусловленные и взаимозависимые связи между такими статьями. Читатель же знакомясь той или иной статьей, имеет реальную возможность существенно конкретизировать и обогатить свои познания путем изучения и других «родственных» статей, ориентируясь на соответствующие ссылки, в том числе и перекрестные. Выполняющие таким образом ориентирующие функции эти ссылки в то же время означают, что те или иные «родственные» статьи соответственно образуют тематически единую проблематику.

Снабжение статей отмеченными тематически ориентирующими ссылками, в сущности, представляет собой методически весьма удачный способ организации и подачи материала.

В качестве примера можно привести цикл статей по традиционному коневодству казахов, размещенных по всем пяти томам энциклопедии. Главной генерализирующей (системо-смыслообразующей) статьей в данном цикле публикаций, по понятным причинам, выступает обширная статья «жылқы» (автор: проф. Нургельды Уали). Читатель, ориентируясь в первую очередь по ссылкам, имеющимся в этой же статье, а также перекрестные ссылки в тематически «родственных» статьях, может реально представить традиционную технологию ухода и выпаса, а также хозяйственные, витальные, престижно-символические, ритуально-обрядовые, даже институциональные и т.п. функции данного культового животного. Таковыми «перекрестными» статьями являются – «жылқы», «ат», «айғыр қою», «айғырдың жалын майлау», «айғырдың кекіліне тоқпақ (тас) байлау», «бие», «бие байлау», «май» және «майлау», «ер», «ер тұрман», «ер тоқым», «құлын», «жабағы», «құнан», «тай», «қымыз», «саумал», «ас/ас беру», «жақтау», «бөйге», «астағам», «ет», «жылқышы», «жылқы үйрету», «көш», «жайылым», «жүген», «қамшы», «жорға дауы», «жүйрік аттың сыны», «ат әбзелі», «мамағаш», «әбзел», «ашамай» и т.д.

По своему предметному диапазону и концептуальной глубине все статьи энциклопедии подразделяются на три группы: «категории», «понятия», «названия» (напомним, что эти когнитологические единицы выступают заголовками статей, что является еще одной характерной чертой рецензируемого издания). Первую группу образуют категориально значимые статьи, в которых исследуется та или иная когнитивная единица, отражающая наиболее всеобщие связи и свойства соответствующих изучаемых субъектов, объектов и предметов разнонаправленной и разноуровневой хозяйственно-культурной деятельности казахов-кочевников (например, «ата-баба жолы», «ел», «кісі», «мұсылман», «шаңырақ», «құда», «құдағи», «жұрт», «нағашы жұрт», «қайын жұрт», «қауым», «ру», «хан көтеру», «хан кеңесі», «хан сайлау», «хан», «хан талапай», «хан талау», «хан көтеру», «хан нағы/нақ», «от», «әйел заты», «қыз», «келін», «қалыңдық», «мүшел жас/мүшел жас есебі», «мал», «қалың мал», «жер», «обал», «арам», «адал», «сауап», «әдеттік құқық», «мал», «құн», «ердің құны», «дүние», «о дүние», «жол» и др.).

Статьи же, посвященные раскрытию личностных, статусных, физических, биологических и других многообразных качеств и свойств изучаемых субъектов, объектов и предметов социокультурной и экономической деятельности кочевников образуют вторую «понятийную» группу (например, «құран/құран кәрім», «үй», «үй тігу», «би», «болыс», «бай», «қожа», «кіім», «кіім-кешек», «жылқышы», «жылқы», «жылқы бағу», «түйе», «қой», «сиыр», «жайылым», «жайлау», «қыстау», «күзеу», «көктеу», «астық», «наурыз», «наурыз көже», «наурыз мейрамы», «қара құн», «киіз үй», «мамағаш», «мықан ағашы», «бата», «жер тарту», «ас-тағам», «албасты», «асырап алу», «ойын-сауық», «есепші», «мезгіл», «тәулік», «мұрат», «қолөнер», «ою-

өрнек», «аңшы/аңшылық», «басжақсы», «бас киім», «Баянбайдың малы», «бәдік», «бәдік айтыс», «айтыс», «бәйтерек», «бесік», «құсбегі», «малшы», «малшылық», «малдың пірі», «малдың мінезі», «малдың құты», «өлішем», «өңір», «өріс /мал өрісі», «өріс бұзу», «өлім жазасы», «өлік хақы», «өлікті жөнелту», «қырық жеті», «қырық күн шілде», «қырықтың бірі қыдыр», «нәбәтат», «нығмет», «ойсылқара/қаусылгазы», «найман төлеу», «неке», «ноғайлы/он сан ноғай», «ноқта», «ноқтағасы», «жасау», «жыл қайыру», «егіс/егістік», «үркер» и др.).

К третьей группе относятся статьи, посвященные следующим когнитологическим единицам – названиям, которые означают предметы, объекты и средства социально

целеполагающей деятельности кочевников, в первую очередь, связанную с удовлетворением социальных, духовных, материальных и витальных потребностей человека. Принципиальное отличие данной группы когнитологических единиц от предыдущих групп заключается в том, что они выражают специфические (единичные) свойства и качества, присущие только лишь определенной категории объектов, предметов, средств хозяйственно-культурной деятельности кочевников (например, «сәукеле», «аша», «айыр», «жусан», «арба», «соқа», «домбыра», «қобыз», «қамшы», «тау», «ағаш», «асық ойын», «жел», «жұлдыз», «жетіқарақшы», «асықты жілік», «қымыз», «қымыз өлтіру», «қымыз ішу», «тас қашау», «тас боран», «тары», «тархан», «сетер/сетер мал», «бақан», «текемет», «басқұр», «ер», «құранды ер», «орыс ер», «ойма ер», «ортеке», «от/мал оты», «отамалы», «отарба», «оташы», «оташылық», «отқа қою», «отын-су», «ошақ», «ошақ пеш», «құрт», «құрт көже», «құс», «құснихат», «қырықтық», «малақай», «малма», «малта», «мәтке», «мал пішу», «тоғыз құмалақ», «қырық бір құмалақ», «ыдыс-аяқ», «ожау», «ойран шалбар», «оқшантай», «оқ», «оқпан», «оқтау», «нақыштау» и др.).

Отметим, что статьи первой и значительная часть второй группы в соответствии своему категориальному и понятийному статусу, отличаются масштабностью и концептуальной содержательностью (наиболее характерный пример: «ас/ас беру», «жүз», «ру», «қазақ», «Қазақстан», «ауыл», «киіз үй», «амал», «аңшылық», «ас/тамақ/тағам», «жаза», «жазу», «жесір дауы», «жерлеу» и т.п.). Вместе с тем и ряд статей, посвященных как природным, так и антропогенным объектам и предметам деятельности человека в кочевой среде, также характеризуются подробностью трактовки соответствующей темы и имеют научно обоснованную доказательную базу. Это обстоятельство, очевидно, следует объяснить социокультурно, хозяйственно-экономически и в бытовом отношении исключительным значением этих самых объектов и предметов социальной и хозяйственно-культурной деятельности кочевников. В качестве примеров, в частности, можно отметить следующие статьи, как «алаша», «кілем», «түскиіз», «зергер/зергерлік», «жеті жаргы», «кертагы», «кимешек», «киіз басу» и т.п. (авторы Нурсан Алимбай, Рустем Шойбеков).

Поскольку даже простое перечисление названий статей в столь масштабном издании заняло бы десятки страниц, ограничимся обобщающей характеристикой основных направлений, поднятой в энциклопедии научной проблематики, обратив при этом

на наиболее концептуально и конкретно-исторически (этнографически) значимые аспекты и сюжеты соответствующих статей. Думается, и в таком несколько «сжатом» оценочном ракурсе вполне возможно достаточно репрезентативно продемонстрировать достоинство этого без преувеличения поистине уникального исследования.

Как уже отмечалось, в силу жанровой специфики энциклопедического издания, в целях системной и логически обоснованной оценки статей их можно группировать по следующим проблемно-тематическим направлениям: этническая и этнополитическая история; социальные отношения: структура и организационные формы этих самых отношений; семья и брак; институты власти и властные отношения; кочевое хозяйство и традиции земледелия; система жизнеобеспечения (поселение, пастбище, жилище, одежда, система питания, народные знания); военное дело; материальная и нематериальная культура (элементы хозяйства, быта, а также предметы, объекты, средства отправления ритуально-обрядовых действий, прикладное искусство, в том числе ремесла, а также промыслы; институты и механизмы ритуально-обрядовой практики жизненного цикла; традиционное мировоззрение, религиозные верования, календарные праздники, соционормативная культура и др.).

С точки зрения институционального механизма функционирования кочевого социума, отдельную группу образуют статьи, посвященные таким институтам традиционной властно-управленческой системы, как ханская власть, «*би*», «*ру басы*» (глава рода) и «*ақсақал*» (старейшина рода). Все статьи данного цикла, как впрочем и другие, отличаются оригинальностью и логической завершенностью, особенно, с точки зрения необходимой доказательной базы, что подтверждается на примере статьи Нурсана Алимбая, посвященной значению и функции института «*ақсақал*» в веками сложившейся системе институциональных отношений в кочевом социуме казахов. При этом, насколько нам известно, автор, опираясь на соответствующие материалы, впервые в историографии обращает внимание на то, что в кочевой среде нередко «аксакалом» именовали и 40-50-летних мужчин, заслуженно завоевавших всеобщее признание и авторитет среди общинников благодаря своим выдающимся интеллектуальным, нравственным и деловым качествам. Материалы статей подводят к фундаментальной важности выводу, что «*би*», «*ру басы*» и «*ақсақал*» свои соответствующие институциональные функции (судебные, организаторско-управленческие и т.д.) осуществляли только посредством рода-общины (в терминологии Нурсана Алимбая семипоколенная экзогамная структура – «*жеті ата*»), поскольку все они так или иначе являлись членами той или иной рода-общины. Главным образом, потому что, как пишет автор, именно «*жеті ата*» выступала хозяйственно-экономически, социокультурно и даже институционально обусловленным основным жизненным пространством реализации указанными субъектами («*би*», «*ру басы*», «*ақсақал*») своей деятельности практически на всех уровнях социума – рода-общины, межродовых, межплеменных и межжуровых отношений (т.е., этноса) и т.д.

Из материалов энциклопедии следует, что могущество ханов, как субъектов верховной власти, также было обусловлено, прежде всего, всеобщей поддержкой казахских родов-общин (институционального, организационного, военно-политического,

нередко материального характера). Наиболее же сильный род-община из каждого жуза становился опорой ханской власти, названный в народе «*ханның нағы*».

Изучение этих и других вопросов получили развитие и конкретизацию в цикле статей, посвященных структуре и функциям жуза, племени, рода-общины, впервые в отечественной историографии рассматриваемые в качестве соответствующих форм (способов) самоорганизации казахов в условиях кочевого образа жизни. Смысл данного определения, как подчеркивается в ряде статей данного цикла, означает, что каждая из этих таксонов-структур в реальной действительности функционировала как организационная форма соответствующего типа и уровня общественных отношений. «*Жүз*» и «*тайпа*» (племя) преимущественно – институциональных, род-община – всей базовой системы социальных отношений (хозяйственно-экономических, обычноправовых, социокультурных и т.д.). При этом последовательно обосновывается ключевое положение о том, что именно семипоколенная экзогамная структура «*жетіата*» функционировала в качестве общины-социума. Основными составляющими «*жетіата*» являлись патронимические структуры «*бірата*» («*бір атаның балалары*»), каждая из которых состояла примерно из 9-12, редко 15 семей. По научно обоснованному утверждению Нурсана Алимбая, эти патрилинейные структуры выступали основными производительными силами, т.е., в сущности, являлись единственными непосредственными корпоративными субъектами хозяйственно-культурной деятельности и воспроизводства личности «общинного» типа.

Обращает на себя внимание весьма оригинальная трактовка институциональной природы и функции жуза, данная Нурсан Алимбаем в своей достаточно обширной статье. По его глубокому убеждению, «жуз представляет собой высшую форму самоорганизации казахов-кочевников, выполнявшей в историческом прошлом функции, прежде всего, территориальной и политической интеграции генеалогически близких (в представлении кочевников) родоплеменных образований (общин) в полном соответствии с концепцией устной историографической традиции «*шежіре*». Генеалогически лишь по форме данный уровень самоорганизации кочевников на самом деле представляет собой хозяйственно-экономически, институционально и даже географически обусловленным способом управления и регулирования преимущественно межродовых (в сущности, межобщинных) отношений. И тут возможен следующий резонный вопрос: почему межродовые (межобщинные) отношения были основным объектом организаторской и институционально-регулятивной деятельности жуза? Дело в том, что как уже отмечалось выше, именно кочевая община, существовавшая в виде «*жетіата*» (букв: семь поколений) выступал основным корпоративным субъектом воспроизводства материальных и нематериальных благ, а также самого индивида-общинника. Действительно, как свидетельствуют источники, институты жузовых структур «*билер кеңесі*» (совет биев), «*бидің билігі*» (суд биев), «*ру басылар кеңесі*» (совет родовых старейшин), «*хан кеңесі*» (ханский совет), и даже сам хан («*хан билігі*») и т.п. практически никогда не вмешивались во внутреннюю жизнь родов-общин, за исключением тех случаев, когда определенные вышедшие из-под контроля

внутриродовые экстраординарные социальные и политические эксцессы угрожали устоявшимся нормам и принципам межродовых (межобщинных) отношений. В этом смысле, жуз изначально сложился и функционировал как организационная (институциональная) форма преимущественно межродовых отношений. К сожалению, практически все исследователи факт образования трех жузов в начале XVII века рассматривают как свидетельство организационно-политического разъединения казахского этноса. На самом же деле казахи в указанное время объединились в три жуза. Такая троичная форма самоорганизации казахского этноса в суровых условиях кочевой этноэкосистемы оказалась хозяйственно-экономически, социокультурно, политически, и даже экологически весьма обоснованным способом рационального распределения людских и материальных сил, направленного, прежде всего, на эффективную эксплуатацию кормовых и водных ресурсов столь огромной территории Казахстана».

Историческим и логическим продолжением отмеченной линии исследования в энциклопедии является ряд статей, посвященных группе универсалий, в которых отложен ментально выраженный огромный межпоколенный этнический опыт реализации обычноправовых отношений в кочевой среде. При этом особое внимание уделяется таким институтам обычноправовой практики, как «*билер кеңесі*» (совет биев), «*жүгініс*», «*бидің билігі*» («суд биев»). Эти процессуально-правовые институты в соответствующих статьях энциклопедии рассматриваются своего рода как пусковые механизмы включения правовых функций традиционных норм и принципов линий поведения кочевников для наказания виновных лиц (при этом в статьях совершенно верно подчеркивается, что часто применяемое в науке понятие «*билер соты*» представляет лишь механически калькированный эквивалент понятия «суд биев», утвердившегося вследствие насильственного внедрения российским колониальным режимом русскоязычной юридической терминологии в обычноправовую практику казахов).

В цикле статей анализируются формы традиционной семьи, а также роль и значение экзогамных норм в регулировании семейно-брачных отношений. При этом специальное внимание уделено изучению семейной обрядности, которая состояла из трех взаимосвязанных циклов: а) свадебного; б) верований и обрядов, связанных с рождением и воспитанием детей; в) похоронно-поминального.

Особую группу образуют статьи, в которых посредством соответствующих категорий, понятий и названий «точечно» рассматриваются (т.е. в рамках той или иной когнитивной единицы) такие направления кочевого скотоводства, как коневодство, овцеводство, верблюдоводство, а также традиции разведения крупного рогатого скота («*ірі қара мал*»). У казахов они назывались «*төрт түлік*» (при этом авторами отмечается, что козы и овцы вкупе образуют единую категорию «*түлік*»). Собственно, именно данным типом хозяйственно-культурной деятельности, в конечном счете, и обусловлены структурно-функциональные особенности системы управления, властных и социальных отношений, культурных традиций, жизнеобеспечивающих структур,

механизмов различных типов и направлений хозяйства и т.п. (авторы Нургельды Уали, Нурсан Алимбай, Рустем Шойбеков).

Посредством соответствующих категорий, понятий и названий изучены традиционные формы и способы ведения и земледельческого хозяйства у казахов. При этом впервые введены в научный оборот бывшие в применении у казахов-кочевников целый цикл названий отдельных элементов и механизмов веками сложившейся оросительной системы, особенно, южных и южно-западных регионах Казахстана («*түбіртікі*», «*қарабура*», «*салма*», «*арық салма*», «*шығыр-әуім*» и т.п.). Каждый из этих и других терминов с этнографической точностью отражает этнически характерные черты, технологические особенности, в частности, способы применения соответствующего компонента традиционных гидротехнических сооружений (авторы Нурсан Алимбай, Б. Какабаев).

Проанализирована группа категорий, понятий и названий, которые в своем системном единстве образуют этнографическую «картину» традиционной культуры жизнеобеспечения казахов (поселение, жилище, одежда, система питания, домашний интерьер и утварь, а также народные знания – метеорологические, метрологические, ботанические, зоологические, медицинские, астрономические и т.д.).

В следующем цикле когнитивных единиц изучено традиционное военное дело у казахов-кочевников – институт батырства (в терминологии автора Калиоллы Ахметжана «*батыршылдық*»), предметы и средства вооружения и их функции, а также тактика ведения войны в различных ландшафтных и погодных условиях.

Ряд универсалиев, связанных со сказительским («*ертекші*») и исполнительским искусством («*жыршы*»), а также традициями импровизации (прежде всего «*жырау*» и «*ақын*») и поэтического состязания «*айтыс*», является предметом специального изучения с точки зрения выполнения данными направлениями гуманитарной культуры казахов разнообразных этнических функций (коммуникативных, зрелищных, эстетических, ритуально-обрядовых, педагогических и т.д.) (авторы Нургельды Уали, Нурсан Алимбай). Материалы данной группы статей позволяют реально представить, что именно сказительское и исполнительское искусство вкупе с традициями импровизации, а также поэтическое состязание «*айтыс*» в условиях кочевого образа жизни казахов выполняли функции транслятора межпоколенно-этнического опыта.

Особый цикл категорий, понятий и названий, отражающих основные направления домашнего хозяйства, промыслов, а также прикладного искусства (войлочное производство, ковроделие, кузнечное дело, кожевенное дело, орнаментика, охота и рыболовство, ювелирное искусство и т.д.) также стал предметом специального изучения (авторы Рустем Шойбеков, Нурсан Алимбай, Б. Какабаев и др.). Примечательно, что были введены в научный оборот ранее неизвестные в науке ряд технологических приемов и способов изготовления, например, особого прочного вида войлочных изделий – покрытий юрты («*туырлық*», «*түндік*», «*үзік*» и т.д.), дубленой кожи – замши и т.д. В последнем случае авторами отмечается (Нурсан Алимбай, Б. Какабаев), что

традиционная технология изготовления замши называлась «қыбықтыру» (дубление), а сам полученный продукт – «күдері» (замша).

Заслуживает быть особо отмеченным и цикл статей, посвященных подробному анализу тех категорий, понятий и названий, которые отражают сложившийся веками опыт применения народных знаний в различных сферах жизнедеятельности кочевого этноса – в процессе посезонной организации выпаса скота, лечения болезней различных видов домашних животных и т.д. (авторы Нургелды Уали, Жагда Бабалыкулы). При этом впервые в национальной историографии достаточно подробно описаны этнически характерные черты, свойства и содержание, а также жизнеобеспечивающие функции двенадцатилетнего животного цикла «жыл қайыру», лунного календаря «ай есебі», традиции определения дневного («күн қайыру») и ночного («жұлдыз қуу», «жұлдыз қарау») времени суток в зависимости от посезонной амплитуды их изменения (автор Нургелды Уали).

Еще одно примечательное свойство энциклопедии – в ней впервые в отечественной этнологии создан обширный тезаурус историко-этнографических категорий, понятий и названий, научно-познавательная функция которых прекрасно демонстрирует огромный эвристический потенциал и рациональность когнитологического способа организации и подачи разнохарактерного этнографического материала в научно-энциклопедическом формате. Речь идет о методической эффективности и результативности энциклопедического изучения исторической этнографии казахов, прежде всего, с позиции ее понятийно-категориальной структуры. Потому что эти когнитологические единицы – универсалии (модусы) представляют собой ключевые системо- и смыслообразующие «узлы» всей этнографической проблематики, поскольку заключают в себе многовековой межпоколенный этнокультурный опыт казахов. Рецензируемая энциклопедия в известном смысле является и семасиологическим исследованием, поскольку в каждой статье, в сущности, изучается культурная семантика соответствующей когнитологической единицы. Кстати сказать, в энциклопедии впервые вводятся в научный оборот более 4500 когнитологических единиц, не вошедшие даже в состав знаменитого пятнадцатитомного словаря «Қазақ тілінің әдеби сөздігі» (2011 г.). В этом смысле материалы энциклопедии представляют интерес и для отечественных ученых-лингвистов, шире – тюркологов в целом.

Актуальность презентуемой энциклопедии заключается в том, что она является своего рода научной инвентаризацией и репрезентацией практически всех доступных аспектов веками сложившейся культурно-исторической традиции казахского этноса, в том числе по тем или иным причинам незаслуженно забытых или утраченных. Очевидно, именно поэтому рядом представителей научной общественности, в том числе и зарубежной, данный труд оценен как масштабное энциклопедическое исследование этнической культуры казахов в широком теоретико-методологической перспективе. В этой связи обращает внимание высокая оценка научно-познавательного достоинства

энциклопедии профессора Университета Хасеттепе (Турция) М. Дервиш Килинчкая, данная ею в своей специальной рецензии, опубликованной в авторитетном научном журнале базы SCOPUS «**Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi**» [3, p. 417-423].

Энциклопедия рассчитана не только для научной аудитории. Она предназначена и для широкой публики. При этом, благодаря высокому научно-познавательному уровню и обширной источниковой базе второе издание энциклопедии уже стало ценным учебным пособием и для такой специфической категории читателей, как студенты, магистранты, докторанты и преподаватели среднеспециальных и высших учебных заведений, а также отечественные музейные работники, то есть издание выполняет и функцию учебного пособия.

Литература

1. Кудеринова Қ. Қазақ дәстүрлі мәдениетінің антологиясы //Ақиқат. Ұлттық қоғамдық-саяси журнал. – 2015. №12.
2. Yerke Ozer, Alimbay, N. (ed), Kazaktin Etnografialik Kategoriyalar, Ugumdar Men Ataularinin Dasturli Juyesi, Memlekettik Ortalik Muzeyi // Milli folklor. Ыз Aylık Uluslararası Кълтър Араştırmaları Dergisi. Cilt 14, Yil: 27. Sayı 105.
3. Derviş M. Kilinzkaya, Nursan Alimbay (ed). Kazak Halkinin Etnografik Kategori, Kavram ve Isimlerinin Geleneksel Sistemi. 1-5 cilt // Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi Yil 15 Sayı 30 (Guz 2019).

References

1. Kuderinova Q (2015) Qazaq dasturli madenietinin antologiyasy, Aqiqat. Ul'ttyq qogamdyq-sayasi zhurnal [Anthology of Kazakh traditional culture], [Aigak. National socio-political magazine]. №12. [in Kazakh].
2. Yerke Ozer, Alimbay, N. (ed) Kazaktin Etnografialik Kategoriyalar, Ugumdar Men Ataularinin Dasturli Juyesi, Memlekettik Ortalik Muzeyi, Milli folklor. Üç Aylık Uluslararası Kültür Araştırmaları Dergisi. Cilt 14, Yil: 27. Sayı 105. [International and Quarterly Journal of Cultural Studies. Volume / Tome: 14. Number: 105]. [in Kazakh].
3. Derviş M. Kilinzkaya, Nursan Alimbay (ed) (2019) Kazak Halkinin Etnografik Kategori, Kavram ve Isimlerinin Geleneksel Sistemi. 1-5 cilt, Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi Yil 15 Sayı 30 (Guz) [The traditional system of ethnographic categories, concepts and names of the Kazakh people. 1-5 volumes][Journal of Republican Historical Research 15 year Issue 30]. [in Turkish].

ЖАРИЯЛАУ ЭТИКАСЫ

Авторлар үшін:

Автордың қолжазбаны редакцияға жіберуі мақаланың «**Turkic Studies Journal**» журналында басылуына, шетел тіліне аударылып қайта басылуына келісімін білдіреді. Автор мақаланы редакцияға жіберу арқылы автор туралы мәліметтің дұрыстығына, мақала көшірілмегендігіне (плагиаттың жоқтығына) және басқа да заңсыз көшірмелердің (мәтін, кесте, диаграмма, безендірудің барлық сызбалары заңды түрде тіркелгендігіне) жоқтығына кепілдеме береді.

Жіберілген қолжазбаға қойылатын талаптар. Қолжазба:

- редакция талаптарына сәйкес рәсімделген болуы қажет;
- басқа басылымда жарияланбаған және жариялауға жіберілмеген болуы керек;
- оригиналды зерттеу нәтижелерін қамтуы қажет;
- автордың/авторлар тобының ғана зерттеу нәтижелерін қамтуы қажет;
- баспаға қолжазбаның жіберілуі автор/авторлардың мақаланың жіберілуімен таныстығын, қолжазбада көрсетілген авторлардың кезегіне қарсы еместігін білдіреді;
- әдебиеттер тізіміне тек зерттеу барысында пайдаланылған әдебиеттер енгізіледі;
- қолданылған барлық әдебиеттер тізімі (автордың/авторлар тобының еңбектерімен қоса) мақалада көрсетілуі қажет.

Рецензенттер үшін:

- рецензияға түскен әрбір мақала құпия құжат ретінде қарастырылады. Рецензент өзінің жазбаларында жі- берілген мақаланың қандай да бір материалдарын пайдалана алмайды. Рецензент қолжазба материалдарды бас редактордың рұқсатымен ғана үшінші тұлғаға жіберуі мүмкін;
- журналдың біржақты анонимді рецензиялау саясатына орай, қолжазба авторы туралы деректер рецензентке мәлім болады. Осыған байланысты, рецензия объектісі қолжазба авторы/авторлар тобы емес, қолжазбада алынған нәтижелер болып табылады. Рецензент шешімі автордың/авторлар тобының гендерлік, ұлттық, діни және басқа жеке қасиеттеріне тәуелсіз болуы қажет;
- рецензент редакцияға объективті түрде бағаланған қолжазбаға берілген пікірді және, қажет болған жағдайда, мақаланы жетілдіру ұсыныстарын беруі қажет;
- рецензент зерттеу тақырыбының маманы болмаса, редакторды хабардар етіп, материалға пікір беруден бас тартуы қажет;

Редакторлар үшін:

Бас редактор және редакция алқасы мүшелерінің міндеттері:

- жарияланатын мақалалардың сапасына ерекше көңіл бөлу;
- редакция алқасы құрамынан мақалаға жауапты болып тағайындалған жағдайда рецензенттер пікірімен келісетіндігін (немесе келіспейтіндігін) нақты дәлелдермен негіздеу;

-
- редакция алқасының отырыстарына қатысу, журнал мазмұнын анықтайтын шешім қабылдауда өз пікірін білдіру.
 - техникалық талаптарға сәйкестікке тексерілген әрбір мақалаға журналдың редакция алқасы құрамына кірмейтін екі рецензент және редакция алқасынан мақалаға жауапты бір маман тағайындайды;
 - рецензенттердің пікірлері мен редакция алқасының жауапты мүшесінің қорытынды пікірі бойынша қолжазбаны жариялау туралы қорытынды шешім қабылдайды. Бас редактордың шешімі редакция алқасы отырысында талқыланады;
 - бас редактор шешім қабылдауда тек мақаланың баспа стандарттарына сәйкестігі мен онда алынған ғылыми нәтижелерді басшылыққа алады. Бас редактордың және редакция алқасының шешімі автордың/авторлар тобының гендерлік, ұлттық, діни және басқа жеке қасиеттеріне байланысты болмауы керек.

PUBLICATION ETHICS

For authors:

Submission of articles to the scientific publication office means the authors' consent to the right of the Publisher, L.N. Gumilyov Eurasian National University, to publish articles in the journal and the re-publication of it in any foreign language. Submitting the text of the work for publication in the journal, the author guarantees the correctness of all information about himself, the lack of plagiarism and other forms of improper borrowing in the article, the proper formulation of all borrowings of text, tables, diagrams, illustrations.

The author(s) should provide a cover letter with the article to the journal editors.

Requirements for provided articles.

The article

- must be issued according to the requirements of the editorial board;
- at the time of sending the article should not be published or be pending in another edition;
- must contain original research results;
- must include the results only of the author work / team of authors (the inclusion of other persons is unacceptable); It is assumed that at the time of sending the article, all authors agree with the publication in this journal and do not object to the order of indication of the authors in the article;
- should include in the list of citations only those peer-reviewed sources that were actually used in the course of the study;
- should indicate all sources used (including the work of the author / team of authors).

For reviewers:

- all articles received for review must be viewed as a confidential document. A peer reviewer has no right to use unpublished article materials in his own research. The reviewer may send material to third parties only with the permission of the editor-in-chief;
- according to the journal review policy, the journal uses a one-sided "blind" review procedure, when the authors' data are known to the reviewer. In this connection, the object of reviewing should be the results of the obtained research, and not the author/team of authors. Expert opinion should not depend on the gender, nationality, religion and other personal qualities of the author / team of authors;
- the reviewer needs to submit an objective work assessment to the editor, if necessary, suggest options for improving the submitted material;
- the reviewer must refuse to review the material, notifying the editor if he/she is not a specialist in the subject matter of the material;

For editors:

Editor-in-Chief and members of the editorial board undertake

- pay special attention to the qualitative composition of articles;
- in determining who is responsible for the article, make his reasoned decision by agreement (or disagreement) with the reviewers' decisions on the article;
- participate in meetings of the journal editorial board, make decisions on determining the content of journal issues. Editor-in-Chief;
- identifies two reviewers who are not members of the journal editorial board (scientists or specialists in relevant topics) for each article that has passed the initial review for compliance with technical requirements;
- on the basis of peer-reviews and the conclusion of the responsible member of the editorial board, makes the final decision on the publication of the received material. The decision of the editor-in-chief is brought up for discussion by the editorial board;
- In his/her decision, the Editor-in-Chief is guided solely by scientific considerations and compliance with publishing standards. The decision of the Editor-in-Chief and the editorial board should not depend on the gender, nationality, religion and other personal qualities of the author/team of authors;

Open Access Policy

The journal 's articles are directly accessible to all, based on the principle that free open access to research results increases universal knowledge.

ПУБЛИКАЦИОННАЯ ЭТИКА

Для авторов:

Отправление статей в редакцию означает согласие авторов на право Издателя, Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева, издания статей в журнале и переиздания их на любом иностранном языке. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.

Требования к предоставляемым статьям.

- Статья должна быть оформлена согласно требованиям редакции, на момент отправки не должна быть опубликована или находиться на рассмотрении в другом издании,
 - должна содержать результаты оригинальных исследований,
 - включать только результаты работы автора/авторского коллектива (включение иных лиц недопустимо).
- Предполагается, что на момент отправки статьи все авторы согласны с публикацией в данном журнале и не возражают против порядка указания авторов в статье,
 - должна содержать в списке цитирования только те рецензируемые источники, которые действительно были использованы в ходе исследования,
 - в статье должны быть указаны все использованные источники (в том числе и на работы автора/авторского коллектива).

Для редакторов:

Главный редактор и члены редакционной коллегии обязуют

- обращать особое внимание на качественный состав статей,
- при определении ответственным по статье выносить свое аргументированное решение по согласию (или не согласию) с решениями рецензентов по статье,
 - участвовать в заседаниях редакционной коллегии журнала, принимать решения по определению содержания номеров журнала.
 - определяет двух рецензентов, не входящих в состав редакционной коллегии журнала (ученых или специалистов по соответствующей тематике) и ответственного по статье из состава редакционной коллегии по каждой поступившей статье, прошедшей первичный отбор по соответствию техническим требованиям,
 - на основе отзывов рецензентов и заключения ответственного члена редакционной коллегии принимает окончательное решение о публикации поступившего материала. Решение главного редактора выносится на обсуждение редакционной коллегии.
 - В своем решении главный редактор руководствуется исключительно научными соображениями и соответствием издательским стандартам. Решение главного редактора и редакционной коллегии не должно зависеть от пола, национальности, вероисповедания и других личных качеств автора/авторского коллектива.

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕЛЕР

1. Мақаланы журналға жариялау үшін ұйымдастыру комитетінің e-mail: turkicstudies@gmail.com электрондық мекен-жайына жіберу қажет.

Жарияланым тілі: қазақ, орыс, ағылшын

2. Автордың қолжазбаны редакцияға жіберуі оның мақаласын қандай да болмасын шет тілінде журналда жариялау және қайта жариялау үшін Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетіне өз құқығын білдіреді. Автор мақаланы редакцияға жіберу арқылы автор туралы мәліметтің дұрыстығына, мақала көшірілмегендігіне (плагиаттың жоқтығына) және басқа да заңсыз көшірмелердің (мәтін, кесте, диаграмма, безендірудің барлық сызбалары заңды түрде тіркелгендігіне) жоқтығына кепілдеме береді.

3. Көлемі – 7-15 бет.

4. Мақалаларды әзірлеу тәртібі төмендегідей:

- Мақаланың атауы бас әріппен, жолдың тура ортасына жазылады;
- Мақала авторының аты-жөні толық жазылады (қалың қаріппен, оң жақ шеті бойынша теңестіріледі);
- Ғылыми атағы, ғылыми дәрежесі, ЖОО атауы, лауазымы, жұмыс орны, қаласы (қысқартуларға жол берілмейді);
- Байланыс үшін E-mail көрсетіледі;
- Бір жолдан шегіну
- Түйін ағылшын тілінде жазылады және негізгі мәтіннің алдында беріледі (көлемі 100-150 сөз, қалың қарқаріппен беріледі);
- Кілт сөздер – 5-10 сөз. Кілт сөздер бір-бірінен нүктелі-үтір арқылы бөлінеді, қалың қаріппен;
- **Мақала атауы, автордың деректері, аннотация және журналдағы түйінді сөздер үш тілде беріледі: қазақ, орыс, ағылшын (жақын және алыс шетелдердің авторлары бұл мәліметтерді ағылшын және орыс тілдерінде бере алады, қазақ тіліне аталған мәліметтерді журналдың редакциялық алқасы аударды).**
- Мәтінді, формулаларды және кестелерді теру үшін Windows-ке арналған Microsoft Word редакторын пайдалану керек. Мәтін редакторының параметрлері: барлық шеті 2 см; Times New Roman қарпі, өлшемі – 12; жоларалық интервал – 1,15; ені бойынша теңестіріледі; абзацтық шегініс 1 см; беттің кескіні – кітап;
- Мәтіндегі әдебиеттерге ретіне қарай жасалған сілтемелер шаршы жақша арқылы рәсімделеді, мысалы: [1, с. 277]. Тізімнің қарпі-Times New Roman 10 тармақ, еженің бірінші жолы 0.5 см, ені бойынша қозғалмалы туралау.
- Әдебиеттер тізімі екі үлгіде: 1) мақала тілінде дәйексөзге қарай; 2) латын транслитерациясы, оның шеңберінде шаршы жақшада ағылшын тіліне аударма беріледі.
- Талаптар шолулар, рецензиялар мен есімнамалар жазуға қолданылады..

5. Қолжазба орфографиялық және синтаксистік қателерге және техникалық безендіруге мұқият тексерілуі тиіс. Техникалық талаптарға сай келмейтін қолжазбалар пысықтауға қайтарылады. Пысықтауға қайтару қолжазба жариялануға қабылданғанын білдірмейді.

INFORMATION FOR AUTHORS

1. In order to having published an article to the journal, it is mandatory to send the report text to email turkicjournal@gmail.com address of the organizational committee.

Language of publishing: Kazakh, Russian, English

2. Submission of articles to the scientific publication office means the authors' consent to the right of the Publisher, L.N. Gumilyov Eurasian National University, to publish articles in the journal and the re-publication of it in any foreign language. Submitting the text of the work for publication in the journal, the author guarantees the correctness of all information about himself, the lack of plagiarism and other forms of improper borrowing in the article, the proper formulation of all borrowings of text, tables, diagrams, illustrations.

3. Length – 7-15 pages.

4. Scheme of articles construction is given in the following order:

- article title should written in capital letters, center alignment;
- on the next line (bold italic type, right alignment) – Full name of the article's author;
- on the next line (italic type, right alignment) – academic status, academic degree, name of higher institution, city or job position, work place, city (clipping is not allowed);
- on the next line (italic type, right alignment) – E-mail for contacts;
- space of one line
- abstract – optimum size is 100-150 words. Abstract is given before the main text;
- keywords – 5-10 words. Keywords separate from each other a point from a comma;
- **Title of the article, data of the author, annotation and key words in the journal are given in three languages: English, Kazakh, Russian (authors from near and far abroad can give this information in English and Russian, in Kazakh language the specified data are translated by the editorial board of the magazine)**

- for typing, formulae and charts Microsoft Word editor should be used for Windows. Text editor options: all field for 2 cm; Times New Roman font, font size is 12; interline interval is 1,15; full justification; indenture 1 cm; portrait page orientation;

- references in the text on the relevant source from the list of references are made out in square brackets and should be given as cited. The font of the list is Times New Roman of 10 points, the first line of the paragraph with a ledge of 0.5 cm, alignment on width with transfers;

- The list of reference is provided in two variants: 1) as cited in the language of the article; 2) Latin transliteration, with English translation in square brackets (see on Example)

5. The manuscript must be carefully checked for spelling and syntax errors and technical design. Manuscripts that do not meet the technical requirements have been returned for revision. Returning for revision does not mean that the manuscript is accepted for publication

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

1. Автору, желающему опубликовать статью в журнале «**Turkic Studies Journal**» необходимо направить статью на электронный адрес журнала turkicjournal@gmail.com

Язык публикаций: английский, русский, казахский.

2. Отправление статей в редакцию означает согласие авторов на право Издателя, Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева, издания статей в журнале и переиздания их на любом иностранном языке. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.

3. Объем статьи не должен превышать 7-15 страниц

4. Оформление статьи дается в следующем порядке:

- Название статьи по центру строки прописными буквами
- Ф.И.О. (имя и отчество прописываются полностью): шрифт жирный курсив, выравнивание по правому краю)
 - Ученое звание, ученая степень, название вуза, должность, место работы, город, страна (сокращения не допускаются)
 - E-mail адрес
 - Отступ одной строки
 - Аннотация дается перед основным текстом (объем 100-150 слов), шрифт жирный.
 - Ключевые слова 5-10 слов, даются после аннотации и разделяются между собой точкой с запятой, шрифт жирный.
- **Название статьи, данные автора, аннотация и ключевые слова в журнале даются на трех языках: английском, казахском, русском (авторы из ближнего и дальнего зарубежья эти сведения могут дать на английском и русском языках, на казахский язык указанные данные переводятся редколлегией журнала).**
 - Для набора текста, формул и таблиц следует использовать редактор Microsoft Word для Windows. Параметры текстового редактора: все поля по 2 см; шрифт Times New Roman, размер – 12; межстрочный интервал – 1,15; выравнивание по ширине; абзацный отступ 1 см; ориентация листа – книжная;
 - Ссылки в тексте на соответствующий источник из списка литературы оформляются в квадратных скобках, например: [1, с. 277]. Шрифт самого списка – Times New Roman 10 пунктов, первая строка абзаца с выступом 0.5 см, выравнивание по ширине с переносами.
 - Список литературы предоставляется в двух вариантах: 1) по мере цитирования на языке статьи; 2) латинской транслитерацией, в рамках которого в квадратных скобках дается перевод на английский язык (см. Образец: References).

5. **Рукопись должна быть тщательно выверена на орфографические и синтаксические ошибки и техническое оформление. Рукописи, не соответствующие техническим требованиям, будут возвращены на доработку. Возвращение на доработку не означает, что рукопись принята к опубликованию.**

TURKIC STUDIES JOURNAL

2020. Vol. 2, № 1 – Нұр-Сұлтан: ЕҰУ. – 113 б.

Басуға жіберілді 30.03.20.

Тираж – 50 дана.

Техникалық хатшы: Қонқал М.

Редакцияның мекенжайы:

010008, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., Сәтпаев к-сі, 2.

Тел.: +7 (7172) 709-500 (ішкі 31-434)

E-mail: turkicjournal@gmail.com, web-site: tsj.enu.kz

Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникациялар министрлігінде тіркелген.

31.07.19 ж. № 17814-Ж - тіркеу куәлігі

